cultures & sociétés DE L'EST 6

INSTITUT DU MONDE SOVIÉTIQUE ET DE L'EUROPE CENTRALE ET ORIENTALE (IMSECO)

ISSN 0765-0213

ИВАН СТОЛЯРОВ

ЗАПИСКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Récit d'un paysan russe

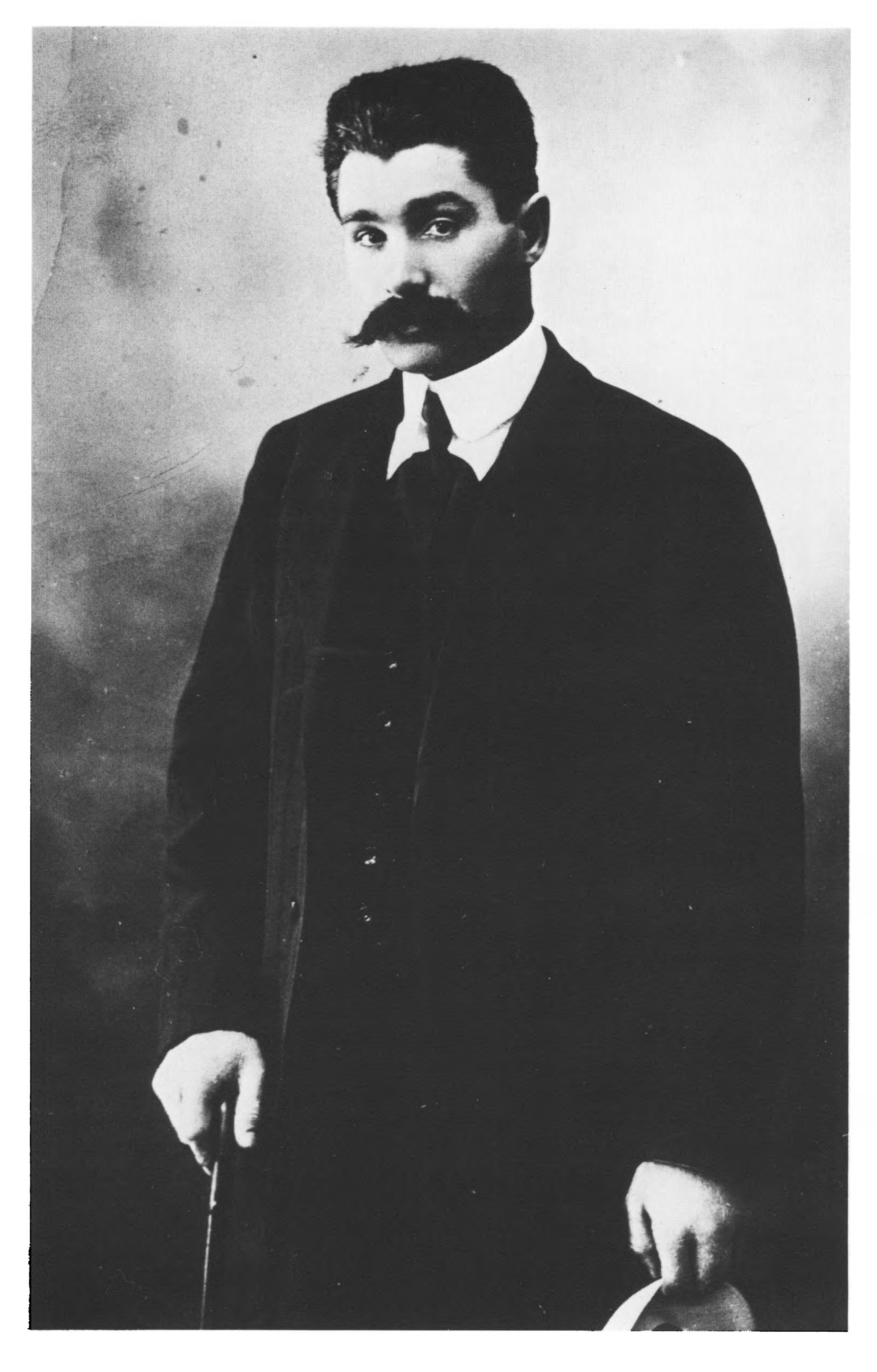

Éditeur-diffuseur

INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES

ЗАПИСКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

RÉCIT D'UN PAYSAN RUSSE

Автор в Париже. 1911 г.

INSTITUT DU MONDE SOVIÉTIQUE ET DE L'EUROPE CENTRALE ET ORIENTALE

cultures & sociétés

CENTRE NATIONAL DE LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE – UNIVERSITÉ DE PARIS-SORBONNE

ИВАН СТОЛЯРОВ

ЗАПИСКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

RÉCIT D'UN PAYSAN RUSSE

Préface de Basile KERBLAY

Notes de Valérie STOLIAROFF
avec le concours d'Alexis BERELOWITCH

PARIS
Éditeur-diffuseur
INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES
9 rue Michelet (VIe)
1986

На обложке :
Изба в которой вырос автор. У двери его отец (1917 г.)

ISSN 0765-0213
ISBN 2-7204-0218-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние страницы, которые В. Э. Столярова и проф. П. К. Паскаль посвятили жизни автора, вполне достаточно представляют его читателю. В них подчеркивается двойная принадлежность И. Я. Столярова : по своему происхождению — к крестьянству, по культуре и идеалу социальной справедливости — к русской интеллигенции. Это-то и придает его повествованию о крестьянской жизни в русской провинции в конце XIX-го и в начале XX-го века самое богатое содержание.

В описаниях крестьянской жизни при старом строе у нас нет недостатка ; их авторы обычно — внешние наблюдатели, так как сами крестьяне не писали. Одни из авторов отмечали бедность, невежество, даже грубость или же жадность деревенских жителей[1] ; другие же, напротив, — особенно представители деревенской прозы в наше время — стремятся, возвращаясь к прошлому, идеализировать народ, исчезающий вместе с его положительными чертами, как, например, выносливость и мужество, был основой целых поколений русской цивилизации. Действительность никогда неразделима на две равные части. В рассказе И. Я. Столярова смех сменяется слезами, сочувствие — жестокостью. Действительность, когда она обнаруживается перед нами во всей своей подлинности, — неисчерпаема. Она далеко превосходит чтение, которое предлагается автором предисловия принявшему на себя роль « мухи пахаря ».

Мы не стремимся изложить вкратце безупречную сжатость текста, дополненного и обогащенного примечаниями В. Э. Столяровой. Наша задача — выделить то, что в этом свидетельстве представляется показательным для общего положения всего русского крестьянства данной эпохи и характерным для этой местности или для семьи автора[2].

1. А. Горький, *О русском крестьянстве,* Берлин, 1922.

2. О крестьянстве Воронежской губернии мы располагаем, с одной стороны, первоисточниками : целой серией нескольких исследований о бюджете крестьянских семей : Ф. А. Щербина, *Крестьянские бюджеты,* Воронеж, 1900, 717 стр. и также отчетами по поручению Воронежского Земства о санитарном положении деревни Новожитное, находящееся совсем близко от Карачуна, автор которого будущий министр Земледелия Временного Правительства Д-р Шингарев : *Вымирающая деревня,* опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда, 1907 г. Среди второстепенных источников отметим : Б. Г. Литвак , *Русская деревня в реформе 1861 г.* (Черноземный Центр 1861-1895), Наука, 1972, и докторская диссертация : Elwira Wilbur, *The peasant economy, landlords and Revolution in Voronež*, University of Michigan, 1977, 252 p.

Настойчивость, видная с первых же страниц, выдвигает на первое место естественное окружение, – понятна, потому что это окружение определяет как и возможности деятельности деревни, так и ритм работ крестьян. Водные условия, представляющие возможность судоходства и транспорта, определенные дни ярмарок, религиозная жизнь с приходскими праздниками, обычаи в питании, очень скромном в каждодневной жизни, чередующемся с постом и мясоедом и в дни семейных празднеств, – вся эта деревенская жизнь включена в годовой неизменный круг.

С наступлением зимы сельско-хозяйственные работы прекращаются, и этот мертвый сезон крестьянин посвящает ремесленной деятельности. Снег, идущий с ноября до марта к великой радости любителей катанья на салазках, позволяет езду на санях ; это время ярмарок и свадеб. Тогда как осенью и весной дожди и таяние снега размывают дороги и изолируют деревню в течение нескольких недель.

Вынужденная отгородиться от остального мира, деревенская община приспособляется к жизни, когда приходится рассчитывать только на самих себя. Все хозяйство семьи принаравливается к тому, чтобы обеспечить продление рода, из которого она вышла, и, по возможности, передать нетронутым отцовское наследие своим потомкам. Очень рано дети принимают участие в хозяйственных работах. По мнению родителей, школа не может научить их ничему полезному для дела ; наоборот, она может открыть им новый кругозор, который оторвет их от семейного круга, как это и случилось с молодым Столяровым[1]. Отношения с внешним миром ограничиваются семейными связями и торговым обменом, продажей излишка для уплаты податей (налоговое обложение беспощадно к должнику)[2] и покупкой предметов, необходимых для крестьянского обихода : керосин, соль, ткань и т.д.

Характерные черты, которые мы отметили, существуют в каждом исконном крестьянском обществе. Русская история вносит некоторые особенности, в зависимости от земледельческого распорядка эпохи и от устава крестьянского общества. Только изба и усадьба находятся в собственности семьи : остальные крестьянские земли принадлежат миру и делятся по числу членов мужского пола в семье на наделы. Этот надел уменьшается по мере увеличения населения, что вынуждает крестьянина искать занятие на стороне. Тем более, что существование семьи зависит от капризов времен

1. В Карачунскую школу записалось только 20 детей из 2500 жителей и 500 семей, что представляет меньше 7 % учеников, если принять во внимание число детей школьного возраста. Отсутствие теплой одежды, о котором упоминается в *Записках*, представляло для многих из них дополнительное препятствие, так как посещение школы приходилось главным образом на зимние месяцы, чтобы не отвлекать детей от полевых работ.

2. Задолженность крестьянства Воронежской губернии, в отношении ежегодных взносов, возросла с 10,3 % в 1866 г. до 108,1 % в 1886 г., т.е. за 20 лет недоимки превысили сумму податей (Литвак, ук. соч., стр. 234). Валовой доход всего крестьянства составлял, в среднем, на душу 35,8 рублей на семью без живого инвентаря и 21,5 рублей чистого дохода после вычета казенных повинностей (подати и др. налоги, обязательное страхование и т.д.), иначе говоря, размер платежей доходил до 40 %. (А. М. Анфимов, *Налоги и земельные платежи крестьян европейской России в начале XX века,* 1901-1912 в Ежегоднике по аграрной истории восточной Европы 1962 года, Наука, Минск, 1964, стр. 504.

года. Если случится плохой урожай а у крестьянина нет запасов[1], как у зажиточных городских людей, ему угрожает голод и эпидемии. Голод 1891-1892 г. запечатлелся навсегда в памяти автора.

Воронежская губерния, расположенная в лесистой степи на богатой черноземной почве, была не из самых бедных. Поэтому дворянство, живущее на доход, получаемый от крепостных, обрабатывающих их земли, в момент отмены крепостного права старалось сохранить за собой как можно больше земли, ограничивая максимально количество мирской земли до 7 десятин на мужскую душу[2]. Сохранившиеся большие дворянские поместья, как, например, у принцессы Ольденбургской (6000 десятин) или у графини Паниной (39000 десятин в 1861 г. и 26000 десятин в 1905 г.), позволяли окружающему населению подрабатывать поденно[3] на этих землях и пользоваться также медицинской помощью, часто лучше обслуживающей и более доступной, чем в земских больницах, потому что эта медицинская помощь содержалась на средства дворянских семей, у которых еще сохранилось чувство ответственности былих времен перед крестьянами[4].

Поселение государственных крестьян в этой губернии относится, главным образом, к царствованию Петра Великого, когда он решил использовать дубовые лесные богатства этого края для постройки флота, предназначавшегося для завоевания по реке Дон побережья Азовского моря. Эти государственные крестьяне обладали обычно большими наделами, чем крепостные помещиков : соответственно 5,6 десятины и 3,3 десятины, в среднем, на каждую мужскую душу[5]. В их числе были крестьяне, которые соглашались на четвертной надел и этим избавлялись от ежегодной платы Государству в течение 49 лет за выкуп мирских земель (параграф о дарственной четверти).

Для общины Карачуна, расположенной между Доном и рекой Воронежом на наносной ледниковой, малоплодородной земле, обработка глины оказывалась более выгодной, чем земледелие. Вместо того, чтобы искать ненадежный заработок на стороне (около 70 000 крестьян, уезжавших ежегодно из этого района на сезонные работы в более южные губернии, никогда не были уверены в том, что найдут там работу и в неурожайные годы возвращались несолоно хлебавши), гончары, не решаясь на риск, предпочитали

1. В Новоживотином, по анкете Д-ра Шингарева, только у 17 дворов из 150 был запас зернового хлеба, достаточного до следующего урожая. Потребление мяса не превышало 13 килограммов на человека в год, сахара – 3 килограмма.

2. М. А. Зайончковский, *Отмена крепостного права в России*, Москва, 1960 г., стр. 364-365.

3. Во время сбора урожая поденный работник за 15 часов работы в день получал от 20 до 40 копеек в день, а женщины – от 15 до 30 коп. на своих харчах. (А. М. Анфимов, *Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904 гг.*, Наука, Москва, 1980, стр. 57.)

4. Данные анкеты, проведенной Д-ом Шингаревым (см. выше), совпадают с утверждениями автора о плохих гигиенических условиях в избах. Кроме отсутствия вентиляции, он указывает на большое количество тараканов и клопов во всех домах и даже в семьях более зажиточных, у которых имелись кровати. Этот критерий богатства, довольно комичный, создал этой анкете большую известность.

5. Зайончковский (ук. соч., стр. 242-243). Литвак (ук. соч., стр. 134) приводит средние цифры, более низкие : от 4,7 и 3 десятины на душу. Если верно, что нужно было минимум 6 десятин на душу для существования, тогда понятно, что около 41 % крестьянских семей этой губернии должны были снимать земли (Анфимов, см. выше).

оставаться дома и работать на местных покупателей. Более богатые из них могли выстроить себе кирпичный дом, но кирпич стоил дорого : кирпичный завод требовал больших затрат и много дров. Семья Столяровых довольствовалась изготовлением горшков для приготовления пищи, которые ставились в большую русскую печь. Еще и теперь Рамоньский прокомбинат, имеющий около 140 рабочих, продолжает традицию горшечников, выпуская разнообразную современную посуду, вазы и керамику.

Топонимия Карачуна с его татарскими корнями, так же, как и соседнее село Усмань, напоминает нам какой была Воронежская область в течение веков на границе дикого поля. Сам город Воронеж был основан на правом берегу реки того же имени в 1586 г., как укрепленный аванпост русских владений. Это не помешало Крымскому Хану разрушить карачунский монастырь в 1659 г. В конце XVIII-го века Крымское Ханство подпало под верховную власть Императрицы Екатерины II. И долины Дона и Воронежа, через Проню и Оку, становятся таким образом путями сообщения для перевозки пшеницы с юга в обе столицы.

Об этих городах говорится мало в *Записках,* если не считать упоминания, что они не имели никакой особенной притягательной силы на крестьянство. За исключением нескольких официальных зданий, церквей и деревянных особняков, города ничем не отличались от большого села. Кроме того, отношение крестьян к городским жителям определялось правилами, по которым они не считались равными с городскими сословиями. Совокупность повинностей по отношению к государству, в виде податей и воинской повинности, ложились тяжелым бременем на крестьянина. Бесправие их положения чувствовалось особенно остро, когда в случае войны прибавлялась их обязанность расплачиваться своею кровью. Унижение, испытанное в результате поражения в войне с Японией, окажется отправной точкой начала революционных дней 1905 г., первой попыткой создания крестьянского движения на национальном уровне под именем Всероссийского Крестьянского Союза.

До тех пор духовенство служило орудием светской власти для поддержания (именно благодаря приходским школам, как, например, школа, основанная в Карачуне) в « добром народе » соблюдения законов и любви к царю. Влияние земских школ, более открытых радикальным идеям, оказалось очень сильным. Эти идеи удалили молодого Столярова от того мира, к которому он привык с детства.

Характер *Записок русского крестьянина* меняется. Они выигрывают своей напряженностью и взволнованностью, но проигрывают в точности. Опасаясь преследований местной банды черносотенцев, он с трудом узнает своего отца на одной из улиц Воронежа ; встреча настолько же сдержанная, насколько и патетическая, которая обнаруживает разрыв со своей семьей, ради посвящения себя целиком освобождению народа. Даже если воспоминания борца в своей основе недостаточны для восстановления нити событий в национальном плане и тем более продолжения за-границей[1], — свидетельство Столярова очень ценно.

1. В противоположность тексту И. Столярова, русская Социал-демократическая партия, во время своего II-го Съезда в 1903 г. приняла земельную программу, которая ратовала за возвращение безвозмездно крестьянских земель, отнятых у них в 1861 г. (отрезки), но, что тоже верно, не выразила никакого намека на респределение государственной земли (черный передел). Стратегия Партии в 1905 г. основана на системати-

Ни разу он не устанавливает какой-либо связи с воронежскими рабочими (в это время в Воронеже их насчитывалось более 5000), с беспорядками 1905 г. Марксистская же историография оспаривает это, приписывая рабочему классу движущую силу в зарождении революционного движения. В Воронежскую губернию радикальная зараза проникла, видимо, через служащих Саратовского Земства, соседней губернии[1], которое с Тверским Земством, было средоточием борьбы, и побуждало крестьянство представить их сетования, следуя Манифесту 18 февраля 1905 г. Роль « Третьего элемента » (сословия), – как называли интеллигенцию земства – врачей, учителей, агрономов, – была решающей в организации сети местных собраний русского Крестьянского Союза[2]. Зато нелегко определить точно влияние социалистов-революционеров (партия которых выдвигала принцип отмены частной собственности и раздела государственных земель в пользу крестьян безвозмездно) и влияние Крестьянского Союза, более умеренного направления, что позволило этому последнему на 2-ом Съезде принять выжидательную позицию, рассчитывая на ближайший созыв Думы.

Рассказ учительницы, дополняющий краткое упоминание И. Я. Столярова об инициативе крестьян освободить из тюрьмы заключенных, подчеркивает во всяком случае преданность учителей делу и объясняет нам приказы губернаторов Саратова и Воронежа закрыть земские школы в конце 1905 г. Но, как замечает наш автор, желание реформ вдохновляло « также и привилегированное общество, которое не соприкасалось с крестьянством », как, например, Бакунины, Петрункевич, принимавшие активное участие в Тверском земстве или как графиня Панина, организовавшая побег Столярова из России за-границу[3].

Повествование русского крестьянина представляет собой также зарождение революционного сознания и источников его вдохновения. Книги, разрешенные в школьных библиотеках и еще менее неизвестные ему тогда экономические и политические труды, никак не могли бы пробудить сознание и толкнуть молодого Столярова избрать политический путь ; это еще раз противоречить утверждению официальной истории, настаивающему на тезисе, что распространение марксизма послужило дрожжами революционному движению. Свои стремления к большей справедливости Столяров черпает в христианской морали, поэтому-то священник о. Мерецкий оказывается на его стороне в момент общей борьбы[4].

Парадоксально, что Евангелие внушает матери автора доверие к властям, в тот момент, когда она сталкивается с несправедливостью правосудия, тогда как сын ее ведет себя вызывающе по отношению к установленному

ческой оппозиции какой бы то ни было реформе (Октябрьский Манифест предусматривал созыв Думы), которая могла бы укрепить монархию.

1. В. М. Гохлернер, « Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской Революции », *Исторические записки,* т. 52, стр. 186-234.

2. П. П. Маслов, *Аграрный вопрос,* Санкт-Петербург, 1906, т. II, стр. 198-201.

3. По иронии истории, именно Виктор Никитич Панин, министр Юстиции при Александре II, сторонник сохранения тяжелого порабощения крестьян, был назначен председателем Комиссии, редактировавшей Манифест 1861 г.

4. Журнал *Русское слово,* из которого священник Тарабановки черпал сведения, был либерального и народнического направления. Журнал социалистов-революционеров *Революционная Россия* был распространен в деревне, благодаря русско-японской войне, так как крестьяне ждали с нетерпением вестей с фронта.

правопорядку. Потому что, получив доступ к образованию, надев такую же форму, как и его товарищи в других классах, он чувствует свое отчуждение от среды, из которой он вышел, но в то же время, если не униженным, то во всяком случае отброшенным, непринятым в господствующее общество. Следует изменить это общество. Его же мать, напротив, находит в своих религиозных убеждениях выход, который позволяет ей возвыситься в своем положении. Ее любимые посещения – места паломничества, в особенности монастыри. Она открывает, очевидно в другом измерении, мир, в котором царит порядок, тишина, спокойствие, которые помогают ей забыть на некоторое время унижения и оскорбления. Из чисто материнского чувства в ней возникает желание, чтобы ее сын избрал монашеский путь, чтобы в жизни, посвященной Богу, он нашел духовное спасение, в котором ей отказано. Нет никакого сомнения, что желая увековечить для своего сына и своих внуков память о своих родителях, И. Я. Столяров в то же время оставил нам замечательный образ своей матери. Мужественная и предприимчивая перед бедами, которые обрушиваются на ее семью, соболезнующая всем обездоленным, она принадлежит к тем « праведникам », как Матрена а рассказе Солженицына, « без которых, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша ».

Базиль Керблей

ИВАН СТОЛЯРОВ

(1882-1953)

ЗАПИСКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

При повороте с большой дороги в село Карачун стоял столб. На столбе была прибита доска с надписью : « Село Карачун, Воронежской губернии*, Задонского уезда*, Сенновской волости* ». Под этой надписью было указано число жителей села, мужских и женских « душ » отдельно. Женщин числилось больше, чем мужчин.

Мужики села Карачун, хотя и были неграмотны, но знали, чтó гласила надпись на доске, и в подходящих случаях подтрунивали над бабами : « Народу много », говорили они, « а толку мало ». Или же : « Видно, что бабы приятней черту, а мужики Богу. Поэтому-то Бог и оставляет на земле больше баб, а мужиков берет к себе ».

Село Карачун раскинулось по правому нагорному берегу реки Воронеж, в середине той прогалины, через которую степь, пробившись через когда-то дремучие леса, соединялась со стародревними Рязанскими землями. От дремучих лесов на этой прогалине осталась узкая полоса, прилегающая к берегам реки. Она тянется до самого города Воронежа и, местами, соединяется с лесными массивами, остатками исчезнувшей растительности, покрывающей когда-то эти края.

За рекой, против села, пространство было покрыто мелкими ольхой и дубом, луговыми травами и небольшими озерами.

Часть озер в летний жаркий период высыхает, превращается в трясины и болота, в комариное царство, рассадник малярии.

По самому берегу реки растет ива, ветви которой употребляются для плетения заборов и изгородей, а также разного рода корзинок и подстилки саней.

Эта разнородная прибрежная полоса называется « займищем* ». Весной при таянии снега и с разливом реки, она заливается водой и превращается в царство водяной птицы, главным образом, диких гусей и уток.

В течение почти трех недель водяную птицу никто не тревожит. Среди прибрежных крестьян охотников на нее нет, а охотники-любители из помещиков все уже перевелись. Да если бы такие и нашлись, они не могли бы удовлетворить свою охотничью страсть, так как вода в это время бурлит и пенится.

Многие низкорослые кусты и деревья покрываются совершенно водой. У других видны одни верхушки. Все это представляет большую опасность для редких и плохеньких лодок жителей.

Водяная птица знала это и в продолжении разлива реки чувствовала себя хозяином на водном пространстве шириной в три версты и более и бесконечной длины. Утки и гуси, большими стаями, с радостными криками, перелетали с одного места на другое, разбрасывали вокруг себя серебристые брызги, искрившиеся в весенних лучах солнца.

Со спадом воды некоторые гуси исчезали, а утки прятались в кустах или в камышах и садились на яйца. Можно было подумать, что они отдавали себе отчет в опасности, грозившей им, как от человека, так и от зверей-врагов : они принимали меры предосторожности.

В сохранившихся еще лесах, уходящих в бесконечную даль, скрывались села и поселения, присутствие которых легко узнается с нагорной стороны берега реки по колокольням и крестам церквей.

Все пространство между реками Воронежем и Доном, который протекал в 17 верстах* от Карачуна, превратилось теперь в распаханную степь.

Ее поверхность разрезана глубокими оврагами и безводна. На ее необработанных участках и по межам полей растут типичные дикие степные травы. Зеленые весной, летом они высыхают, выгорают под палящими лучами солнца. Осенью, с наступлением дождей, они оживают, вновь зеленеют до наступления первых холодов и тогда покрываются зимней снежной пеленой.

Берег, по которому разбросалось село Карачун, прорезан двумя глубокими оврагами, промытыми весенними стекающими водами и летними ливнями. Такие же овраги отделяют село Карачун от двух соседних сел, расположенных одно выше, другое ниже течения реки.

Опытный человек, въезжая в село Карачун в первый раз, по одному виду построек заключает, что оно небогато и что жителям его плохо живется. И он не ошибется. Жители села Карачун действительно бедно живут. Из построек только их избы бревенчатые, дворы же все плетеные*, часто дырявые — верный признак, что у хозяев таких дворов нет ни свиней, ни овец. Соломенные крыши построек, почерневшие от времени, также нередко дырявые.

Внутренняя пелена* сараев у многих хозяев объедена скотом — признак нехватки корма для скота весной. Не у всех дворов тесовые ворота* — украшение и гордость русского крестьянина, которые воспеваются так часто в народных песнях. Многие жители совсем не имеют дворов. Их постройки состоят из одной избы и плетеных сеней.

Неблагоприятное впечатление въезжающих в село подтверждается и другими мелочами крестьянской жизни. Избы крестьян села Карачун все без исключения топятся « по черному », т.е. без трубы : затопив печку, открывали дверь, и дым выходил на улицу. Дверь закрывали, когда дрова совсем сгорали. Крестьяне считали, что этим они экономили топливо.

Помню еще время, когда избы освещались лучиной*. Она зажигалась непосредственно от угольков, сохранившихся в золе печки. Наложат на угольки тонкую лучину и начинают раздувать ее до тех пор, пока

лучина не вспыхнет и не загорится пламенем. Этой лучиной зажигали более толстую и длинную лучину, клали ее на особую подставку горизонтально, а под горящий ее конец ставилась глиняная миска или жаровня с водой. По мере сгорания горящие угольки падали в воду и тухли, а лучина продолжала, потрескивая, гореть.

При свете лучины и работали в долгие осенние и зимние вечера. Мужчины делали горшки, плели корзинки, вили веревки, плели лапти. Женщины пряли, шили. Тонкой работы при таком освещении, конечно, нельзя было делать, да и более грубые могли делать только потому, что зрение тогда у людей было лучше, острее.

Скудность лучинного освещения выразилась в известной народной песне : « Что же ты, лучинушка, не ярко горишь ? ».

На смену лучине пришли керосиновые лампочки « копчушки ». Они представляли собой небольшие цилиндрические резервуарчики, в середине верхней части которых ввинчивались невысокие жестяные трубочки с продернутыми в них круглыми фитилями. Копчушки были бесстекольными ; они назывались еще « светцами ». Свет от них был слабее света лучины, и они больше коптили. Преимущество их над лучиной заключалось в том, что они не требовали за собой непрерывного наблюдения из опасения, что они вот-вот потухнут.

Приехавший впервые сейчас же замечал, что люди плохо одеты и плохо обуты. Летом они все ходят босиком. Они малы ростом, плохо сложены и все щуплые, цвет лица землистый. Они резко отличаются от жителей смежных сел не только по внешности, но и по разговору. Язык жителей села Карачун ближе к языку церковно-славянскому. Их соседи и физически более здоровы, более чистоплотны и говорят на языке более близком к языку городских жителей. Но в особенности во взгляде они резко различны. У карачунцев во взгляде какая-то озабоченность, тревога, которая присуща людям неуверенным в насущном куске хлеба.

Это явление становилось еще более удивительным и непонятным для нового человека, когда он узнавал, что село Карачун и его жители до 1861 года принадлежали всегда к категории государственных крестьян*, тогда как крестьяне смежных были помещичьими.

Бывшие всегда свободными, жители села Карачун оказались такими захудалыми и отсталыми, что бывшие крепостные избегали входить с ними в родственные связи.

Жители села Карачун считали, что главная причина их бедности происходит из-за малоземелья*, и это по вине их предков. По рассказам древних стариков : последние будто-бы уступили часть своих земель добровольно крестьянам заречного села. У предков тогда необработанной земли якобы было слишком много, а у крестьян заречного села недостаточно. Последние и попросили у предков села уступить им часть земли. « У вас земли много и она у вас лежит без употребления, необработанной, а мы нуждаемся в земле. Отдайте нам ту, которую вы не обрабатываете и под скот не используете ». Предки уважили* их

просьбу, отдали им часть своей земли. Со временем население села Карачун увеличилось, и у них оказалась нехватка земли.

Был ли такой исторический случай или то было предание, показывающее доброту предков жителей села Карачун ? Неизвестно. Но крестьяне находили в этом объяснение своим несчастьям и возможность переложить вину на своих предков.

Земли, действительно, у крестьян села Карачун было недостаточно. К тому же земли растянулись узкой полосой между реками Воронежем и Доном на протяжении 20 верст*.

По другому берегу Дона и Воронежа находились главные сенокосные угодья, а между ними – поля.

Земли на таком большом протяжении, естественно, были разнородны и по качеству и по плодородию. По этой причине при разделе они дробились на участки все более и более мелкие. Старались, чтобы раздел был справедливым, чтобы каждая семья получала участок и хорошей и плохой земли, чтобы у каждого часть земли находилась и на близком и на далеком расстоянии от села*. Кроме того каждая семья получала в каждом поле для севооборота* три клочка земли : озимый, яровой и на пару*.

Таким образом, одна семья получала, например, одну часть в 1-2 верстах от села, другую – в 5-6 верстах, третью – в 8-12 верстах, четвертую – еще дальше. Случалось, что поле, доставшееся по жребию, находилось в 15-16 верстах от села. Крестьянину нужно было потратить почти целый день только для того, чтобы доехать до него и возвратиться обратно домой. Такая большая трата времени на переезд снижала производительность труда, удорожала обработку земли, затрудняла уход за посевами и уборку урожая.

Работе хлебопашца мешали также частые переделы земли. Еще недавно переделы производились каждые три года. Потом переделы разрешалось производить не чаще, как каждые шесть лет.

Главными причинами частых переделов были : увеличение населения и изменения, происходившие в составе семей.

Земля делилась на число мужских душ. Женщины же не считались. С годами число душ увеличивалось или уменьшалось. Рождаемость или смертность душ нарушали распределение земель в семье. Население увеличивалось, а количество земли оставалось то же самое, и, следовательно, участки уменьшались. Список жителей составлялся перед самым переделом. В него включались все мальчики, родившиеся и оставшиеся в живых со времени предыдущего передела ; умершие же мальчики с тех пор исключались из него.

Наиболее обездоленными при новых переделах оказывались семьи, в которых число мужских душ уменьшалось, а число женских – увеличивалось. Положение семей, в которых оставались только женщины, становилось трагичным, так как они не получали никакой земли. Они разорялись и вынуждены были идти на полевые работы к чужим, т.е. батрачить.

В пользовании батраческих семей оставались только усадебные участки при избе, которые считались собственностью двора. Хозяева этих участков могли их продавать, передавать другим, не испрашивая на это разрешения общества*.

Несомненно, такой порядок пользования землей не способствовал улучшению земледелия. Землей пользовались до ее истощения. Для восстановления ее плодородия требовались новые приемы обработки полей и применение удобрений.

Эти причины, несомненно, не благоприятствовали экономическому процветанию крестьян села Карачун. Но несомненно и то, что они были не единственными причинами их бедности. Главной бедой их была та, что они занимались и хлебопашеством и гончарным ремеслом.

Раздвоение труда и внимания приводило к тому, что гончарное дело мешало им быть хорошими земледельцами, а земледелие не позволяло сделаться настоящими ремесленниками-гончарами.

Гончарное ремесло — тяжелое, грязное, вредное для здоровья всей семьи гончара.

Для делания горшков требуется специальная глина. Она находится иногда на значительной глубине земли. Чтобы извлечь ее оттуда, прорывают настоящие шахты, подобные угольным шахтам. От последних глиновые шахты отличаются тем, что подпорками в них служат глиняные же столбы, оставляемые в проходах, по мере удаления от входного отверстия в глубь шахты.

Добывают глину всегда зимой, в самый холодный период. Зимние морозы замораживают почву. Несмотря на это, опасность обвалов не устранена, и бывают случаи смертельные.

Добытая глина привозится по санному пути домой и складывается около двора в ямы-хранилища, называемые « глиницами ». Из этих глиниц она потом и берется в течение года для выработки горшков.

Летом вносят необходимое количество в избу или в сени. Она смачивается водой, пересыпается специальным мелким песком и тщательно с ним перемешивается. Это перемешивание производится босыми ногами несколько раз, чтобы хорошо смешать песок с глиной и получить однородную массу. Зимой глина приносится еще мерзлой и « топтание » ее производится всегда в избе. Для оттаивания глина кладется под лавки вдоль стены. От таяния глины стена избы становится мокрой, « течет ».

Песок также добывается из земли, но он, обычно, находится на небольшой глубине, часто у подошвы холма. На выделку горшков песку идет меньше, чем глины. Его приносят в мешках, на плечах и не только взрослые, но и маленькие дети, очень редко привозят на лошади.

Детей приучают к этой тяжелой работе с раннего возраста ; нередко можно встретить семи-восьмилетнего малыша, сгорбленного под тяжестью мешка с песком.

Горшки делаются на особых кругах ; основная часть его – огромный круг[1], примерно, тридцати-тридцати пяти сантиметров в диаметре и пяти сантиметров толщины, сделанный из дерева : дуба, клена или бука*.

В центре его выдалбливается углубление. Другая основная часть круга – короткая, низкая, узкая скамейка, кончающаяся деревянным стержнем, также из твердого дерева, на этот стержень и надевается своим углублением круг. Стержень немного длиннее углубления круга, и потому круг при верчении не задевает скамейки. Поверхность круга должна быть абсолютно горизонтальной, без этого условия лепка горшков невозможна.

Положив в самый центр круга небольшой кусочек глины, гончар его разминает, придавливает ко дну круга, придавая ему нужную форму и размер диаметра будущего горшка. На этом донышке гончар и лепит горшок, беря небольшие кусочки массы, делает из них подобающей толщины жгутики и накладывает их на края горшка, продолжая крутить в это время круг справа налево. Жгутики прикладываются правой рукой, и ее ладонь скользит по внутренней стенке горшка, тогда как левая ладонь, находясь всегда против правой, скользит по внешней стенке его. Таким способом незатвердевший еще горшок не только предохраняется от сплющивания, но и толщина его стенок все время регулируется. Последние, те, что ближе к донышку, делаются толще, а по краям – тоньше.

Когда сама лепка закончена, гончар берет небольшую, короткую и узкую льняную или посконную тряпку, называемую « мочальником », мочит ее в воде и ею полирует горшок, т.е. придает окончательную форму его краям. В это время он вертит круг быстрее в обратном направлении – слева направо, продолжая работать правой рукой. Затем специальным деревянным ножом он сглаживает нижние, внешние стенки горшка и донышко. После этого горшок подрезается под донышком очень тонкой ниткой и снимается с круга. Дело это тоже деликатное. При неумелом подрезании в горшке может образоваться дыра, и в этой стадии дело непоправимо : работа пропала.

Снять с круга только что слепленный горшок может лишь слепивший его. С большой предосторожностью он ставит его на скамью или на доски, на которых горшок и затвердевает. Когда горшок становится менее хрупким, его ставят на полки, пристроенные специально для этого под потолком, на уровне полатей* где они затвердевают и подсыхают. Перед высыханием горшки подчищаются с внешней стороны деревянным ножом и потом ставятся на печку, где и высушиваются окончательно.

Высушенные на печке горшки сажаются в горн* для обжигания. Такие горшки называются « неполивные ». Стенки их и внешние и вну-

1. *Примечание автора :* Археологические раскопки показали, что на таких же кругах прадеды гончаров делали горшки и в X-ом веке.

тренние – шероховатые ; они пористые, и жидкость через них просачивается, хотя и очень слабо. Чтобы сделать их непроницаемыми, их «глазируют» Перед посадкой в горн они смазываются чистым дегтем и обсыпаются свинцовым порошком, смешанным с песком.

Горшечник сам приготовляет свинцовый порошок : в небольшой чугунок, поставленный на огонь кладутся плитки свинца ; когда свинец расплавится, жидкость мешают « решкой ». Это – круглое, дырчатое, плоское ситечко, насаженное на длинную деревянную ручку. При движении решки, то вправо, то влево, жидкость, при соприкосновении с воздухом, окисляется, таким образом получается свинцовый порошок.

В этой работе принимает участие вся семья : женщины и дети смазывают тряпочкой горшки дегтем, а мужчины обсыпают смазанные горшки свинцовым порошком. В зимнее время эта работа начинается еще до рассвета и продолжается иногда до позднего вечера.

В течение всего времени пока горшки мажут, изба остается нетопленной. Холодный воздух избы насыщен одуряющим запахом дегтя и свинцовой пылью. Пары дегтя и свинцовая пыль заполняют нос, рот, проникают в горло и в легкие ; слюна приобретает неприятный сладкопряный вкус.

Семья из двух хороших работников может приготовить горн горшков в две недели. И каждые две недели члены такой семьи подвергаются в течение всего дня отравлению. Не успев еще оправиться от предыдущего отравления, через две недели их организм подвергается вновь его действию.

Этим и объясняется бледный землистый цвет лица жителей села Карачун, резко бросающийся в глаза человеку, приезжающему в село в первый раз. Недоедание, плохие гигиенические условия жизни, тяжелый труд – вот причины недостаточного физического развития жителей села.

Обжигание горшков – самая ответственная работа. От умения обжигать зависит успех всей работы горшечника. Малоопытный обжигатель может или недожечь или пережечь горшки.

Недожженные горшки никто не купит, и даже для своего употребления они негодны.

Если же горшки пережечь, то из горна вынешь одни черепки. От слишком быстрого нагревания в начале обжигания горшки лопаются, и получается много брака или совсем разбитых горшков.

Выжженные горшки продавались на месте. Так делали горшечники, у которых не было своих лошадей, и они не могли их везти продавать на городских базарах или на сельских базарах соседних деревень. Некоторые предпочитали развозить свои горшки по разным селам и обменивать их на рожь, овес, просо, на муку, пшено или картофель. Они находили меновой сбыт более выгодным, хотя он и отнимал у них больше времени.

Горшечник считал себя счастливым, когда ему удавалось обменять горшки в один день и в одном селе, но так случалось не часто.

Чаще всего с горшками приходилось ему ездить долго, обменивать их на невыгодных условиях.

В ожидании его возвращения жене его случалось жить с детьми впроголодь и беспокоиться за пропавшего без вести мужа.

Несмотря на это, они находили меновой сбыт наиболее выгодным, потому что продовольственные продукты доставались им при таком сбыте дешевле. В этих продуктах жители Карачуна всегда нуждались, потому что своих продуктов еле-еле хватало до Рождества.

Потерянного времени крестьяне не принимали в расчет. Они находили выгоду в том, что приютившие на ночь такого горемыку-горшечника кормили его самого ужином и давали охапку сена его лошади, за что он расплачивался утром каким-нибудь бракованным горшком.

В поисках покупателей горшечники уезжали иногда за 100 верст от своего села. Для Карачуна главными центрами сбыта при продаже за деньги были города : Воронеж (в 40 верстах), Усмань (в 25 верстах) и, отчасти, Задонск (в 60 верстах).

В город уезжали с вечера, с расчетом приехать туда утром. Если горшки не удавалось распродать в тот же день, то оставшиеся продавались постоянным торговцам горшками или отдавали их на хранение. Некоторые уезжали с остатками в ближайшие от города села.

Для постоянной торговли горшками, общество снимало у города Воронежа одно из заброшенных мест, небольшую полосу вдоль глухой стены, где горшечники имели право продавать горшки целый день. Каждый приезжавший горшечник платил небольшую определенную сумму с воза (а не за занимаемое место). Этот сбор шел на уплату аренды городу.

Для этого горшечники выбирали старосту из своей среды, обычно имевшего постоянную торговлю и большую семью. Его сыновья выделывали много горшков и даже часто заказывали их горшечникам.

Эти постоянные торговцы строили курени*, в которых они жили с ранней весны до глубокой осени. Им-то и продавали карачунские горшечники непроданный товар по оптовой цене.

Эти настоящие торговцы занимали лучшие места и располагали всегда большим выбором товара. Они считались богатыми, более влиятельными и пользовались своим положением. При случае они наносили ущерб горшечникам, приезжавшим на один день, вынуждая их уступать товар по низким ценам. К тому же староста оставлял лучшие места для своих приятелей и не позволял, вопреки установленным правилам, приехавшим первыми эти места занимать. Не раз такое поведение старосты вызывало столкновения. Однажды это произошло с моей матерью.

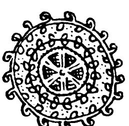
Она приехала с горшками на двух телегах и начала с моим братом выгружать их на свободном месте. Весь товар был разложен. Старосты еще не было. Когда он появился и увидел, что моя мать заняла место, предназначенное им одному из его приятелей, он приказал моей матери убрать горшки. Она отказалась, считая, что староста не имел права

лишать ее занятого места. Староста обрушился на нее страшными ругательствами и даже толкнул ее. Она, считая себя оскорбленной, бросила свои горшки на произвол судьбы и уехала с моим братом, направляясь домой. Но до этого она посоветовалась с одним городским знакомым и подала жалобу на старосту мировому судье*. Староста был уверен, что судья не даст ход делу. Он ошибся : судья приговорил старосту к возмещению оставленных моей матерью горшков и, кроме того, к уплате некоторой суммы за оскорбления.

С тех пор моя мать твердо поверила в справедливость суда и всю свою жизнь сохраняла эту веру. Она была уверена, что несправедливые решения судей происходят оттого, что иногда они введены в заблуждения лжесвидетелями или же подкуплены взятками.

Последствия этой безграничной веры в правосудие часто доставляли неприятности нашей семье и, в особенности, жене моего брата. (Я расскажу позже об этом случае.)

Горшечное ремесло, даже при продаже по хорошим ценам, было маловыгодным, оплачивалось плохо. К тому же горшечник никогда не делал подсчетов : во что обходился ему горн обожженных горшков и сколько приходится ему за его труд при продаже. Он удовлетворялся уверенностью, что он живет этим, а не землей. К горшечному ремеслу он так привык, что не представлял себе, как можно жить иначе. Он так свыкся с ним, что не замечал ни его тяжести, ни вреда для здоровья. Последнего он не сознавал просто по своему незнанию. Поэтому мысль о перемене, о переселении на « новые места » не приходила даже ему в голову. Однако нельзя было упрекнуть его в отсутствии наблюдательности : разъезжая по городам и селам, он видел людей, живущих лучше, чем он, и он охотно рассказывал своим соседям о своих впечатлениях, не лишенных ни тонкости, ни ума. Но его свидетельства не шли дальше ; он не делал из них никаких выводов. Город был для него местом сбыта его производства и только. Городская культура его не трогала.

С раннего возраста я знал цену деньгам, и какая в них нужда дома. Я был рад, когда мне удавалось скопить к приезду отца из Карачуна в Воронеж 50-75 копеек. Приезжал он иногда через неделю или дней через 10, оставив меня в городе с горшками. Такая малая сумма объяснялась тем, что отец оставлял меня допродавать остатки. В первые базарные дни продавались, обычно, самые ходовые горшки, а на остатки покупателей было меньше. В не-базарные дни горшки могли покупать только « барыни », так называли мы всех городских покупательниц.

При такой медленной и слабой распродаже горшков я мог бы все проесть, что выручал от продажи, если бы питался нормально, не экономя. Правда, было немного голодновато, но как было в то же время приятно видеть удовольствие отца, когда я ему вручал эти 50-75 копеек. А когда мне удавалось скопить целый рубль, радости его не было предела. Да как было не радоваться ! Цена всему возу была 2 рубля, самое большее 2 с половиной. Я же умудрялся сам прокормиться в течение 7-10 дней и еще скопить целый рубль !

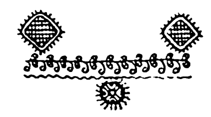
Несмотря на очевидную бедность, я не слышал никогда, чтобы отец или мать жаловались на свою судьбу. У отца единственный раз проявилась неудовлетворенность своей жизнью, и он выразил желание переселиться на новые места. Такое желание покинуть свое насиженное место, тяга к переселению в Сибирь* начали тогда все более и более захватывать крестьян малоземельных губерний. Это движение докатилось и до нашего села. Вот у отца и возникла такая мысль. « А не попытаться ли нам, Танюша, говорил он матери, поискать лучшей жизни ? » Но наша мать наотрез отказалась оставить свое родное село. « Если тебе не нравится здесь, отвечала она отцу, то поезжай, а я не поеду. Если дети захотят поехать с тобой, – пусть едут. Я этому не препятствую. Останусь одна, а не поеду на новые места. Мне и здесь, на старом, хорошо, и ни на какие новые места я его не променяю ». На этом и кончился разговор о переселении.

Если кто-нибудь из нас выражал иногда сожаление о тех или иных недостатках в нашей жизни (а недостатков было очень много), мать говорила : « Нечего Бога гневить ! Многие хуже нашего живут. Мы же, слава Богу, с голоду не умираем и живем не милостыней, у чужих людей хлеба не просим, живем с Божьей помощью уж не так плохо ». И возражать ей на это было невозможно. Она была права в том, что с голоду мы не умирали и что были такие, которым еще хуже, чем нам.

Нужно сказать, что у крестьян нашей местности вообще не было привычки жаловаться на жизнь, какой бы она ни была, и не было чувства зависти к более богатым, живущим лучше других. Богатство и бедность принимались, как дар или наказание, ниспосланные Богом. На Бога же жаловаться нельзя. Бог волен наградить милостью своей или наказать гневом своим. Его пути неисповедимы. Он может послать тяжкие испытания и праведнику и обогатить, осчастливить недостойного.

Таким отношением к материальным благам объяснялось, вероятно, и то, что редким исключением были в нашей местности кражи. Дворы и избы никогда не запирались на замок. Хозяйственный инвентарь всегда находился во дворе, под сараем, а мелкий инвентарь (топор, лопата, вилы, грабли и др.) оставался в саду или на огороде, – там, где производилась работа. Проходили мимо разные люди, но ни у кого не зарождалась мысль – взять оставленные предметы. А между тем этот инвентарь не у всех был, многие в нем нуждались, и все-таки не было мысли его украсть.

Правда, наряду с этим существовали воры-конокрады, воры, угонявшие даже коров, воры-специалисты по краже одежды. Для этих воров и замки не являлись препятствием. Они занимались воровством и со взломом и даже с убийством, если собственник, заставший его на месте преступления, оказывался беззащитным и мог быть нежеланным свидетелем. Но этих воров нельзя было причислить к числу рядового крестьянства. Это были организованные шайки, утерявшие психологию настоящего крестьянина. Чаще всего они не были даже выходцами того села, в котором производились кражи, и вождем их нередко являлся выходец из города, а по паспорту еще носивший звание крестьянина.

Если бы не случались войны, голод, смертность, мор на скота, да разное начальство не беспокоило, – горшечники не изменили бы никогда своего образа жизни, установленного с незапамятных времен. Они не ощущали надобности в более близком общении с городскими жителями, да и город со своей стороны не спешил поделиться с ними своей культурой.

Удаленные от своего уездного города* Задонска, находящегося от них в 60 верстах, жители Карачуна были связаны с ним только административно. Они возили туда своих сыновей на рекрутские наборы* или ездили в суд в качестве свидетелей или обвиняемых.

В Задонске обретались мощи* глубоко-чтимого народом Святителя Тихона. Огромные толпы паломников шли туда из всех углов России в день его Ангела. Жители Карачуна также направлялись туда.

Нужно сказать, что уездное начальство тоже вспоминало о жителях Карачуна только тогда, когда наступал момент призыва к отбыванию воинской повинности и когда нужно было взыскивать с населения недоимки*. Не будь этого, село Карачун было бы для уездных властей одной из ничего незначащих географических точек. Культурных связей с городом не было никаких ; школы в селе не существовало.

Земская больница*, на обязанности которой лежала забота о здоровье населения, находилась в 40 верстах от Карачуна и далеко от обычных главных путей сообщения жителей.

Что касается ветеринарной помощи, крестьяне имели о ней смутное представление или даже не знали о ее существовании.

Разные земские натуральные повинности выполнялись ими по распоряжению местных властей : земского начальника*, волостного старшины*, писаря и сельского старосты*. В большинстве случаев они не знали даже, что выполняемые ими повинности предназначены Земству. Они не знали точно, что такое Земство*, чем оно занимается и какая польза от него крестьянству.

Заботы Земства о здоровье населения проявлялись, главным образом, во время больших холерных эпидемий и в форме оскорблявшей их чувства. Что касается других болезней, даже во время эпидемии скарлатины и дифтерита, уносившей 15-20 детей в день, жители Карачуна не видели медицинского персонала в своем селе.

Не видели они у себя никогда и живущего в уездном городе ветеринара, даже во время падежа скота, настоящего бича для крестьянской жизни. Никогда не принималось необходимых мер, чтобы болезнь не распространялась. Так как ветеринар находился в 60 верстах от Карачуна, он искренно признавался, что в течение своей 25-летней службы ему так и не удалось попасть в село Карачун. И это признание было сделано им незадолго до Первой мировой войны. Поэтому-то крестьяне даже не подозревали, что существуют заразные болезни и у скота и что с ними можно бороться. И кто мог объяснить им это? Коновал, который посещал село раз в год кастрировать молодых жеребчиков и попутно « пускать кровь » лошадям? Он же давал какую-то мазь, всегда одну и ту же, действительную, по его мнению, от всех накожных болезней. Этот коновал-знахарь* научился этому искусству на практике : оно передавалось от отца к сыну. Он лечил « своими средствами» и животных и людей и применял их одинаково. Что касается заразных болезней, он знал о них столько же, сколько и крестьяне, то есть ничего.

К тому же крестьяне объясняли эпидемические болезни и мор скота божьим наказанием, посланным им за их грехи. С этим был согласен и коновал.

В 10 верстах от села Карачун была больница, основанная принцессой Ольденбургской*, туда они иногда ездили. Там они и видели докторов (крестьяне произносили « дохтур ») и « сестричек »* в белых халатах. Они обращались туда, когда болезнь затягивалась, и знахари не помогали. « Почему бы не поехать в больницу? Все равно нечего бояться : « дохтур » хуже не сделает, а может-быть и поможет ».

Персонал земской больницы очень редко приезжал в село Карачун. Чаще всего приезжал фельдшер* для прививки детям оспы. Население и знало его больше, не боялось и верило в действенность и полезность этих прививок. Это доказывает, что недоверие населения к докторам объяснялось не их косностью, а их незнанием, отсутствием общения с медицинским персоналом. Встречи с последним были редкими. Так в 1891 году всю Воронежскую губернию охватила эпидемия холеры. В селах нашей местности медицинская помощь по борьбе с холерой ограничивалась, в большинстве случаев, посылкой фельдшеров и санитаров, роль которых заключалась в том, что они приходили в избы, где были умершие, и заставляли родственников класть покойника немедленно в гроб. Потом они обрызгивали его тело раствором извести и приказывали прибивать крышку сейчас же гвоздями до отпевания и выноса покойника из избы, что противоречило православным обрядам* и оскорбляло религиозные чувства. Часто никто не проверял, от какой

болезни человек умер, и приписывали причину смерти холере, тогда как смерть происходила от старости.

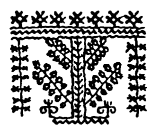
Так было с моим дедушкой, которого обрызгали известью и похоронен он был без отпевания в церкви. Между тем не было оснований думать, что он умер от холеры. Он жил в избе, в которой жила многочисленная семья. Мой отец, сам его обмыл и в гроб положил. Никто из членов семьи, в которой жил дедушка, не только не умер, но и не заболел этой болезнью, хотя вся семья жила в чрезвычайной скученности, и дедушка должен был бы заразить сейчас же других своей болезнью.

Санитары нарушали испокон веков установившийся похоронный обряд, по которому гроб с покойником оставался открытым от дома до церкви и оттуда – на кладбище. Последнее целование и прощание с усопшим происходило в церкви, и только на кладбище гроб закрывался крышкой, которая прибивалась гвоздями. Крестьяне не допускали и мысли, чтобы можно было хоронить православного по-иному, и действия санитаров глубоко оскорбляли их религиозные чувства. В этом была основная причина, так называемых, холерных бунтов, которые местами принимали значительные размеры, угрожали опасностью вылиться в общее восстание.

Лишь немногие женщины села Карачун знали о существовании докторов-акушеров, и никто из них не пользовался помощью этих специалистов. Дети рождались с помощью « бабок-повивалок »* без всяких дипломов, научившихся путем практики. Когда же роды происходили в поле, далеко от села (и это случалось частенько), бабку-повивалку заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если же роженица была в поле одна с мужем, то обязанности « бабки » выполнял муж.

Знахари, знахарки и бабки-повитухи* были главными лекарями деревни. Они были всегда « под боком » и, в случае надобности, были готовы помочь. Знахари и знахарки лечили крестьян водой, « наговоренной »* на горячих углях от разных болезней. Наговоренной шерстяной ниткой они лечили от вывихов. Они давали разные чудодейственные снадобья, которые крестьяне носили в ладанке на одном шнурке с крестильным крестиком. Крестьяне верили в чудодейственную силу трав. Чеснок предохраняет от холеры, если его носить в ладанке. Они были очень набожны, твердо верили в Бога и в то же время – в существование домового*, русалок и ведьм, верили в колдовство. Они были убеждены, что земля держится на трех китах.

Таковым было село Карачун, моя колыбель, где я родился, и жители, среди которых протекли мое детство и отрочество, в конце XIX-го века. В сознании этих ревностных христиан сохранился остаток язычества, проникавший в их веру, бессознательно перемешиваясь с суевериями и православной религией. Русский народ был так сильно привязан к традициям, что он недоверчиво относился ко всем новшествам.

Мое первое воспоминание связано с пожаром нашей избы. Я проснулся среди ночи от крика : « Мы горим ! » Я понимаю, что я на коленях у матери, сидящей на телеге, которая с грохотом катится в ночную тьму, а позади нас освещает зарево пожара. Это мое первое сознание бытия длилось лишь мгновение. На следующее утро мы с сестрой стоим у маленькой избушки. Недалеко от нас — огромный пылающий костер : догорающий скирд хлеба. Из него вырывается сильное пламя и дым. Вокруг него возятся крестьяне. Сестра, указывая пальцем на одного из них, говорит мне : « Вон там батя ». Мое внимание привлекает мужик в коротком полушубке. Мне кажется, что сестра говорит о нем, но я еще не понимал значения слова « батя » и связи его со мной.

Потом сестра ведет меня в сад. Там, на тропинке, я вижу лежит мужчина большого роста, черноволосый ; он громко рыдает. Сестра говорит мне : « Это наш дядя. » Но опять я не понимаю значения этого слова. Я никогда больше его не видел : он умер вскоре после пожара.

У моего деда со стороны отца было четыре сына и две дочери. Своего старшего сына он выделил из семьи еще до пожара. До пожара же была выдана замуж младшая дочь и оставила отчий дом*. Старшая же дочь не захотела выйти замуж и сделалась деревенской монашкой*. Она не пошла в монастырь, но продолжала жить около семьи своего отца. В это время (вторая половина XIX века) такие монашки были довольно многочисленны. Когда молодая девушка решала сделаться деревенской монашкой, ее семья строила ей на своей усадьбе, обычно около сада, маленькую избушку, такую, в которой мы и нашли приют после пожара.

Моя тетка зарабатывала себе на жизнь (пропитание и одежду), частью читая псалтырь над покойником, частью работая поденно в своей собственной семье или у соседей.

Летом все женщины и молодые девушки, покончив со своими хозяйственными обязанностями, отправлялись работать поденно на полях к окружающим помещикам. Весной, чтобы полоть свеклу, осенью, чтобы выкапывать сахарную свеклу. Самым большим поместьем было поместье принцессы Ольденбургской. Оно называлось Рамонь. Ее земли занимали часть двух уездов, соприкасавшихся с Воронежским и Задонским. Летом и осенью женщины окружающих сел и деревень работали там, но также и в Тамбовской губернии, в 30-40 верстах от их уезда. Этих женщин, занимавшихся добавочной работой, называли « заречными » : т.е. с другого берега реки Воронежа.

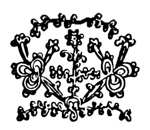
В это время в соседнем селе был кирпичный завод. Моя тетка часто работала там. Она познакомилась с молодым хозяином этого завода, и они влюбились друг в друга. Эта любовь положила конец желанию

молодой девушки вести монашескую жизнь. К ее несчастью, хозяин был женат, и жена его отказывалась дать развод. Моя тетка не могла сочетаться « законным браком »*. Для нашей семьи это был позор, и моя тетка не могла оставаться в своей избушке : она вынуждена была покинуть село. Любовники переехали в Воронеж, и изба тетки оставалась пустой. Жизнь ее в Воронеже не была счастливой. Она жила в трудных материальных условиях и страдала морально.

После пожара и смерти одного из сыновей мой дедушка решил выделить* и моего отца. Пожар упростил раздел : все сгорело, кроме крупного скота. На долю отца пришлась одна корова и одна лошадь.

В ожидании постройки своей избы отец поселился со своей семьей в избушке моей тетки. Она действительно была маленькая : 3 аршина* на 4. Треть ее была занята русской печкой. Вся ее мебель состояла из трех лавок, приложенных к трем стенам, маленького столика и небольшой переносной скамейки. Эта избушка и была моим первым наблюдательным пунктом, откуда я начал знакомиться с окружающим миром. Через единственное окошко я видел все происходящее. Оттуда я видел место бывшего пожара и пожарные бочки, всегда наполненные водой на случай необходимости. Сад, прилегающий к одной из стен, был вне моего поля зрения.

Однажды прибежали неизвестные люди, схватили эти бочки и с криком : « Стричиха горит ! » — увезли их куда-то. Я не мог видеть из окна пожара, но мог представить себе его.

Мой первый контакт с чужими людьми чуть не стоил мне жизни. Было это утром. Я сидел за столом, спиной к окну. Вдруг слышу женский крик. Поворачиваюсь к окну и вижу неизвестную мне женщину, которая бежит к нашей избе. Волосы ее растрепаны, она чрезвычайно взволнована. За ней бежит моя мать, а за ними гонится высокий, черноволосый мужчина. В одной руке у него колесо от прялки.

Обе женщины вбегают в наши сени и успевают запереть дверь на засов раньше, чем мужчина добегает до сеней. Раздосадованный, он подбегает к окну и бросает прялочное колесо* в окно, которое падает внутрь избы, не задевая меня. Только один из осколков оконного стекла поранил мою щеку. Кровь течет мне на рубашку. Я плачу горючими слезами не столько от боли, сколько от испуга. Моя мать вбегает в избу и, видя меня окровавленным, тоже начинает плакать. Черноволосый мужчина, отрезвленный, убегает. Он подумал, что убил меня. Этот человек, Исайка, наш сосед, часто бил свою жену. У него был странный характер. Моя мать говорила, что он « порченый »*. Он не был настоящим пьяницей, но иногда он выпивал. В трезвом виде он был человеком мирным и даже застенчивым. Когда же напивался он начинал ссориться со своей женой и разбивал все, что ему попадало

под руку. Жена его за это ругала, говорила ему оскорбительные слова, что еще больше его раздражало ; тогда он бил ее смертным боем. В такие моменты ярость его доходила до такого приступа, что никто не осмеливался заступиться за несчастную женщину, так как он был способен зарубить топором смельчака, осмелившегося противостоять ему.

Так как моя мать была первой и, думаю, единственной заступницей его жены, всякий раз он грозил поджечь наш двор. Мы допускали эту возможность и поэтому проводили всегда бессонные ночи, когда наш сосед был совершенно пьяным и начинал буянить.

Моя мать говорила, что надо любить всех. Но как можно любить Исайку, который чуть не убил меня ? Я не только не любил его, но я его боялся. Он был ужасен и отвратителен. Достаточно было ему приблизиться ко мне, как я дрожал как осиновый лист. Я все еще слышал нечеловеческие крики его жены, когда он ее бил и представлял себе ее страдания.

Можно ли любить Стричиху ? Эта бедная вдова жила недалеко от нас. Я не любил ее, не потому, что она была бедная, а потому, что она имела привычку приходить к нам и долго сидеть. Я знаю, что она мешает матери в ее хозяйственной работе. К тому же она умела разжалобить мать, которая непременно давала ей что-нибудь из съестного или какой-нибудь необходимый у крестьян предмет. Я же, не знаю почему, не любил этих долгих посещений и того, что моя мать давала ей всегда что-нибудь.

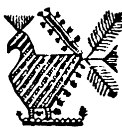
Я не понимал мать, когда она говорила, что надо любить всех, и, действительно, она относилась ко всем с большой добротой, в особенности к бедным и к паломникам*. Как раз эти-то мне и не нравились, в особенности те из них, которые ходили по миру с « волчьим »* паспортом и рассказывали, почему они его получили. Их жалели. Слушая их, я думал, что они никогда не совершали того, в чем их обвиняли, и что у них совсем не было паспорта.

Как проверить их слова ? Они никогда не показывали паспорта. Даже если бы мы и хотели, как могли бы это сделать, раз мы не умели читать ? Мой отец большей частью был в отсутствии. Паломники, зная это, приходили чаще к нам. Да если бы он и был дома, он не мог проверить их паспорта, так как он умел читать только печатные буквы, а паспорт был написан от руки. В особенности не любил я у этих людей их манеру спрашивать тотчас же самовар и яиц всмятку. Моя мать удовлетворяла их просьбу, и как только вода закипала, она снимала крышку с самовара, а на ее место стелила чистую тряпочку, на которой она раскладывала яйца, откидывала концы тряпочки наружу и снова клала крышку. Таким образом яйца варились как бы в мешочке,

который вынимали, как только паломник говорил : « Довольно, матушка, вынимай ! ». Для нас не прибегали к такому способу, а удовлетворялись глиняным горшком, который ставили в печку.

« Да, матушка, я – бродяга, хотя у меня и волчьий паспорт, но я настоящий паломник ». Эти слова производили сильное впечатление на мою мать и она жалела их.

Были и такие паломники, которые вытаскивали из своей сумки кусок сала, а иногда и водку. Они ели, смакуя пищу, но никогда не предлагали ничего другим и сердились, если яйца были сварены не по их вкусу или были не очень свежими. Они были требовательны. По-моему они были наглыми.

Отца женили до отбывания им воинской повинности. В крестьянском быту вопрос женитьбы зависел от родителей, которые решали это, когда сын достигал законного возраста. Закон разрешал вступать в брак для парней, когда им исполнялось 18 лет, а для девушек – 16 лет. В исключительных случаях парней женили в возрасте 17 лет ; например, умирала мать, у которой было много малолетних детей, а отец не мог подыскать женщины, которая согласилась бы выйти за него замуж, так как девушки и молодые женщины отказывались выходить замуж за вдовца. Они думали, что если в свою очередь и у них будут дети, то дети мужа от первой жены будут враждебно относиться к ним. В таких случаях отец решал женить своего старшего сына с разрешения, разумеется, архиерея даже раньше достижения им семнадцатилетнего возраста. Для девушки брачный возраст зависел часто от положения родителей жениха. Если они были богатые и если парень нравился родителям девушки, ее выдавали замуж, когда ей исполнялось 16 лет. Девушка старше 20 лет считалась засидевшейся, и для нее трудно было найти мужа.

Мой отец принадлежал к категории призывных лобовых, т.е. не имеющих никаких льгот по отбыванию воинской повинности. Моя мать осталась с двумя детьми в семье родителей мужа. Отец должен был служить пять лет. Но незадолго до окончания срока его службы Россия объявила войну Турции (1877-1878), и он должен был остаться в армии еще два года.

Во время отбывания воинской повинности отец научился сапожному ремеслу. В то же время он научился читать и писать. Будучи еще солдатом, он выполнял работы по сапожному ремеслу и скопил небольшую сумму. Он возвратился домой « с деньгами », которые он считал своими личными и в общий семейный котел* их не отдал. Отец принес с собой все сапожные инструменты, чтобы продолжать это ремесло. Он старался убедить своих братьев, что так он будет зарабатывать больше, чем они своими горшками. Вся семья выиграет от

этого. Но братья не приняли его предложение : сапожное ремесло легче и чище горшечного (в чем они были правы), и из зависти не хотели, чтобы мой отец был в лучшем жизненном положении : « Что мы делаем, то и ты должен делать ». Отцу пришлось подчиниться воле братьев, забыть сапожное ремесло и приняться опять за горшечное дело. Даже позже, при выделении из семьи, он к нему не возвратился больше.

К тому же во время пожара сгорели все его сапожные инструменты, а у него не было средств купить новые. И потом, выделенный из семьи, он должен был построить избу для себя и своей семьи, устроить хозяйство, и у него не оставалось времени думать о другом.

Деньги, скопленные в бытность отца солдатом, позволили ему быстрее построить более просторную избу – « пятистенок »*, т.е. две смежные комнаты и сени. По длине изба была вдвое больше простой избы. Меблировка ее была очень простая, как у всех крестьян. Вдоль стен прибитые к полу лавки, у каждой свое название. По левую сторону вдоль всей стены довольно широкая лавка, называемая « коник ». По бокам эта лавка закрыта с трех сторон досками и в целом представляет рундук (или ларь) *. Эта широкая скамья соединялась перпендикулярно с другой, более узкой лавкой, называемой « передней ». Угол, где стыкаются эти две скамьи, называется « красным углом » (на древне-русском языке « красный » означал « красивый »). Здесь помещаются иконы или « киот », т.е. рамка, в которой под стеклом ставятся иконы. Третья скамья шла вдоль третьей стены и упиралась в широкую печь. Днем лавка служила складочным местом для верхней одежды, заменяла вешалку. Ночью же она служила кроватью. Если приставить к ней доски, на ней могло спать несколько человек. Стол был из простого дерева, к нему ставилась переносная скамья, когда вся семья садилась за стол. Между печью и последней стеной стояла лавка, заменявшая буфет, с кухонной и столовой посудой, а также ведро с питьевой водой.

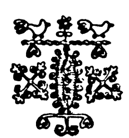
Отец, вероятно, плохо рассчитал стоимость постройки с пятистенком, « по-богатому ». Поэтому ему не хватило денег на вторую комнату, которая осталась неотделанной. Часть пола, на которой предполагалось сложить печку, оставалась незастланной досками, и на ней хранили картошку на зиму. Эта комната была жилой только летом. Зимой же она наглухо отделялась от первой комнаты, которая и служила единственным жилым помещением. Но в этой комнате пол был не досчатый, а глинобитный, т.е. земляной.

Как и все крестьянские избы, наша изба была покрыта соломой и окружена, для сохранения зимой тепла, завалинкой. Она состояла из низкого плетня, доходящего, примерно, до уровня подоконника.

Завалинка окружала избу с трех сторон. Пространство между этим плетнем и стенками избы наполнялось, « заваливалось » сухим навозом, откуда она и получила свое название*.

Все надворные постройки были плетеные, сделанные моим отцом и старшим братом, так же, как и изгородь, отделявшая наш двор от двора моего дяди. Это вызывало постоянно столкновения, из-за кур и петухов, которые не признавали права собственности. То петухи перелетали через плетень соседа и сводили свои счеты, то куры дяди прилетали к нам во двор и клевали корм, предназначенный нашим курам. Мы с двоюродными братьями использовали плетень для гимнастических упражнений : мы перелезали через плетень из одного двора в другой, рвали свои рубашки и портки*, ранили себя. Но в глазах тетки, матери двоюродных братьев, виноватым был плетень, а не мы и не куры и петухи. Вина плетня переносилась сейчас же на моего отца и моего брата, и бранные слова тетки направлялись на них. Я в таких случаях чувствовал большую обиду за отца и не понимал, почему мать не отвечает на ругань тетки.

Она, когда ей случалось слышать эту брань всегда только улыбалась, говоря : « Делать-то ей, видно, нечего, и тратит она время по-пустому ». Мать никогда и ни с кем не вступала в перебранку и нам, детям, не позволяла перекоряться с другими, а тем более вступать в драку. « Если вас кто-нибудь ударит, говорила она нам, не отвечайте ; поступайте так и тогда, когда знаете, что обидчик ваш слабее вас, и вы можете ответить тем же за его обиды, лучше всего удалиться от обидчика. » И мы все трое строго придерживались этого наказа. Для меня это было довольно трудно, так как я был по характеру живым, горевшим желанием наказать обидчика, и нужно было каждый раз делать над собой усилие, чтобы подавить это желание и поступить так, как наказывала мать.

Я не помню, каким выглядел отец, когда был совсем молодым. Его образ начал обрисовываться в моем сознании, когда ему было не менее 35 лет. В этом возрасте в крестьянской жизни черты молодости уже стушевываются. По словам матери он был недурен собой, высокого роста, веселого и мирного характера. Он любил подшутить над другими, рискуя иногда быть серьезно побитым за свою шутку. По возвращении домой с военной службы (семь лет), он прикинулся проходящим служивым*. Он вошел в нашу избу, перекрестился перед иконой, по русскому обычаю, присел на скамью и обратился к двум женщинам (к своей матери и своей жене) : « Я знал вашего Яшку*, он был моим товарищем. Он просил меня зайти к вам и передать вам поклон. » Женщины начали расспрашивать солдата об их сыне и муже. Отец отвечал, улыбаясь. Под конец он не выдержал и громко рассмеялся.

Тогда только моя бабушка и моя мать ближе всмотрелись в него, поняли шутку и узнали своего дорогого сына и мужа.

Еще до отбывания воинской повинности он устроил шутку, за которую мог поплатиться даже жизнью. В одну безлунную ночь ему пришла в голову мысль попугать парней, возвращавшихся домой ; их было человек пятнадцать. Отец, услышав, как они входили через узкую калитку, отделявшую наш сад от сада соседа, появился сзади них в длинной женской рубашке. Один из них случайно оглянулся и увидел фигуру в белом, направлявшуюся к ним. С криком : « Ведьма гонится за нами ! » он бросился бежать со всех ног, за ним и другие. Младший брат отца зацепился за что-то и вообразил, что его схватила ведьма. Он стал кричать : « Мама, родная мама ! Спаси меня ! Я погибаю ! » Отец не думал, что его шутка произведет такое действие, и сам испугался, как бы парни не бросились за ним. Если бы они его поймали, они избили бы его. Поэтому, услышав крик парня, он бросился бежать, быстро сбрасывая с себя на ходу женскую рубашку. Он прибежал домой раньше своего брата, лег и сделал вид, что спит. Прибежал его младший брат и, дрожа от страха, рассказал о том, как за ним гналась ведьма и схватила его, из рук которой он с трудом вырвался.

Я не знал своего отца таким шутливым. Я вижу всегда приятные черты его лица, небольшой слегка толстоватый нос, вносивший дисгармонию в его лицо. Его светло-серые глаза излучали всегда спокойствие, терпение, покорность. Он никогда не сердился. Он признавал необходимость телесного наказания для детей, но сам не прибегал к нему никогда. С матерью у него было полное расхождение по этому вопросу. Мать, по живости своего характера, давала нам шлепки беспощадно, поэтому, случалось, что удары попадали и по голове. Отец не одобрял этого и выражал свое неудовольствие. « Лучше, говорил он , постегать веником по мягким частям , чем, не разбираясь, повредить ребенка ». Но мать избегала заранее обдуманного наказания, поэтому удар часто падал сам собой, раньше чем у нее было время принять во внимание советы мужа. Из троих детей шлепки получал чаще всего я. Сестра и брат были уже большие, и мать ограничивалась тем, что делала им выговоры. Несмотря на то, что отец питал отвращение к телесным наказаниям, мы боялись его гораздо больше, чем мать. Мы огорчались его недовольством больше всяких наказаний. Шлепки, упреки и наставления матери скатывались с нас, по русской поговорке, « как с гуся вода ».

Отец был таким и вне дома. Он ни с кем не ссорился, и у него не было врагов. Его все уважали, хотя на сходках* он никогда не выходил « наперед ». Несколько раз старики упрашивали его согласиться быть старостой. Выбор его был обеспечен. Но он всякий раз отказывался от этой чести.

Так и прожил он жизнь свою незаметным, скромным человеком. Не зная о существовании Льва Толстого и его теории непротивления злу, отец был безусловно воплощением идеального непротивленца.

Мать была всегда для меня на первом плане, поэтому ее образ резче врезался в мою память. Высокая, с темно-карими очень живыми глазами. В селе она выделялась среди всех женщин. Таких женщин я встречал потом по Задонью*, где население было богаче, жизнь была легче. Черты ее лица были овеяны неуловимым очарованием. Особенно я любил ее волосы, заплетенные в две толстых косы. Распущенные, они спускались почти до самых щиколоток. « Это мои вторые косы, сказала она мне однажды, видя мое восхищение. Первые были еще лучше. Я их продала одному проезжему шибаю* за 3 рубля, когда была еще солдаткой*. Я жила тогда с двумя малыми детьми, с твоим братом и твоей сестрой в семье свекра* и свекрови*. Деньги мне были нужны, а где их взять ? Я не могла оставить детей на их бабушку и тетку. В это время и подвернулся один шибай, мои косы ему понравились, и он начал уговаривать меня продать их ему. Я соблазнилась деньгами и согласилась на его предложение. Никому в семье я не сказала, что я осталась без кос из боязни, чтобы меня не прозвали « стриженой », кличка эта осталась бы за мной на всю жизнь. Эту тайну я хранила до тех пор, пока не отросли волосы, и я могла опять заплетать их в две косы ». Предложенная шибаем сумма и его настойчивость продать ему ее косы доказывали, что косы были очень красивые. В это время (около 1870 г.) сумма была значительная, и неудивительно, что мать поддалась соблазну. Более удивительным было то, что она сумела сохранить так долго свою тайну. Разоблачение отсутствия кос грозило ей большими неприятностями. Даже мужчины не стригли коротко себе волосы. Женщин стригли только в наказание за уголовные преступления, и факт быть остриженной был позором. Моя мать боялась прослыть « стриженой ». Женщины вокруг не пропустили бы случая насмехаться над ней. Мать моя была уже для нашего села « чужой », и ее независимый характер вызывал сильную зависть.

Она пришла в наше село, выйдя замуж за моего отца, из выселок*, которые находились в 17 верстах от Карачуна. Хотя выселки и являлись частью нашего села, их называли « чужими ». Однако когда-то это были те же самые крестьяне, так как несколько семьей из Карачуна поселились на другом конце общинной земли, на самом берегу реки Дона. Жизнь для них там создалась привольней, и к ним присоединились другие семьи. Мало-помалу выселки расширились и стали довольно значительным хутором.* Его жители продолжали пользоваться общей с Карачуном землей, и административная связь их не порвалась. Такое положение облегчало отношения между братскими деревнями, а браки между ними поддерживали эту связь. Однако жители хутора отличались от « родины-матери » некоторыми чертами характера, а также и физическим обликом.

Мать родилась в хуторской зажиточной семье, которая состояла из отца, двоих сыновей и дяди. Мой дед походил характером на « бобыля ». Так называют крестьяне бессемейного, безземельного человека, который от нищеты или из-за отсутствия воли не отвечает понятию « крестьянин ». Это было не совсем так с моим дедом. Он был беззаботен, не интересовался полевыми работами, к тому же, время от времени, он любил и выпить. Брат же его был противоположностью ему, это был настоящий хозяин, все домашние его слушались. Мой дед относился к этому безразлично, но боялся,что его брат в один прекрасный день потребует раздела всего имущества. Поэтому-то с ним, и с его женой и детьми обращались в семье плохо, с презрением. Их рассматривали как бесплатных работников. Однако один раз моя бабушка взбунтовалась и ушла из дома. Она пошла в услужение к священнику соседнего села, Горожанки. Позже это событие сыграло большую роль в жизни моей матери. Она познакомилась со своим будущим мужем (моим отцом), отправившись на приходской праздник в Карачун к одной из своих родственниц.

Они полюбили друг друга и решили пожениться. Но через некоторое время моя мать узнала, что ее родной отец просватал* ее другому парню за стакан водки. Однажды, когда мой дедушка был в кабаке, и ему нечем было заплатить за водку, один молодой парень, Евлашка одолжил ему деньги при условии, что он выдаст за него свою дочь Татьяну. Сделка состоялась. Рассказывая мне эту историю, моя мать говорила : « Я сильно горевала и не знала, как избежать этого несчастья. Я не могу сказать, что Евлашка был плохой парень, но твой отец нравился мне больше, и я его сильно полюбила. Когда я отказалась выйти замуж за суженого*, предназначенного мне отцом, он сказал, что проклянет меня, если я выйду замуж против его воли. Какое несчастье ! Нельзя выходить замуж без родительского благословения ! Дочь, проклятая своим отцом, не может быть счастливой ! Сколько слез тогда я пролила ! Тщетно я искала выхода и решилась пойти попросить совета у горожанского батюшки, у которого в то время жила моя мать в прислугах. Вся в слезах рассказала я ему про свое положение и попросила у него совета. Батюшка выслушал меня внимательно, успокоил меня, потом пошел за какой-то книгой ; я думаю, что это было Евангелие, прочитал мне место, где было сказано, что родительское проклятие, несправедливо произнесенное, не может быть действительным и падает, как падает с дерева сухой лист осенью. Такое проклятие не может быть угодным Богу. Эти ободряющие слова батюшки были большим утешением для меня, и я решила выйти замуж без родительского согласия. Дедушка же твой испробовал все, чтобы помешать свадьбе. Наступил день свадьбы. Когда убирали к венцу* и ждали жениха со свадебным поездом, чтобы везти меня в карачунскую церковь, мой отец бушевал, кричал, что он искалечит лошадей жениха и не пустит их въехать во двор. Все боялись худшего. Поставили стражу, чтобы охранять свадебный поезд. Когда поезд

приехал, мой отец исчез. Искали его повсюду, чтобы он благословил меня, но он спрятался, и благословил меня мой крестный отец. »

Нужно перенестись в эпоху семидесятых годов девятнадцатого века, чтобы измерить мужество моей матери, оценить ее находчивость обратиться за советом к священнику, силу воли, чтобы противостоять воле своего отца. В те времена русская деревня была проникнута вековыми традициями. Отношения между родителями и детьми были те, что описаны в Домострое* (в XVI-ом веке). Родительская власть отца была безгранична, его благословение считалось необходимым для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь супругов, а родительское проклятие обрекало на несчастье не только в земной жизни, но и на вечные мучения в загробной жизни.

И мать, молодая, неграмотная крестьянка выросла в этой отсталой среде, куда городская цивилизация не проникала. Удивительно, что она решилась порвать с вековыми традициями. В семье своего мужа она осталась верна самой себе и стойко прожила семь лет с двумя малыми детьми, когда ее муж был в армии. В то время солдатам никогда не давали отпуска, и семья редко получала вести от него, а во время войны – никогда.

Во время русско-турецкой войны мать жарко молила Бога сохранить жизнь ее мужа. Она дала обет, если Господь Бог внимет ее мольбе, сходить в Киев, в Киево-Печерскую Лавру*, где хранятся особо чтимые русским народом мощи. Данный обет она исполнила, прошла пешком, в лаптях*, с котомкой* за плечами более 1 500 километров в оба конца. Паломничество произвело на нее сильное впечатление. Часто она возвращалась к воспоминаниям о том, что она там видела, слышала, перечувствовала. Она принесла оттуда много разных камешков, обладавших чудодейственной силой, крестиков, маленьких иконок и самую драгоценную вещь : « Сон Пресвятой Богородицы », небольшую тетрадку, написанную от руки. Ей сказали, что эта тетрадка и в огне не горит и в воде не тонет. Она и от пожара спасает. Она излечивает тех больных, которые крепко верят в нее и повесят ее над своей постелью.

Рассказ о том, как строилась Киево-Печерская Лавра, произвел на нее сильное впечатление. Вот что рассказала мне моя мать.

Лавру строили двенадцать простых каменщиков. По мере того, как они ее строили, здание погружалось в землю к их большому отчаянию. Они подумали, что их работа неугодна Богу. Они решили прекратить ее и пошли рассказать об этом игумену. Он выслушал их и посоветовал продолжать работу. Так они и сделали. Когда же постройка закончилась, Лавра вышла вся из земли. Игумен спросил у строителей, какую награду они желают получить за свою работу? Одиннадцать строителей ответили, что они просят у Бога одну награду : чтобы Господь Бог сподобил* их царствия своего, и попросили игумена принять их в монахи. Двенадцатый же строитель заколебался. Подумал он, что у него дома осталась большая семья, жена с детьми в большой бедности. Рассказал он об этом игумену и попросил его упла-

тить за работу деньгами. Игумен заплатил ему и благословил его. Возвратился строитель домой и думал, что обрадует жену, принеся заработанные деньги. Рассказал жене также о том, как поступили его товарищи. Жена была очень огорчена рассказом мужа. Она упросила его вернуться в Лавру, возвратить деньги и просить игумена принять его в монахи. « Мы, говорила она, столько времени жили без тебя, без всякой помощи и не умерли. Проживем может быть как-нибудь с Божьей помощью и дальше, в Лавре же ты сможешь сподобиться царствия Божия и тогда будешь ходатаем за нас грешных. Разве можно менять на деньги царство небесное ? Иди обратно в монастырь и проси игумена простить тебя за твой необдуманный поступок. » И каменщик сделал так, как посоветовала ему жена его. Но за время его пути все его сотоварищи умерли. Игумен сказал ему : « Я приму тебя в монахи, но только я не могу обещать, что после смерти ты будешь похоронен вместе с твоими товарищами, так как около них нет больше места. Пойдем, ты сам увидишь. К тому же я не уверен, что они захотят, чтобы ты лежал с ними вместе, так как ты не пожелал остаться с ними. Придя на могилу монахов, они увидели, что все они лежат рядышком, но они заметили также, что они потеснились, чтобы дать ему место рядом, « Ну, – сказал игумен, – видишь, я тебя простил, и товарищи твои принимают тебя к себе. » Так был принят в монахи и двенадцатый строитель, а когда он умер, его похоронили рядом с его товарищами. Место-то оказалось немного тесновато, одно колено покойного согнулось и выступает под покровом. Мать уверяла, что она сама видела бугорок над выдававшимся коленом.

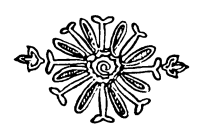

Из моего раннего детства в памяти моей остался день какого-то праздника. Какого ? Рождество ? Крещение ? Масленица ? Не знаю. В гостях у нас тетка (одна из сестер матери) с мужем и другие родственники. Тетка – важная гостья. Она живет в 17 верстах от нас. Изба приняла необычный вид : все обыденные, но нужные в хозяйстве вещи, вынесены куда-то, стены избы вымыты, лавка, под которой стоит обычно лохань с помоями, занавешена цветной занавеской, стол покрыт белой скатертью с бахромой, на столе стоит уже несколько блюд.

Принаряженные гости усаживаются за стол, прочитав сначала краткую молитву перед иконой. Отец и мать хлопочут, обходят вокруг стола, угощают гостей кушаньями и напитками : водкой, брагой*, квасом. Брага и квас – домашнего приготовления из хлебной закваски. Блюд было много : студень*, несколько сортов говядины, жареная домашняя птица и напоследок жареный молочный поросенок.

В избе тесно, шумно. Я еще слишком мал, чтобы участвовать в приеме гостей, мое место на печке, и оттуда я слежу с большим интересом за всем, что делается в избе.

В это время наша семья была не бедная. В хлеву у нас : лошадь, корова, овцы и свиньи. Проходят годы. Мы, дети, подростаем. Сестра и брат скоро станут помогать в хозяйственных работах. Это материальное благополучие длилось недолго. Понемногу семья становится все беднее и беднее. Разные беды и неудачи начали падать на нас ; приемы и праздники прекратились.

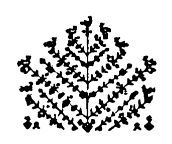

Была у нас серая кобыла. У нее был очень маленький хвост, которым она все время махала и задевала передок телеги. Таким образом постепенно хвост ее стал облезлым*. Она была уже немолодая, но спокойная и умная. Например, она знала, что при спуске надо идти тихо, сдерживать повозку, которая всем своим весом упиралась на нее и ранила ее зад. Может быть она не сознавала опасности противостоять тяжести, а просто потому, что она была с ленцой, и трудно было заставить ее бежать рысью даже понуканием*. Ее покладистый нрав позволил мне очень рано помогать моим родителям. Мне было тогда 7 лет. Мой отец накладывал снопы на телегу*, увязывал воз веревкой, чтобы они не упали, и сажал меня на верх телеги. Приехав домой, я сбрасывал снопы, а мой брат складывал их в ригу*. Потом я опять возвращался на поле, и снова начиналась нагрузка. Таким образом, отец терял меньше времени. К сожалению, дело шло довольно медленно, так как у меня не было достаточно авторитета, чтобы кобыла слушалась меня. Она очень хорошо знала все наши пашни, разбросанные по всему селу. Она знала, когда надо было свернуть с главной дороги, чтобы попасть на наше поле.

Когда мы отправлялись в поля, находящиеся недалеко от нашей деревни, ее знания были очень полезны. Но когда приходилось ехать на отдаленные поля, ее память приводила меня в отчаяние : кобыла сворачивала в сторону всех наших полей, которые встречались нам в пути, несмотря на все проявленные мною усилия, чтобы заставить ее идти по нужной дороге. Она останавливалась около уже сжатого поля, стояла некоторое время, погруженная вероятно в свои собственные думы, прежде чем продолжать идти по нужной дороге, несмотря на все мои крики и понукание. Я плакал от бессилия, но это не производило никакого действия : она чувствовала себя хозяйкой и поступала так, как ей хотелось.

Один раз, зимой меня послали одного в небольшой хутор моей тетки в 17 верстах от нас. Нужно сказать, что рубка леса производилась осенью, но ждали, когда дорога хорошо покроется снегом для перевозки бревен на санях. Я выехал еще до рассвета с несколькими соседями. Мне было тогда одиннадцать-двенадцать лет, и я еще не мог

запрячь лошадь во время сильных морозов. Я приехал к тетке утром. Я оставался у нее недолго, только чтобы согреться, задать корм лошади и дать ей отдохнуть. Я весь промерз. Меня обогрели. Зять моей тетки нагрузил сани и перевязал груз толстой веревкой. Я выехал один после полудня, без своих спутников, через пустынные и однообразные поля с моей кобылой с облезлым хвостом. Ни живой души ни впереди, ни сзади. Проехали благополучно пол-дороги. Но зимой невозможно долго сидеть на санях, не двигаясь. Чтобы согреться, нужно спрыгнуть на дорогу и идти пешком позади саней, так как утоптанная хорошо дорога предыдущими путниками – очень узкая, и опасно идти рядом с санями, которые могли соскользнут и наткнуться на огромный сугроб. Именно в такой момент, когда я шел рядом с санями, я начал понемногу отставать от них. Моя кобыла заметила это и решила отделаться от меня. Она прибавила ходу и начала идти рысью. Расстояние между ней и мною росло. Я начал бежать, чтобы догнать сани, которые продолжали удаляться. Кобыла, заметив, что я бегу, прибавила еще ходу. Сначала я подумал, что это – случайно. Моя одежда не позволяла мне бежать долго. Пробежав некоторое расстояние, я вынужден был идти шагом. Моя кобыла пошла также шагом. Отдышавшись, я снова побежал, чтобы догнать мою повозку. Но моя кляча, заметив это, тоже начала бежать рысью, и расстояние между мной и ею стало еще больше. То же самое повторялось несколько раз. Я изменил тактику и решил взять ее хитростью. Я перестал бежать, но заметно увеличил шаги. Я терял надежду догнать ее. Солнце было уже на закате, мороз крепчал, и я еще больше чувствовал холод. Я оставался совсем один на дороге среди снежной равнины. В этот момент я совсем не думал, что могу погибнуть от холода или на меня нападут волки. Страх за жизнь кобылы заглушал страх за себя. Другая мысль пришла в голову. Скоро перед нами будет крутой овраг, пересекаемый другим оврагом, не очень большим, но глубоким. Мои сани могут опрокинуться, лошадь упадет, искалечится или задохнется от натянутых возжей. Что станется тогда с нашей семьей? Я знал, что отец не сможет купить другую. Потерять лошадь – значит потерять всякую надежду выйти из нашего бедственного положения. Думая об этом, я не чувствовал ни страха, ни холода. Моя гонка за лошадью продолжалась на расстоянии 3-х верст. И только при приближении к опасному месту я смог догнать мою мучительницу. Дрожа от радости, наконец-то, я настиг сани сзади. Я вцепился в ветки, которые торчали из телеги, и мне удалось схватить возжи. Все было забыто : страх, усталость и даже мой гнев на кобылу. Я радовался, что она осталась цела и невредима, и даже не думал наказать ее за ее намерение убежать и оставить меня одного в открытом поле.

Однажды отец с матерью решили открыть торговлю. В семье никогда не говорили о том, кому из них пришла в голову эта мысль. Но, вероятно, она им обоим пришлась по душе. Они назвали лавкой « поветку » (плетеную клеть), стоявшую перед избой, купили необходимый инвентарь и немного товара : соль, деготь, керосин, который в деревнях называли « гасом », масло постное, а во время постов* еще и соленую рыбу, и заторговали.

Лавка, собственно говоря, на лавку не походила : стены из плетеных веток, земляной пол, небольшой прилавок, на котором стояли весы, железный бидон с маслом да мешок с кренделями. Другие товары лежали прямо на полу.

Наиболее ходовыми товарами были булки и крендели. Они продавались на ярмарках*. В нашем селе было три ярмарки в году : одна на масленицу * и две на престольные* праздники. Зимой же были еще два небольших базара в неделю*.

На эти базары крестьяне окрестных сел привозили или приносили для продажи дрова, старновку*, лапти, домотканную холстину, решета, деревянные гребни и деревянную посуду. На этих базарах и продавались булки и крендели.

Все товары лавки закупались в Воронеже, в 40 верстах от нашего села. Весной, летом и осенью ездили только « верхом », т.е. по дороге или по полям, но зимой, после замерзания реки Воронежа, предпочитали ездить « низом », т.е. по льду. Этот путь был длиннее и опаснее, так как во время метелей рисковали попасть или в прорубь или в полынью*, где лед был тоньше. В таких случаях человек мог потонуть с санями и лошадью. Но зато этот путь был защищен высоким берегом и лесом от сильного ветра, который дул зимой. По этой причине предпочитали этот путь.

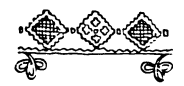
В дни поездки отца в город за булками мать начинала беспокоиться с вечера, хотя и старалась скрыть это. Но я догадывался сам по случайно брошенным словам. Ее настроение заражало и меня. В такие вечера я неохотно залезал на печку спать, старался дождаться возвращения отца. Улегшись спать, я засыпал чутким, тревожным сном. Просыпаюсь, бывало, поздно ночью и сейчас же замечаю, что отец еще не приехал, а мать стоит перед иконами и жарко молится. Она, как и другие, не знала молитв. В церкви она запомнила отдельные слова, фразы из « Отче наш » и « Богородица Дева, радуйся » и старалась их воспроизвести. Но она так коверкала слова, что совершенно нельзя было понять смысла. Но в такой момент в ее голове была одна ясная дума, а на устах одна молитва : « Поедет верхом, – заблудится, одежонка плохонькая, замерзнет. Низом поедет – в прорубь или в полынью попадет, утонет. Боже милостивый ! Спаси мужа, сохрани отца детей ! » И вижу я ее скорбное лицо, и слезы медленно текут по щекам. И мне становится боязно за отца и жаль до слез мать. Тихонько слезаю я с печки, становлюсь на колени и твержу без конца : « Спаси, Боженька, батю, возврати его скорей домой ! »

Мать не сейчас же замечает меня, а, заметив, ласково отсылает спать на печку. И долго-долго сон не идет ко мне... И вдруг радостная весть : скрип саней во дворе и голос отца : « Тпру !! »*.

Мать будит брата отпрягать лошадь, помогать отцу разгружать поклажу.

От меня сон совсем отлетел, а боязни как бы и не было. Я знаю, что отец привез гостинец для меня, и жду его появления в избе с нетерпением.

Вот он входит, весь запушенный инеем, похожий на Деда-Мороза. Борода вся белая, а на усах висят ледяные сосульки. Войдя в избу, он прежде всего молится Богу. А потом – ледяной поцелуй и в награду дает мне коня или барашка, украшенных сахарными узорами, обсыпанных белым сахаром или связку сахарных бубликов.

В начале наша торговля шла неплохо. Село наше большое, а настоящая лавка в нем была только одна, специально построенная для торговли, бревенчатая, крытая железом и со всем необходимым для крестьянского обихода. Единственным неудобством ее было то, что она находилась на выгоне*, около церкви, т.е. далеко от наиболее населенных частей села : в нее нельзя было посылать за покупками детей во время осенней распутицы* и в зимнее холодное время, взрослые же были слишком заняты, чтобы ходить за покупками, отнимавшими у них много времени. Поэтому ближайшие жители предпочитали ходить в нашу « новую лавку », покупать такие товары, как соль, деготь, керосин.

Погубило нашу торговлю то, что мои родители, по доброте своей, отпускали товар в долг нуждающимся покупателям. Скоро все узнали об этом, и даже люди с достатком начали пользоваться этим. Сначала должники оправдывали оказываемое им доверие. Уплатив долги, они закупали товаров еще больше, разумеется, в долг. Но постепенно они переставали платить свои долги и, конечно, перестали покупать в нашей лавке.

Таким образом отец и мать потеряли и свой оборотный капитал*, и торговля пришла в упадок. « Долговая книга » долго хранилась у отца в маленьком сундучке, и он надеялся, что, авось, кто-нибудь из должников вспомнит о своем долге и пожелает его уплатить. Книга эта представляла собой сшитую отцом тетрадь листов большого формата белой бумаги. Отец сам линовал в ней страницы и записывал огромными буквами имя должника, товар, количество и сумму. Он делал свои записи вечером и часто забывал некоторых покупателей.

Вот образчик записей :

Гараськи Поликушкину :

Гасу ... один ру ... 2 коп.
Дехтю два ру ... 3 коп
и т.д.

Поэтому в момент уплаты, случалось, должник ссылался на сумму, записанную в книге, а не на ту, которую он в действительности должен.

Было еще и другое. Когда отпускала товар мать, она не всегда говорила отцу, кому она отпустила товар в долг. У нее была своя собственная бухгалтерия. Она делала пометки мелом на стене в виде крестиков. Память у нее была хорошая, и она разбиралась в своих кабалистических знаках. Если должники пользовались такой « двойной » бухгалтерией, то отец с матерью теряли. Ближайшие соседи нередко приходили и просили дать им взаймы солонку или поллитра керосину. Когда у них появлялись деньги, они покупали товары в большом количестве и расплачивались потом « натурой ».

Случалось, что и у нас самих этих товаров не было, и это подрывало уважение к моим родителям. Крестьяне смеялись над ними, и, за спиной, называли их « горе-купцами ».

Торговля не принесла семье ни денег, ни почета, но недоброжелателей она породила много. Первым недоброжелателем оказался настоящий купец села. Для него отец и мать были конкуренты. При случае он вредил им, возбуждал жителей против них.

Враждебно настроенным к нам сделалось и местное начальство. « Ничто не ново под луной ». Еще в старое время, как и в наше, начальство любило, чтобы торговцы его привечали*. Волостной старшина, волостной писарь, урядник* и даже сельский староста любили, чтобы торговцы оказывали им почет, чтобы угощали их время от времени чайком, яичницей, водочкой и другими небольшими съестными подношениями. Они считали себя обиженными, когда им этой чести не оказывали, и при случае чинили неприятности. Тот, кто угощал, должен чувствовать, что ему оказывают честь, и он должен быть признательным за это. Отец подчинился бы такому порядку вещей, установленному веками, но мать рассуждала иначе : « Начальство поставлено для того, чтобы следить за соблюдением закона, защищать слабых и обиженных, бороться против несправедливости и поддерживать порядок. За это начальники получают деньги и потому они не должны ни от кого ничего требовать. Они должны даже отказываться, если им что-нибудь дают. Если я поступаю против закона, пусть карают меня за это, но мзды* никакой не требуют. » – «Закон законом – отвечал на это мой отец, а лучше было бы жить с начальниками в мире ». Но мать оставалась непреклонна : « Я перед начальством ни в чем не виновата, почему же я должна их поить и кормить ? » Этих правил она придерживалась до конца своей жизни. Но для начальников такое упорное отношение было неприемлемо, и они не прощали ей этого. Часто они выказывали свою недоброжелательность к моим родителям, в особенности, к моей матери, зная, что мой отец был человеком более сговорчивым.

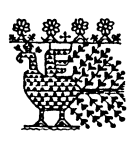
Увлекшись своей торговлей, мой отец забросил свое ремесло горшечника, и вся работа свалилась на моего брата, который начал меня приучать к горшечному делу. Но когда я подрос немного, отец стал брать меня на базары « для присмотра за товаром ». Торговля явно была уже убыточной, а наше крестьянское хозяйство все больше и больше приходило в упадок. Но отец с матерью, как отравленные алкоголики, не могли уж отказаться от своей лавки, возвратиться к прежнему « нормальному » крестьянскому образу жизни или снова заняться сапожным ремеслом.

Потом пришел голодный 1891-ый год*, и нашу семью лишили помощи продуктами, потому что мои родители официально считались торговцами, хотя и знали, что наша торговля сошла на нет. Мы страдали, как и все соседи, и нуждались в помощи. Но моя мать не растерялась. Она начала выпекать хлеб и этим спасла всю семью от голодной смерти. Не знаю, как ей удавалось доставать муку, которая в это время продавалась по очень высоким ценам. Но она знала, что наши крестьяне не могли платить очень дорого, и она делала это не для того, чтобы нажиться. Печь хлеб в примитивных условиях было вещью трудной. Но она не щадила себя и продавала хлеб по себестоимости. Она была довольна, что своей работой она покрывает свои расходы, и каждый член ее семьи получает фунт (409 грам.) хлеба в день.

Голодный год сломил нашу семью. Пришлось зарезать нашу единственную лошадь и единственную корову : в ее животе нашли несколько заржавленных гвоздей. У нас не было денег на покупку нового скота. Семья осталась без лошади и без молока. К тому же нужно было выдать замуж мою сестру и женить моего брата. Эти события, сами по себе радостные, потребовали непосильных расходов и легли тяжелым бременем на семью : понадобились новые затраты, слишком тяжкие для пустого кошелька.

Зарезав ту или другую живность, семья из бедных обрекала себя на нищенское существование после свадьбы. Взрослые перед гостями старались быть веселыми и в то же время спрашивали себя, как они будут жить после свадебного пира, как они вывернутся, чтобы уплатить долги. Их лица изображали радость, но сердце у них обливалось слезами. Малые дети это чувствовали, но по беспечности молодых лет они искренне принимали участие в радостном событии. Беспокойство было не выдуманным, оно шло от явной угрозы.

Крестьянские обычаи требуют больших расходов во время семейных праздников. Даже для достаточной семьи свадьба влечет за собой много расходов. Тем более для нашей : две свадьбы одна за другой с взаимными подарками между членами обеих семей, не считая обедов и других расходов.

С некоторого времени наша семья жила с грехом пополам, как вдруг мой отец не мог заплатить во-время подати* (подушные и земские сборы). Враги моей матери воспользовались этим обстоятельством. Общество, то есть староста, писарь и сборщик податей решили сдать в аренду* нашу землю одному из крестьян Карачуна.

Закон позволял отнять временно землю у того, кто отказывался платить подати, и сдать ее в аренду и этими деньгами погасить задолженность. Но обычно эта статья закона применялась к крестьянам, которые не уплатили недоимки за несколько лет, и их рассматривали, как злостных должников.

Этот закон не должен был бы прилагаться к нашей семье, так как за моим отцом числилась недоимка только за один год. Староста хотел унизить Самойлиху (мою мать : часто звали людей только по их отчеству, прибавляя к нему суффикс, или даже по прозвищу ; на самом деле мою мать звали Татьяна Самойловна).

Это решение было принято весной, незадолго до посева. Когда мы об этом узнали, крестьянин, которому дали землю, уже вспахал ее и засеял часть нашего поля. Мои родители сочли это действие незаконным, оскорбительным для них, но они не собирались начинать процесс. Тем не менее они были возмущены поведением Антипки (уменьшительное от Антип). Мой отец объяснил ему положение нашей семьи, и Антипка понял, что он поступил плохо. Он отказался от нашей земли и попросил только уплатить ему за вспашку и за семена.

Мой отец хотел закончить это дело полюбовно, без скандала и принять предложение Антипки. Но моя мать властным тоном заявила : « Ни за что ! Он сам виноват. Зачем он влез в это дело ? Он хотел осрамить нас. Пусть сам на себя и пеняет. »

Не один раз начинался такой разговор между моими родителями и при первом же возражении матери кончался. Мой отец, начав его и видя бесполезность добиться согласия моей матери, умолкал. Он был убежден, что лучше помириться с Антипкой и уплатить ему три рубля, но так как его попытка убедить мать встречала каждый раз сопротивление, он уступал, чтобы избежать ссоры. Для матери это был вопрос принципиальный, хотя она даже не знала этого выражения : она была убеждена, что моральный ущерб должен быть возмещен. По существу мать была права, но она не хотела считаться с действительностью, и что не в ее власти наказывать нарушителей законности. Она не знала установленных законов, которые иногда поворачивались против нее, а сельское начальство, конечно, не упускало случая унизить ее. Итак она настояла на своем, и мы собрали урожай, не возместив Антипке ни за его работу, ни за семена. Антипка подал жалобу на отца в волостной суд, который приговорил отца к уплате причитающейся Антипке суммы, а также и судебных издержек*. Разумеется, моя мать нашла решение суда несправедливым. После получения повестки с подтверждением решения суда была назначена опись имущества, но мать сказала : « Не посмеют ! » Накануне узнали, что придет староста с понятыми* описывать имущество. Один из крестьян, сельский « законовед »,

посоветовал моим родителям спрятать вещи, подлежащие описи и продаже, в сарае, повесить замок, а перед дверью поставить беременную жену моего брата, так как, увидев ее положение, никто не посмеет ее тронуть. Моя мать поверила этому и последовала совету. Естественно, понятые оттащили мою невестку* от двери, замок сбили и составили протокол о неподчинении властям и об оскорблении действием. На основании этого протокола моя невестка была приговорена к тюремному заключению. Так кончился спор из-за упорства моей матери. В это время я был уже в сельско-хозяйственной школе и гораздо позже узнал об окончании этой истории, после отбытия тюремного срока моей невестки.

1890-ый год можно назвать историческим для села Карачуна. В день Святого Егория (Георгия)* священник объявил после молебна*, отслуженного этому святому, что в нашем селе открывается школа и что все дети, желающие поступить в нее должны прийти в следующее воскресенье в церковь, чтобы записаться.

Теперь мне трудно выразить то чувство, которое вызвало во мне это известие. Само слово « учиться » звучало для меня по-особенному, не так, как звучали другие слова обычной крестьянской речи. Мне казалось, что в нем самом скрывается какая-то тайна, которая будет для меня открываться, как только я начну учиться. Я думал, что наше учение начнется сейчас же после записи. С большим нетерпением ожидал я наступления следующего воскресенья.

В этот день, после обедни, нас собрали в церковной караулке* и записали наши имена и фамилии. Записывал сам священник. Затем каждого записавшегося он направлял к одному из церковных сторожей, отставных солдат Николаевских* времен, который остригал нам волосы под машинку. В первый раз в жизни волосы у нас были острижены так коротко.

Таков был обряд нашего посвящения в звание школьников. После этого священник отпустил нас, сказав, что учиться мы начнем осенью. Для меня это было большим разочарованием, и я возвращался домой опечаленным.

В нашем селе было более 500 дворов и около двух с половиной тысяч жителей. Много дворов было многодетных, однако записалось всего 20 детей, мальчиков и девочек. Из них трое не принадлежали к коренным жителям Карачуна : две девочки, дочери купца и один мальчик, сын сельского писаря. Большинство крестьян не пожелали послать своих детей в школу потому, что считали учение бесполезным для них. Многие из них потому, что не хотели лишаться помощников в полевых работах. Другим препятствием были бедность родителей или расстояние : полторы-две версты и больше от школы до большин-

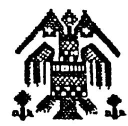
ства изб ; и дорога трудная во время осенних дождей или зимних морозов. Надо было снабдить детей и подходящей одеждой, что было не под силу бедным семьям.

Дома их дети могли обходиться даже без обуви и верхней одежды в ненастье. Когда им нужно было выйти во двор, они надевали обувь и одежду взрослых членов семьи. Помогать во дворе по хозяйству они могли и в рваной одежде : на дворе не так холодно, как на улице, и земля суше. Чтобы погреться или посушить одежду, можно всегда войти в избу. Другое дело – идти в школу, пройти долгий путь при морозе 20-25 градусов для восьмилетних малышей было нелегко. В осеннее время в уличной грязи вязли не только дети, но и взрослые. В школе нельзя и негде было обсушить одежду. Для школы была приспособлена церковная караулка, в которой жили до этого два церковных сторожа. Караулка была довольно светлая и просторная. В ней сделали перегородку, получилось две комнаты : в меньшей поселили старичков-сторожей, а в большой поставили парты и повесили небольшую классную черную доску на стену.

Долгожданный день наступил. Мы, в сопровождении своих матерей, направились в школу. Нас было четверо из нашего околодка*. Я шел в школу с книжкой и потому был полон чувства гордости и превосходства над своими товарищами, у которых ничего не было. Книжка эта была : Священная История, которую отец принес вместе с Евангелием при возвращении с солдатской службы. Обложка и несколько первых листов у нее отсутствовали, и потому составитель ее остался для меня неизвестен. Она лежала в сундучке без употребления.

Отец читал изредка по складам только Евангелие. Чаще всего это случалось вечерами накануне больших праздников или « на святках » (« святые дни » – время от Рождества до Крещения*). Молодежь и дети на святках* собирались у кого-нибудь из соседей и проводили время за игрой в карты. Мои родители считали такое развлечение греховным и не позволяли нам уходить из дому в такие дни. « Нечего мотаться по улицам и зубоскалить ! В святые дни нужно заниматься святым делом », – говорил наш отец, вынимал из сундучка заветное Евангелие и начинал читать. Читал он медленно, с остановками, плохо соединял слоги, и потому мы не понимали смысла чтения. Оно требовало от него большого напряжения, и он скоро уставал. Мать просила его объяснить нам прочитанное. Он пускался в туманные объяснения и вскоре с досадой умолкал. Видно, он и сам неясно понимал священный текст. Священная же история интересовала только меня ; время от времени я вынимал ее из сундучка, перелистывал и рассматривал в ней картинки из жизни Христа. Мое внимание привлекала больше всего та, на которой был представлен римский воин с копьем и со щитом и рядом с ним – две красивые белые лошади, похожие на лошадей нашего соседа Гараськи. Каждый раз, беря в руки эту книгу, я искал прежде всего эту страницу и, рассматривая ее с нежностью, я повторял : « Гараскины лошади ! »

С этой книгой я и пошел в первый раз в школу. Мы горели таким нетерпением и так торопили провожающих нас матерей, что пришли в школу значительно раньше назначенного часа. Нам пришлось долго ждать торжественного момента, который наконец-то настал. Прежде всего священник отслужил молебен, освятил помещение и благословил школьников, первых пионеров науки нашего села. Наше учение ограничилось в этот день тем, что нам дали каждому букварь и псалтирь*. Священник сказал нам напутственное слово и велел прийти завтра вовремя. Подойдя к священнику, чтобы получить книги, я с гордостью показал ему священную книгу. Не зная почему, я был уверен, что нас будут учить по этой книге. Священник посмотрел на мою книгу и сказал : « Эта книга тебе сейчас не нужна. Вот книги, по которым ты будешь учиться », и он вручил мне букварь и псалтирь, напечатанную по церковно-славянски. Так были развенчаны и моя книга, и моя гордость, и мое чувство превосходства над товарищами. Выходило, что не было никакой разницы между мной и моими товарищами, что у меня нет никаких преимуществ перед ними.

Псалтирь определила характер и программу нашего учения. В это время учили сначала название каждой буквы по церковно-славянски : а = аз ; б = буки ; в = веди и т.д.

Неудобство этого метода обучения в том, что, выучив название букв алфавита, трудно потом перейти к сложению слогов и к чтению. Для сложения, например, слога « аб » нужно было сказать :

аз – буки = аб.

Научившись читать, мы приступили к чтению псалтири и к заучиванию наизусть молитв.

Первый учитель занимался с нами недолго и потому не оставил никаких следов в памяти моей. Помню только, что это был молодой человек, высокого роста (таким он, по крайней мере, казался мне), приятной наружности. Поселился он сначала у священника, а потом переехал к купцу, объяснив перемену своего жительства слишком длинной дорогой от дома священника до школы. Потом вдруг оставил наше село без всяких объяснений. Позже мы узнали причину его отъезда. У священника жила свояченица*, засидевшаяся в девках, некрасивая и с большим недостатком : она постоянно высовывала язык. Трудно было найти ей жениха. Священник и его жена надеялись на то, что, авось, им удастся женить молодого учителя на их родственнице. Учитель испугался и переехал к купцу. Священник, взбешенный, начал преследовать учителя, придираться к нему и сделал все, чтобы удалить его из школы. Учитель не выдержал придирок попа и сам отказался от места. Нужно сказать, что этот учитель проделал с нами самую трудную работу : он научил нас азбуке, и мы могли кое-как читать.

После его ухода для школы наступило безвременье : никакого постоянного учителя, с нами занимались поочередно – сам священник, его жена и дьячок*. Не было учебного плана, никакой согласованности между этими учителями. Каждый из них учил нас на свой лад и тому, чему находил нужным учить. Это создавало в наших умах чрезвычайную сумятицу, в которой мы совершенно терялись. В одном не было разногласий между ними : в наказаниях. Давать щелчки в лоб, драть за уши, бить, бить линейкой по пальцам, ставить на колени ; все эти наказания сыпались, как из рога изобилия на тех, которые этого заслужили и на тех, которые совершенно этого не заслужили. Небольшое различие существовало среди наших учителей : дьячок* предпочитал бить линейкой по рукам, попадья* – ставить нас на колени, а священник признавал одинаково все виды наказания. Мы, малыши, предпочитали, чтобы он ставил нас на колени и больше всего боялись его щелчков и его манеру драть за уши. Пальцы у него были очень длинные и сухие, настоящие костяшки. От его щелчка лоб сейчас же краснел, а от большого числа щелчков лоб вздувался и долго сохранял следы приложения пастырских пальцев. Не лучшим было и дранье за уши. Он прибегал к этому, когда бывал очень рассержен. Тогда он становился злым и терял хладнокровие, впивался ногтями в основания ушей наказуемого и, когда он выпускал из тисков уши, кровь стекала капельками из ранок, нанесенных когтями.

– Аксенка ! – обращался, бывало, он к одному из моих товарищей по парте. – Знаешь ли ты какую-нибудь молитву ?

– Не знаю, отвечает Аксенка.

– Как не знаешь ? – начинает сердиться священник и повышает голос. Ты все же знаешь : « Господи, помилуй мя » ?

– Не знаю, – отвечает Аксенка.

– Как не знаешь ! – еще больше сердится священник. – Повторяй за мной : Господи, помилуй мя !

Аксенка чешет затылок, старается вспомнить, что нужно повторить и не может. Губы его начинают дрожать. Он вот-вот расплачется. И вдруг выпаливает :

– Не знаю, не могу повторить.

Это приводит священника в бешенство.

– Почему ты не знаешь ? – кричит он.

Крик священника вызывает обратное действие на Аксенку ; его испуг исчезает, и на лице появляется невозмутимое упорство. Он уже спокойно отвечает :

– Ничего не знаю.

Этот ответ приводит священника в недоумение.

– Почему же ты ничего не знаешь ? – спрашивает он более спокойным тоном. – Чему же тебя учила мать ?

Аксенка улыбается.

– Ну, чему же ты смеешься ? – опять кричит священник. – Отвечай же мне !

– Да мама меня ничему и не учила. Она сама ни одной молитвы не знает.

Этот ответ почти успокаивает священника. Он задает Аксенке еще один вопрос.

– Как же молится твоя мать, если она не знает ни одной молитвы ?

– Да никак, – отвечает Аксенка. – Она только крестится да головой кивает.

– Болван ! – говорит Аксенке священник. – Становись на колени ! Да сначала пойди выбей об угол избы свой нос*.

На этом и кончается обучение Аксенки молитвам. Аксенка так и не понял, чего хотел добиться от него священник. Такие ответы могли опять повторяться, но в один прекрасный день Аксенка не пришел в школу и уже больше не приходил. Он решил, что учение – очень мудрое дело и не для его ума. На вопрос, почему он больше не ходит в школу, Аксенка отвечал :

– А чего мне там делать-то ? Какая мне польза от учения ? Батя и мама – неграмотные, и все другие тоже. И ничего ! Живут ! Проживу и я без учения. А чтобы брань попа слушать да побои выносить, – этого я не желаю.

Аксенка был не единственный. Многих и других детей доморощенные* учителя отучили от школы своей системой преподавания. К концу третьего года только пять крестьянских мальчиков оставалось из 20 записавшихся.

На второй год число поступивших школьников оказалось значительно больше. Но причиной тому был не возросший интерес родителей или детей. Последовавший за годом открытия школы был 1891-ый год, голодный год. Для поддержания питания школьников была открыта при школе столовая, в которой им давали обед : густой пшенный суп с растительным маслом, картофель или кашу и кусок пшеничного хлеба. В нашем селе пшеничного хлеба и в нормальные годы не знали, всегда ели только черный ржаной хлеб. Пшеничную же муку покупали только в большие праздники для приготовления лапши, которую бросали в мясной или молочный суп. Пироги же пекли также из ржаной муки из обрушенного* зерна. В городах из такой муки пекли, так называемый, пеклеванный хлеб. Он получался довольно белый, приятный на вкус. Такими же почти белыми получались и крестьянские пироги, только вкуснее, так как они были сдобные, т.е. тесто замешивалось на молоке и туда прибавлялись яйца и коровье* масло.

Выдача детям пшеничного хлеба да еще в голодный год, когда у других и ржаного-то хлеба не было, и все это бесплатно, – привлекло детей к школе.

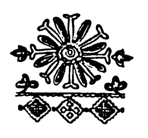
Во второй половине этого же года приехал к нам новый учитель, пятый по счету. Мы же его назвали « вторым настоящим » учителем. Священника же, попадью и дьячка мы не считали настоящими учителями. Он был небольшого роста, не очень красивый, к тому же у него было плохое зрение. Мы прозвали его «слепышом». Он носил голубоватые, смешные очки; на небольшом круглом лице с мелкими чертами – нос картошкой. Одет он был бедно : ходил всегда в поношенных и даже обтрепанных штанах и пиджачке. На вид ему можно было дать не больше 16 лет, но в действительности ему, вероятно, было больше. Он, возможно, был сыном какой-нибудь просвирни* или многодетной бедной вдовы дьячка. Учился в духовном училище*, но учение у него не пошло, и он должен был его оставить. По протекции его и « определили » учителем в нашу школу. С самого начала он поселился у купца, и священник не преследовал его за это. Боялся ли он тех, кто покровительствовал учителю, или потому, что находил его неподходящим женихом для своей свояченицы, во всяком случае, он отнесся к новому учителю терпимо и снисходительно.

Иван Капитонович (так звали нашего нового учителя) оказался живым, расторопным малым, лучшим, чем это можно было заключить по первому впечатлению. Со священником он держался более свободно, чем первый учитель. Он оживил наши занятия, сделал их более интересными.

Скорее нутром, чем рассудком мы почувствовали с первого же нашего с ним знакомства, что с ним нам будет легко поладить. Мы признали его почти равным нам и различие находили лишь в том, что его поставили, чтобы учить нас и дали ему право нас наказывать. И это чувство нас не обмануло. Он почти никогда не пользовался предоставленными ему правом и властью. К тому же он оказался несамолюбивым и необидчивым. Часто, во время перемен, он, выкурив свою папироску, участвовал в наших детских играх и играл с таким же увлечением, как и мы сами. Случалось и так, что он во время занятий, вспомнив об этих играх, начинал вдруг рассказывать нам про игры в семинарии, а также о войне между ними и учениками уездного училища*.

« Они нас называли 'кутейниками' от слова 'кутья' *и всегда нападали на нас. Иногда мы собирались большими группами и дрались с 'уездниками' по-настоящему, пускали в ход и кулаки и камни. Я-то, по своему малому росту и слабосилию, находился всегда сзади своих товарищей. Мое дело было собирать камни и передавать их тем, которые и ростом были больше и сильнее меня. Эти товарищи находились всегда в первых рядах, и они то и дрались. Здорово им доставалось от нас. Многие из них уходили с боя не только с синяками, но и окровавленными. Да, жаркие стычки были у нас с ними», заключал Иван Капитонович.

Менее благополучно было с нашим учением. Сильно хромала грамматика. Еще хуже было с арифметикой. И читать мы не умели, как следует, не знали толком, где нужно было сделать необходимую паузу, поэтому мы плохо понимали смысл прочитанного.

До приезда Ивана Капитоновича нас учили читать по церковно-славянски, заставляли учить наизусть молитвы. Случилось так, что в год его приезда нам выдали для чтения первую русскую книгу : *Первую пчелку* Льва Поливанова. Эта книжка произвела на меня очень сильное впечатление. Она перевернула вверх дном все мое понятие об окружающем меня мире и явлениях природы.

« Ходит лиса тихонько », – читал я в ней. « Все-то она высматривает, все обнюхивает, ко всему прислушивается. Лиса бежит, хвостом метет. Она и капкан обойдет, и от охотника убежит, и от собак увильнет. » И дальше рассказ : « Крестьянин, лиса и волк ». « Я наловила много рыбы : хвост в прорубь опустила и хвостом рыбу из проруби вытащила ».

Поверил лисе волк, опустил в прорубь хвост и ждет, когда рыба насядет ему на хвост. Вскоре почувствовал волк, что хвост становится тяжелее, примерзает ко льду. Лиса увидела это и уверила волка, что, значит, набралось много рыбы, и советует ему еще подождать. И хвост волка совершенно примерз ко льду. Утром бабы увидели волка и начали бить его коромыслами*. Волк спасся от смерти только потому, что рванулся, и его хвост остался в реке. Бежит волк побитый и без хвоста, а лисичка тут как тут. Вскакивает она волку на спину, едет верхом на волке и приговаривает : « битый небитого везет ».

В этих двух маленьких рассказиках для детского ума – целая поэма, откровение.

Я многое знал о природе. Знания свои я черпал из непосредственных наблюдений и из рассказов взрослых. Я знал, что заяц не нападает на человека, что он боязлив, но боязнь не мешает ему приходить зимой в сад и обгладывать молодые фруктовые деревца. Поэтому, чтобы защищить их стволы, обвязывают деревца зимой старновкой.

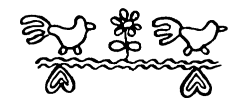
Лисица также не нападает на человека, нападает на кур, на гусей и уток. Она забирается даже в курятник. От лисицы приходится оберегать домашнюю птицу. Волк – самый опасный зверь. Он режет в поле, в лесу, на лугу овец, телят, жеребят и даже коров и лошадей. Зимой он приходит во двор, залезает в овчарню и оттуда уносит овец. Зимой волк нападает и на человека, и встреча с ним в это время года опасна. Но все эти приобретенные опытом и наблюдениями знания оставались ограниченными. Они не выходили за пределы понятия того, что полезно или вредно для человека в крестьянской жизни. Первые прочитанные мною рассказы из мира животных, представили мне мир в другом освещении и открыли мне более полно саму природу. Они показали мне, что наряду с жизнью человека, существует и другая жизнь –

жизнь животных, что звери, как и люди, каждый по-своему устраивает свою жизнь, каждый добывает себе пропитание на свой лад.

С раннего детства я воспринял своими глазами и ощутил прикосновением существование ручьев, родников и рек. Еще не осознавая вполне этих понятий, я, ребенком, привык видеть их течение, погружаться в волны Воронежа и Дона. Они играли большую роль в моей детской жизни, но, быть может, именно потому они и не трогали мое воображение. Лишь из *Первой пчелки* я узнал, что есть река, которую называют « Волгой-Матушкой », « Матушкой-Кормилицей ». Не сосчитать и не перечесть всех городов по берегам этой реки, и сколько людей она кормит.

Так открывались мне новые горизонты. *Первая пчелка* запечатлелась во мне на всю жизнь. Она научила меня по-иному смотреть на окружающий мир и лучше понимать жизнь крестьянскую.

Кольцов*, Никитин*, Жадовская*, с произведениями которых знакомила меня *Первая пчелка,* нашли отклик в душе моей, с первого же чтения тронули сердце мое не только легкостью, звучностью, простотой стиха, глубоким чувством, которые они пробуждали, но и тем, что в них были выражены неподдельные сокровенные думы, чувства радости и печали, надежды и опасения крестьянина, и потому, что в них описана природа и природные явления, которые я сам лично наблюдал и переживал, языком волнующим и живописным.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной !
Выбелим железо
О сырую землю.

Кольцов. *Песня пахаря.*

С такой сивкой* не одно раннее утро проводил я с отцом в поле, на пашне, когда я еще жил несознательной, животной жизнью.

Позже со « Стригунком » (сыном или дочерью Сивки) помогал я отцу боронить* и пахать поле сохой*. С детства же научился я радоваться вместе со взрослыми при виде первых хороших всходов хлебов, полных колосьев, вызывающих надежду на хороший урожай и также бояться больших черных туч, покрывающих небо и грозящих внезапным ливнем или градом уничтожить все.

Возможно ли для ребенка остаться глухим к этим чувствам и не разделять забот окружающих ? Отсюда берет свое начало власть природы и власть земли над крестьянской душой, отсюда и крепкая христианская вера, с которой уживаются остатки языческого происхождения. Бог – громовержец* воплотился в Святого Илию, который

разъезжает по небу на своей огненной колеснице и поражает стрелами-молниями. Злой дух – это дьявол, со своей большой и малой братией, соблазнитель рода человеческого, причина всего зла на земле.

Много новых вопросов возникло при чтении *Первой пчелки*, на которые, к сожалению, учитель наш не мог дать ответов. Он сам по общему развитию мало отличался от своих учеников, и моя любознательность, которая начинала обуревать меня, оставляла его равнодушным.

Иван Капитонович плохо объяснял даже грамматические правила. Арифметических же правил он совсем не объяснял, потому что сам их не знал. Учились мы механически : списывали и заучивали наизусть, как в книжке было написано. По русскому языку это было возможно : у нас была элементарная грамматика Некрасова. По арифметике же учебника не было ; учитель сам должен был объяснять нам арифметические правила. Он объяснил хорошо четыре арифметических действия, а что следовало дальше ? Он сам не знал. Мы встретили непреодолимые затруднения, когда дошли до решения задач на все арифметические действия. Мы не знали той простой истины, что без рассуждения, без построения порядка действия нельзя правильно решать задачи. Если мы находили решение, то лишь по наитию. Все наши усилия сводились к отысканию цифры, указанной в ответах, в конце задачника. Если наша цифра совпадала с цифрой учебника, значит, задачка решена правильно. Техника решения состояла в ряде действий, производимых наугад. Так решал задачи и сам наш учитель. Задаст, бывало, нам одну-две задачки на дом и сам их решает у себя. Случалось, что решение задачки не совпадало с ответом в задачнике, тогда как у какого-нибудь ученика решение « выходило » Учитель спрашивал, как он решил задачку. Ученик объяснял : « Сначала я сложил, потом вычел, а потом разделил, но так решение у меня было неправильное. Я попробовал иначе. Сначала я вычел, потом сложил и потом разделил. Но и так у меня не вышло. Тогда я сначала разделил, потом сложил и потом вычел и тогда я получил верный ответ. » Иван Капитонович совершенно удовлетворялся таким объяснением, а товарищи считали удачника очень « башковитым »* в арифметике.

Так кое-как Ивану Капитоновичу удалось довести до конца наше учение.

В 1893-ем году состоялся первый выпускной экзамен. От представляющихся к экзамену требовалось : написать небольшую диктовку с расстановкой знаков препинания, решить одну из несложных задач и прочесть наизусть одно небольшое стихотворение, или прочитать по книжке коротенький рассказ и ответить на несколько вопросов священнику по священной истории, или же прочитать какую-нибудь молитву.

Иван Капитонович начал нас готовить к экзамену чуть не с Рождества. Он больше всего боялся, что мы не сумеем правильно расставить знаки препинания. Эта почти ежедневная подготовка заключалась, главным образом, в том, как он будет держаться на экзамене, как он будет подсказывать нам знаки препинания и правописание трудных слов. Он

плохо верил в наши знания и считал эти правила слишком сложными для нас. Он придумал особенный способ подсказывать нам. « Если после продиктованной фразы, я возьмусь за пуговицу моего пиджака, значит, поставить точку. Если же нужно поставить точку с запятой, то я возьмусь за пуговицу и еще сделаю рукой движение в воздухе, которое напомнит вам запятую. Когда нужно поставить запятую, я поднесу руку к усам, а для двоеточия я возьмусь за две пуговицы на пиджаке. » Для вопросительного знака Иван Капитонович решил высморкаться, а для восклицательного знака покашливать. « Для ' ять ' (ѣ) * я буду повышать голос, а для беглого ' е ' — понижать ». И еще другие жесты.

Наступил день экзамена. У всех нервы были напряжены, а у нас, малышей, от страха коленки тряслись. Священник отслужил молебен. Экзаменаторы уселись за стол, покрытый зеленым сукном, нас посадили за парты. Экзамен начался. Бедный Иван Капитонович ! Он растерялся больше, чем мы. Начал он диктовать. Губы у него посинели, сам он побледнел. Язык плохо слушался его. Все условные знаки, которые он так долго внушал нам, выскочили у него из головы. Его голос и речь изменились. Он заикался. Он запутался в своей системе подсказывать нам знаки препинания и правописания. Впрочем, мы были так взволнованы, что не могли бы следить за знаками Ивана Капитоновича, если бы даже он сохранил свое хладнокровие.

Нас было всего восемь кандидатов и кандидаток, дошедших до конца обучения и допущенных к выпускному экзамену. Экзаменаторов было почти столько же, сколько и кандидатов. В числе их находились : земский начальник, архимандрит* (т.е. начальник над нашим священником) и еще какие-то лица. Их присутствие еще больше вызывало в нас робость. Как была написана нами диктовка ? Правильно ли решена задачка ? Хорошо ли мы ответили экзаменаторам ? Одному Богу да экзаменаторам было известно. Сами же мы не отдавали себе отчета.

Все мы были признаны достойными получения свидетельства об окончании школы. Экзаменаторы поздравили наших родителей, ожидавших в ограде церкви. И вот мы стали первыми « грамотеями » нашего села. Из восьми, выдержавших экзамен, пятеро были крестьянские дети. Все они, кроме меня, через небольшой промежуток времени опять превратились почти в безграмотных. Они могли еще написать свою фамилию и, с грехом пополам, читать по церковно-славянски. На экзамене я, как, очевидно, и другие, не блистал и похвального листа не получил, что сильно огорчило мою мать.

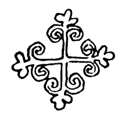
Зимой я часто болел. Вначале я схватил, как это мне теперь представляется, воспаление легких, и вот при каких обстоятельствах.

Как раз перед оттепелью и вскрытием реки отец взял меня с собой в город Усмань. Дорога была еще покрыта снегом. Мы приехали в город рано утром, по морозу. Но во второй половине дня погода изменилась : пошел сильный теплый дождь с ветром и лил, не переставая. При нашем отъезде открытая степная местность, через которую приходилось возвращаться домой, превратилась в сплошное озеро. На протя-

жении 22 верст сани не скользили по дороге, а плыли, и я должен был в них стоять с мокрыми ногами. Приехав поздно вечером к месту, где надо было переезжать, мы увидели, что лед на ней вздулся и около берегов был залит водой. Переезжать на другой берег было опасно : можно было и лошадь утопить и самим вместе с лошадью утонуть. Нам пришлось повернуть обратно и переночевать в селе, которое находилось в трех верстах от нашего дома. Только по приезде в это село я смог раздеться и высушить свою одежду. Меня сейчас же уложили на печку, но у меня начался озноб и сильный жар. На утро меня привезли домой в бессознательном состоянии. Более трех недель я находился между жизнью и смертью, без всякой медицинской помощи.

Не оправившись как следует от этой болезни, я заболел малярией. Приближение ее начинается появлением неприятного вкуса во рту, потом становится, как говорится, « не по себе », и, наконец, сильный жар, который доходит быстро до 40° и больше. Все тело охватывает озноб, и буквально трясет, почему в народе и называют эту болезнь « трясучкой ». Больной стучит зубами, « зуб на зуб не попадает ». На больного накидывают все возможное тряпье, но ничто не помогает. Но скоро больному становится невыносимо жарко. Он сбрасывает с себя все, что на него навалили. И в то же время им овладевает безграничная усталость. Он не имеет силы пошевельнуть ни одним мускулом. У него ощущение, что все кости его тела перемолоты, а во рту невыразимо сухо.

Приступы болезни вначале повторялись каждый день, потом каждые два-три дня и всегда в один и тот же час. В промежутке между двумя приступами силы восстанавливались очень медленно. Малярия продолжалась у меня все лето. Осенью и зимой она исчезала, а весной, с появлением комаров, она вновь возвращалась. Окончательно я от нее избавился только через несколько лет, когда оставил свое село и поступил в низшую сельско-хозяйственную школу. Эта болезнь меня истощила, и вот почему я не был в хорошем физическом состоянии во время экзаменов.

Несколько слов об обучении в сельской школе.

В конце XIX века наряду с церковно-приходскими школами существовали и другие, основанные Земством и содержащиеся на его счет.

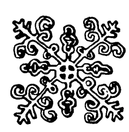
Земские школы не зависели от духовенства. Они ставили своей главной целью дать общеобразовательное воспитание крестьянским детям, привить им любовь к серьезному чтению, научить понимать явления природы и окружающую среду. Они были лучше организованы и лучше снабжены учебными пособиями. Вся их программа была шире и направлена более целесообразно. Учительский состав был более подготовлен к преподавательской деятельности и более культурный ;

часто учителя выбирали эту профессию по призванию, из любви к детям. Следовательно и полученные результаты были несравнимы с результатами церковных школ. Кончившие эти школы не забывали того, чему они научились, и становились более сознательными членами крестьянского общества.

Иное положение было в церковно-приходских сельских школах. По сущности своей они были противоположны земским школам.

Со времен обер-прокурора Святейшего Синода* духовенство было проникнуто идеей, что просвещение масс было причиной неверия и революционного движения. Чтобы бороться с этим нужно противопоставить религиозно-патриотическое воспитание. Это и было положено в основу обучения в церковно-приходских школах. В них просвещение не было самостоятельной и довлеющей целью, но лишь средством научить детей молиться, бояться Бога и любить царя. Поэтому-то в них и начиналось обучение с чтения церковно-славянских книг; нужно было уметь читать псалтырь и хорошо читать молитвы. Школы были, в действительности, под наблюдением священников. Они, частью, содержались за счет приходов*. Средства в их распоряжении были очень скромные, поэтому они были организованы хуже. Их учительский состав набирался, главным образом, из детей священников, неудачников, не преуспевших в своем учении, или таких, которые, по бедности или неспособности, не могли продолжать своего образования. По этой причине учителя церковно-приходских школ были плохо подготовлены к преподаванию и не оказывали никакого влияния ни на своих учеников, ни на окружающее население. Дети, окончившие эти школы, не заражались в них ни любовью к учению, ни желанием к усовершенствованию. Большею частью, они становились полуграмотными или совсем безграмотными, неспособными читать и понимать самые простые рассказы, а тем более газеты.

Такой школой была и наша церковно-приходская школа, в которой я начал учиться грамоте. Для меня открылся новый мир*.

Наш дьячок, когда учил нас читать и писать, научил нас и пению. Когда приехал к нам новый, настоящий учитель, дьячку пришла мысль создать церковный хор. Получив на то благословение священника, он приступил к делу.

Это был второй год существования школы, и школьников стало больше. Это дало дьячку возможность подобрать таких, у которых был хороший голос и хороший слух.

Во время моей болезни составился хор, без меня. И хор начал даже петь в церкви по праздничным дням. Моей матери очень хотелось, чтобы и я пел в хоре. Но дьячок уже сделал свой выбор и не мог знать ни моего голоса, ни слуха.

В одно из воскресений во время обедни*мать сказала мне, чтобы я пошел на клирос* и присоединился к хористам. Я боялся, что дьячок прогонит меня. Но мать настояла на своем, напутствуя словами : « Коли* дьячок будет тебя прогонять, скажи ему, что ты очень хочешь петь. » Так я и сделал, как наказывала мне мать, и когда дьячок, увидя меня в хоре, строгим тоном спросил меня : « Зачем ты сюда пришел ? Чей ты ? » Я ему ответил, как учила мать. – « А, так ты сын Самойлихи, » (так все звали мою мать) проворчал он только. Так я и остался в хоре. Дьячок не пожалел, что оставил меня. Оказалось, что у меня хороший голос, очень хороший слух и большая музыкальная память. Скоро я стал солистом с двумя другими мальчиками, первым дискантом и первым альтом, а позже и чтецом и даже заместителем дьячка в церковных службах.

Случилось однажды на неделе раздался звон колокола и долго он продолжался. И священник и дьячок жили от церкви далеко, и много времени проходило, пока они доберутся до церкви. Обычно, если один из них запаздывал, колокольный звон звал опоздавшего. На этот раз колокольный призыв длился слишком долго. Священник начал терять терпение, а дьячок все не приходил. Позже узнали, что дьячок уехал в поле и не предупредил об этом батюшку. Батюшка послал за мной церковного старика, чтобы я пришел заменить дьячка и служить с ним обедню.

Моя мать была очень горда этим и считала это за большую честь. Дьячок же относился к этому проще. Он уверен, что Ванька Самойлихин знает так же хорошо, как и он сам порядок всех служб, и что священник не возражает против того, чтобы Ванька заменял его в службах. Почему же ему и не использовать такого дарового помощника ? К тому же это позволяло ему распоряжаться своим временем для своей личной работы. Таким образом я стал постоянным певчим-чтецом. Для меня же было тяжело исполнять эти обязанности, в особенности в зимнее время. На сорокоустной обедне* бывает всегда очень мало прихожан : пять-шесть человек, самое большее – десять. Церковь в нашем селе не отапливалась даже зимой, и молящиеся не могли ее нагреть. Стужа была лютая. Одежда же моя и обувь плохо защищали меня от холода. Бывало, читаешь, поешь, а сам дрожишь, как собаченка бесприютная. Еще хуже было, когда приходилось хоронить в сильный мороз какого-нибудь богатого мужика или его жену. Идешь впереди гроба с непокрытой головой больше двух верст от дома покойника до церкви и такое же, примерно, расстояние от церкви до кладбища. Мороз лицо огнем жжет, иглами щеки колет, волосы покрываются инеем, все тело холодом пронизывает, руки цепенеют. Язык еле выговаривает слова ; « Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас. » Кажется, что голос на лету мерзнет.

Мое участие в церковных службах и требах* на дому у прихожан сделало меня сельской знаменитостью. Не было в селе такого человека, который не знал бы Ваньку Самойлихи. Но мне моя « известность » не льстила, а скорее тяготила. С возрастом же она все больше и больше

становилась для меня тяжкой. Родственники умерших все чаще и чаще обращались с просьбой читать псалтирь над покойником или покойницей. И мать моя не только охотно отпускала меня, но и настаивала, когда у меня не было охоты идти. Я не могу сказать, чтобы я очень боялся покойников, но все-таки я был не очень-то спокоен, в особенности, ночью. Случалось, что старушки, приходившие посидеть ночь около покойника, засыпали. Только стол отделял меня от покойника. Не всегда вид покойника был приятен, а вид некоторых из них был даже страшен. Кроме того, вся обстановка избы была тяжелой, нередко – трагичной. Поэтому я часто отказывался от этой неприятной обязанности. Мать же настаивала. Возникали ссоры с матерью, что мне было чрезвычайно неприятно : я очень любил мать и всегда старался не огорчать ее. Но в таких случаях мое отвращение пересиливало любовь к ней, она же не понимала причин моего отказа. Мой протест возникал все чаще и чаще.

Умирала Устиниха Борисова, наша соседка. Последние часы ее жизни были трудные, а для окружающих – страшные. Дьячка, как это часто случалось, не оказалось дома, и я заменял его во время печального последнего таинства соборования*. Устиниха лежала на лавке в переднем углу под образами. Она была уже без памяти и не сознавала, что происходит вокруг нее. Одна из старушек держала ее безжизненную руку, в которую она вложила между пальцами свечу. Во время соборования в груди Устинихи что-то клокотало, изо рта сочилась какая-то розовая пенистая жидкость, и лицо ее перекашивалось судорогами. Вид Устинихи наводил страх на окружающих : по поверью простых людей такую страшную смерть Бог посылает только большим грешникам. Поэтому чувство страха охватывало близких за душу Устинихи и овладевало также и теми, кто должен пробыть около нее до самой ее кончины. Эта боязнь вызывалась тем, что умирающая, по их понятиям, обладая бесовской силой, может встать и, если не сделает зла присутствующим, то может все же напугать их.

На другой день, ранним утром Устиниха скончалась, и один из ее сыновей пришел к моей матери с просьбой, чтобы я читал псалтирь по усопшей. Мать, считая это дело богоугодным, не отказала ему. В таких случаях я не мог перечить ей. Родные покойницы хотели, чтобы чтение псалтири продолжалось без перерыва день и ночь, все три дня до похорон. Одному было невозможно это выдержать, поэтому взяли еще одного, моего товарища.

Часов у крестьян нашей деревни не существовало. Стенные часы были только у священника, у дьячка, у лавочника и в караулке сторожей при церкви. Наше чередование с товарищем при чтении псалтири устанавливалось по сгоранию двухкопеечной восковой свечки. Она же и служила нам освещением. Другая свеча мерцала перед иконами в головах покойницы. Руки ее были сложены на груди, и вся она была покрыта до подбородка тонким, дешевым, белым, миткалевым* полотном. Под подбородок подкладывали комочек из той же материи,

чтобы помешать нижней челюсти опуститься. Без этой предосторожности рот мог открыться и так окостенеть.

В деревне не имелось готовых гробов. Обращались в таких случаях к одному из старичков, умевших владеть топором, пилой и стругом*. Он и делал из каких-нибудь старых досок « домовину » (так крестьяне называли гроб). Хотя и делалась она из плохонького материала, но с любовью и молитвой. Дно гроба устилалось свежим, душистым, мягким сеном. Под голову подкладывалась подушечка, тоже набитая сеном. На покойника надевали чистое белье, а на ноги надевали туфли, сшитые из какой-нибудь мягкой материи. Под голову клалась какая-нибудь душистая трава, если она находилась под руками. До похорон стол придвигали вплотную к лавке, где лежала покойница. Стол и отделял ее от чтеца псалтири.

Днем приходили люди отдать последний долг покойнице, все время толпился народ, и я не чувствовал себя одиноким. Но с наступлением ночи, родные ее, умаявшись за последние дни, засыпали. И в избу, по установившемуся обычаю, приходили одна-две старушки-соседки послушать чтение псалтири, помолиться и провести с ней последнюю ночь. Их присутствие ободряло чтеца.

С вечера, когда мы с товарищем начали чтение, в груди покойницы клокотанье продолжалось, но не такое сильное, как во время соборования, а глухое и менее отрывистое. Для моего товарища эти звуки были мало заметны. Во мне же они вызывали неприятное ощущение, возникшее еще во время соборования. Хорошо, что в это время я еще не знал рассказа Гоголя *Вий*.

Одна старушка пришла на ночь, но через несколько часов начала похрапывать, потом, сказав, что устала, прилегла на лавку и заснула. Я остался один с покойницей (товарищ спал на полатях). Тревожное чувство овладело мною. По окончании одной из глав псалтири я сделал земной поклон* и бросил взгляд под стол. В этот миг мне показалось, что одна рука покойницы протянулась с открытой ладонью ко мне. Я вскочил как ошпаренный, мурашки забегали по всему моему телу, но я не вскрикнул. Я набрался храбрости и даже посмотрел на покойницу. Она попрежнему лежала неподвижно. Я стал успокаивать себя мыслью, что это мне показалось, поэтому я не разбудил ни товарица, ни старушки.

С большим напряжением дочитал я свое положенное время, но земных поклонов не решился больше делать. Не сказал я об этом ничего и моему товарищу, разбудив его для смены меня. Не хотел только оставить его одного и разбудил также спящую старушку. Она, проснувшись и взглянув на меня, забеспокоилась и спросила, почему я такой бледный ? Я ответил, что устал, хочу спать и поскорее взобрался на полати, чтобы избежать дальнейших расспросов и постараться заснуть.

Утром, оправляя покойницу, заметили, что ее правая рука с разжатой ладонью действительно опустилась и очутилась под столом. В это время старушка вспомнила про мою бледность и догадалась о ее причине. Но я промолчал, не подтвердил ее догадки, не желая прослыть трусом.

Это было мое последнее чтение псалтири по покойникам. Никакие просьбы и мольбы обращавшихся ко мне, ни даже просьбы и приказы матери не оказывали на меня своего действия, и всякий раз я самым решительным образом отказывался от такой обязанности.

Моя « знаменитость » таила в себе и другую опасность, которая чуть не погубила меня, но это требует подробных объяснений.

В школе у нас не было уроков пения. Мы, школьники, даже не знали, что существуют ноты и партитуры. Кроме того, в нашем селе не было ни одного музыкального инструмента, даже не было своего гармониста. Единственными музыкальными инструментами были жалейки, свирель и дудка*. Для детей покупали иногда на базарах глиняные свистульки. Несмотря на это, народ был очень музыкальный от природы и любил пение. Редко, кто не умел петь. Хоровое пение в особенности было развито среди молодых девушек и девочек-подростков. У некоторых из них голоса были редкостной кристальной чистоты, звучные и грудные. Многие обладали удивительной музыкальностью ; пелись старинные, проникнутые грустью, песни. Затянут, бывало, « Лучинушку » хором, – забудешь все на свете, заслушаешься их. Пелись и другие песни, приноравленные к разным событиям крестьянской жизни : подблюдные (при гадании) на Святках, величальные (на свадьбах), венчальные, когда готовили невесту везти к венцу и т.д.

Для пения в церковном хоре музыкальности, конечно, было недостаточно : необходимо было знать и ноты. Дьячок научил нас петь по нотам, объясняя ритм, такты, значение нот в тактах, их начертание, ключ, регистр и т.д. (камертон был единственным подсобным инструментом). Объяснив гамму, он приступил сейчас же к разучиванию церковных песнопений. Сначала он пел сам каждую партию по нотам, а потом с нами, и на этот раз мы должны были запоминать, как поется партия. Проработав таким образом каждую партию отдельно, он приступал к пению всех партий хора вместе.

Много труда приложил он в работе с нами. В конце концов добился желаемых результатов. В первое время мы, хотя и держали ноты в руках, но пели исключительно по памяти и по слуху. Случалось, что мы сбивались. Тогда дьячок присоединялся к сбившейся партии, и выправлял ее. Это дало нам повод говорить, что он может петь на все лады* и на все голоса. Через год такой работы, хор пел удовлетворительно не только песнопения простых напевов, но и таких очень известных композиторов, как Архангельский, Бортнянский* и другие ; это требовало многочисленных спевок.

Заметив, что я хорошо читаю по церковно-славянски, дьячок поручил мне читать во время заутрени Шестопсалмие*. Однажды за чтение меня похвалили даже семинаристы, родственники священника, жившие у него во время отпуска. Семинаристы пользовались большим авторитетом не только у нас, школьников, но и у самого дьячка. Вероятно, следствием этого было то, что дьячок поручил мне однажды читать Апостол*.

Шестопсалмие читается на клиросе, и молящиеся могут и не видеть чтеца, Апостол же читается за обедней, посредине церкви, и чтеца видят все. Апостол читает, обычно, дьякон*, но в нашем селе дьякона не было, и Апостол читал всегда дьячок. Голос у него был небольшой, невыразительный и надтреснутый. Читал он невнятно и негромко, « бурчал себе под нос », как говорили про него.

И вот роль чтеца Апостола была поручена маленькому мальчику, местному « грамотею », что произвело большое впечатление на прихожан, присутствовавших в этот день в церкви. Мать же моя была, как говорится, « на седьмом небе ». Для нее дети, певчие церковного хора, представлялись ангелами, прислуживающими у престола Господня! Успех же ее собственного сына совсем вскружил ей голову. С этих пор меня начали приглашать читать Апостол во время венчаний, после чего и на свадебный пир.

В один из праздничных летних дней, за обедней, в нашей церкви появился красивый, изящный, молодой военный. По его одежде можно было принять его за офицера : брюки в обтяжку, форма, опоясанная белым поясом, хорошо сидела на его стройной фигуре. Он произвел громадное впечатление не только на баб и мужиков, но и на дьячка, на попадью и даже на самого священника. Во время службы все то и дело оборачивались на него, перешептывались между собой.

Оказалось, что этот военный был сын бедной вдовы нашего села. Он отбывал воинскую повинность в Петербурге в лейб-гвардии Семеновском полку*. Теперь он возвратился окончательно домой в чине младшего унтер-офицера. Он неплохо рассчитал, появившись в церкви в своем парадном одеянии : форма покорила всех и открыла ему все двери.

Несмотря на его бедность, самый богатый мужик выдал за него свою дочь, а местное начальство выхлопотало ему место целовальника* в кабаке села.

Не остался в долгу перед ним и дьячок : он пригласил гвардейца в церковный хор.

Таким образом, мы, хористы, и познакомились с ним. Кабак этот находился недалеко от школы, где происходили наши спевки, и мы, солисты, перел спевкой начали заходить к нему. Мы приходили в кабак всегда значительно раньше начала спевки : нас привлекали рассказы целовальника о его службе в Петербурге, о том, что он там видел и слышал. Но видел он мало, а слышал больше всего то, что говорилось в казарме. О городе он мог нам сообщить только, какие в нем большие дома, какие церкви и какая большая река Нева... « На другой стороне Невы-реки, – рассказывал он, построена крепость, которую ни один враг не может взять. В этой крепости – каменные мешки, где сидят люди, которые взбунтовались против царя. »*.

В полку его обучили, как и других его товарищей, грамоте. За пять лет своего пребывания в Петербурге, кроме своей казармы, он не знал ничего ни о городе, ни о его значении, ни о размерах своей родины. Ему не объяснили даже того, что такое « Отечество » и какие его обя-

занности перед ним. Его рассказы ограничивались описанием маневров, парадов его полка. С напряженным вниманием и почти с благоговением мы слушали его, когда он рассказывал о том, при каких обстоятельствах он видел самого Царя, его наружность, манеру держаться, и что сам он испытывал в эти минуты.

Однажды целовальник поднес каждому из нас по рюмочке водки. Потом, время от времени, нас стали угощать и некоторые посетители. Так, мало-по малу, мы « вошли во вкус », начали выпивать по рюмочке перед спевкой на свои деньги, а как достать деньги для этого ? Мы решили в первое же Рождество идти по дворам « славить Христа »*.

Нас было трое : два брата Хомка (= Фомка) и Алексашка Каушкины, первый и второй дисканты, солисты и я, солист-альт. Раньше по дворам ходили и славили Христа только священник и дьячок. Для них славление Христа на Рождество было одной из важных доходных статей их бюджета.

Мы решили ходить только по богатым дворам. Входя в избу, мы пели кондак* и ирмос* праздника Рождества Христова и поздравляли хозяев с праздником. В благодарность нам давали две, три, пять копеек, а иногда и десять.

Бедные дворы нами были исключены из-за боязни, что они не смогут нас отблагодарить. Но мы ошиблись. Бедные обиделись, и мы убедились, что бедные часто были более щедрые, чем богатые, когда мы стали заходить по очереди во все дворы. Успех был для нас неожиданный. Сначала священник и дьячок заволновались, видя в нас конкурентов. Потом они успокоились и на Пасху они сами предложили нам ходить вместе с ними служить по дворам молебны.

На Пасху священник и дьячок ходили по прихожанам с иконами. Сейчас же после обедни добровольцы « богоносцы »* выносили иконы из церкви и несли их в первую же избу, стоявшую на дороге. Так начинался обход. После молебна священник, дьячок и мы, хористы, христосовались* с хозяевами, говоря : « Христос воскресе ! » Все члены семьи давали священнику и дьячку по красному яичку, кроме того — некоторое количество зерна или муки, целый хлеб и несколько свежих сырых яиц. В некоторых дворах давали еще и кур. Нам, певчим, « плата » была необязательна, но редко мы уходили из избы, не получив ничего. Обычно нам давали яйца и несколько копеек.

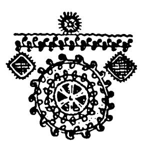
В первый день Пасхи ходили, обычно, по самым богатым дворам. Со второго дня Пасхи ходили по всем дворам подряд. В богатых домах нас к тому же и угощали, угощение сопровождалось водкой. Священник нашего села не пил, дьячок же и мы, певчие, не отказывались. Угощали нас во многих избах, и к концу дня мы порядком пьянели.

Эти частые выпивки приучили мой организм к спиртному. На одной из свадебных пирушек меня напоили до такой степени, что я вернулся домой совсем пьяный, и моя мать нашла меня на полу в беспамятстве. Мой отец прибежал на ее крики. При виде моих посиневших губ, бледного как полотно лица и безжизненных рук, мои родители решили, что я умер. Мать стала голосить*. Прибежали соседи и, приблизившись

ко мне, почувствовали запах спиртного. Тут-то и догадались послушать сердце, которое слабо билось. Дыхания же почти совсем не было заметно. Вспомнили тогда, что пьяных отпаивают парным молоком. Мать моя побежала к соседке, упрашивая ее подоить сейчас же свою корову (у нас уже не было больше коровы). С большим трудом старались влить молоко мне в рот, но зубы были так сильно стиснуты, что разжать их не удавалось. К тому же я был без сознания и ничего не мог проглотить. Наконец, разжали зубы и влили немного молока. Молоко вызвало рвоту. Я очнулся, открыл глаза и заплакал. Всю ночь родители мои отпаивали меня парным молоком.

Смертельная опасность, грозившая мне в эту ночь, не произвела на меня сильного впечатления. Страх и тревога улеглись. Когда мои родители рассказывали мне о случившемся, мать обвиняла особенно « тех дураков », которые напоили меня « чересчур » водкой. Я искренне поверил, что взрослые люди были более виноваты, чем водка.

Не знаю, чем бы кончилось это мое раннее пристрастие к водке, если бы не произошло еще одно событие, излечившее меня от него навсегда.

Это случилось в августе на наш престольный праздник. Мне только что исполнилось 14 лет. По случаю праздника за обедом у нас были гости ; как полагается в таких случаях подносили и водку. Отец и мне предложил « выпить », но я отказался. После обеда отец и мать ушли на базар торговать булками и кренделями, чтобы заменить моего старшего брата. Гости тоже ушли. Я остался дома один, ожидая прихода брата с базара. В ожидании его я стал убирать со стола. В этот момент я не удержался от соблазна и « потянул » несколько глотков прямо из горлышка четвертной* бутылки. Вероятно я перехватил, но действие алкоголя не проявилось сразу, и мой брат, вернувшись домой, не заметил ничего ненормального в моем поведении. Я вышел из дому с жестяной дудочкой (недавний подарок), что-то вроде примитивного музыкального инструмента. Она производила только одну ноту, но для крестьянского мальчика и такая дудочка казалась хорошим музыкальным инструментом. С ней я и направился на базар. По дороге я остановился около хоровода молодых девушек, плясавших под звуки настоящего дудочника. Обычно застенчивый, я вдруг расхрабрился и присоединился к дудочнику с моей несчастной дудочкой. Это понравилось всем. Но скоро занятие это мне надоело, и я ушел из хоровода. Помню смутно, что после этого я поссорился со своими товарищами и оставил их тоже. С этого момента все спуталось в памяти моей. Куда я направился ? По какой дороге пошел ? Не помню ничего. На один миг я пришел в сознание около недостроенной кирпичной избы в саду. Мимо нее мы, школьники, проходили всегда осенью и ранней весной, так как

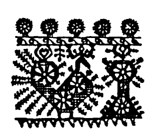
улица в это время года превращалась в лужу липкой грязи и такой глубокой, что ноги наши увязали, и мы рисковали потерять сапоги или прийти в школу в совершенно мокрых облипших лаптях. Поэтому нам, школьникам, позволялось проходить по чужим садам, где земля была тверже, грязи меньше, благодаря траве. Проходя всегда мимо этой недостроенной избы, мы были убеждены, что в ней жил « домовой ». Поэтому ночью мы старались избегать ее и не входить в нее. Очевидно, после ссоры со своими товарищами, я и пошел по этому пути и заснул около этой избы. Проснулся я перед вечером и в полу-сознательном состоянии вошел внутрь избы и снова заснул. Во второй раз я проснулся, когда уже наступила ночь, вероятно, перед самой грозой, разразившейся этой ночью. Мое внимание привлек огонек, видневшийся вдали, я и пошел, выйдя из избы, на него. Огонек привел меня к жилой избе, которую я был неспособен узнать. Дверь в сени не была заперта на задвижку, и ощупью, в темноте я начал искать дверь в избу и не находил ее. « Кто там ? » закричал кто-то. Я не отвечал и продолжал шуршать, царапаться о стены. Я не говорил ни слова, несмотря на повторные вопросы. Я чувствовал, что мое молчание и шум, производимый мной, пугали людей, но я был не в состоянии отвечать. Я слышал голоса, которые предлагали отворить дверь, другие – не соглашались. Наконец, первые взяли верх : дверь отворилась, и я вошел в избу. Не говоря ни слова, я подошел к лавке, повалился на нее и сейчас же заснул. В избе меня узнали, поняли, что со мной : « Пусть проспится ! » К сожалению, они не догадались пойти сообщить моим родителям, что я у них. На утро я проснулся поздно, выслушал от приютивших меня невольно хозяев рассказ о том, как сначала они приняли меня за привидение. Дома я застал в избе одну мать. Увидя меня, она вскрикнула и долго не могла прийти в себя, потом заплакала. Я почувствовал, что в доме случилось какое-то большое несчастье : так изменилась мать в лице. В чертах ее отражалось глубокое страдание, а глаза выражали скорбь. Но я еще не догадывался, что причиной этой перемены был я. Немного успокоившись, мать спросила меня : « Где же ты, Ванюша, был ? Где ты провел ночь ? » От испуга, овладевшего мною при виде матери в таком состоянии, у меня не нашлось храбрости сказать всю правду, и я ответил, что ночевал у Алексашки, одного из трех солистов хора, что и случалось иногда. Я подумал, что мать недовольна, что я не ночевал дома или провел ночь среди людей, общество которых она не одобряла. Дружбу же с Алексашкой, наоборот, она поощряла. На мой неправдивый ответ мать тихим голосом сказала : « Нет, Ваня, это – неправда ! Твой брат ходил к ним ночью за тобой, но тебя там не было, ты мне, Ваня, солгал ! » При ее словах меня бросало то в жар, то в дрожь, и слезы невольно от волнения потекли по моим щекам. Я был потрясен не тем, что я уличен во лжи, а от мысли, что я солгал и кому ? Матери ! Со слезами я рассказал ей всю правду и просил прощения за причиненные ей и всей семье страдания.

Это чувство и сознание виновности было так остро и глубоко, что осталось во мне на всю жизнь.

Я его переживал потом всякий раз, когда мать при случае напоминала мне об этой злосчастной ночи.

Успокоившись окончательно, мать рассказала о том, что произошло после моего исчезновения. Брат мой, Илюшка, проходя мимо хоровода, видел меня и догадался, что я пьян, и сказал матери об этом. Она же не приняла этого всерьез и, считая, что семья наша была скорее застенчивая, сказала : « Пусть парнишка позабавится разок ! » В это время черные густые тучи покрыли все небо, грянул гром, и начался сильный ливень. Тут и спохватились, что меня давно нет, стали беспокоиться. Ливни в нашей местности бывают необычайные : в несколько минут вода покрывает все, заполняет все овраги. Вода превращается в бурные потоки, текущие с большой быстротой в реку. Люди видели, что я спускался в овраг, там, возможно, заснул : вода меня захватила, я утонул, а поток унес в реку. После дождя люди с фонарями обшарили все склоны оврагов. Хотели просить бить в набат, чтобы собрать больше народу, но люди убедили моих родителей отложить поиски до восхода солнца. Когда я вернулся жив и невредим, меня не наказали, и я даже не получил никакого упрека. Но все это произвело на меня сильное впечатление. Я почувствовал всем своим существом, куда может привести « веселие пити »*, какой опасности я подвергался и какие страдания причинила бы моя гибель. И из-за чего ? Из-за этого чертовского зелья !*... В один миг я осознал серьезность происшедшего и решил про себя никогда больше не пить. Я не давал моей матери зарока не пить и никому не сообщил о моем намерении. В глубине же своей души я дал себе торжественное обещание. Я просто сказал сам себе : « не надо больше пить », и сдержал свое слово.

В течение более двадцати лет я не выпил ни капли водки. Это было трудно, так как мои товарищи смеялись надо мной за мой отказ присоединиться к ним, когда представлялся случай. Женщины ехидно и иногда жестоко поднимали на смех мою трезвость, а мужчины называли « бабой ». Но ничто не могло поколебать моего решения. Я оставался неуязвимым и равнодушным к насмешкам и даже побоям.

Ноябрь для крестьян – самая скучная пора. Непрерывные дожди вперемежку со снегом, серое, хмурое небо, грязь непролазная, дороги непроезжие – все это привязывало нас ко двору. Скот давно уже толчется все время на месте, ходит хмурый, тоскуя по вольному воздуху, по зеленым выгонам, по свежей траве, которую он мог щипать на свободе. Куры прячутся в теплые, сухие уголки. Даже воробьи и те забираются в кучи дров, хвороста, устраиваются под крыши или между ветвями, откуда посылают свое печальное чириканье. Они уже давно потеряли свой задор, позабыли свою драчливость.

Дети безвыходно сидят в избе, располагаясь, кто на печке, кто на полатях, кто на примосте*, в уголке. Взрослые также все скучились в избе, не имея возможности работать снаружи. Только крестьяне, у которых есть рига, во время дождя могут молотить хлеб. В избе же можно плести лапти, корзины для своего потребления, чинить сбрую. Женщины садятся за прялки, готовят пряжу, из которой будут ткать весной холсты*. Дети мешают работе взрослых. Если кто-нибудь из них выйдет из своего угла, получает сейчас же окрик или шлепок. Детвора в такие дни сидит в своем углу, без воздуха, без света, без книжки, будут они, как и их родители, неграмотные. И никаких развлечений у них нет. Дети даже для своих естественных нужд выходят на несколько минут во двор, надевая лапти или сапоги, накидывая одежду взрослых или старших братьев и сестер, так как в этом возрасте у них нет теплой одежды по их размеру.

Многие дети были обречены так проводить время, дышать смрадным воздухом не только в период осенних дождей, но и в течение всей зимы до начала весны, когда от солнца растает снег и земля подсохнет и потеплеет.

Развлечением осенью были только свадьбы. Настоящее веселье бывало только у богатых, для кого свадебные расходы не падали бременем на бюджет. Но у тех, у кого подати были еще не уплачены, осень была еще печальнее. Недоимки обычно платили в ноябре.

Для этого в село приезжал становой пристав в сопровождении волостного начальства. По волости объявлялось, что в таком-то селе, в такой-то день состоятся торги имущества и скота хозяев дворов, не уплативших податных сборов. Воспрещалось продавать только лошадь, если она была одна в хозяйстве.

О дне торгов в селе знали уже накануне. С этого момента неплательщиков охватывало волнение. Они начинали метаться повсюду, где бы можно было перехватить взаймы денег для уплаты хотя бы части недоимки, надеясь этим тронуть сердце начальства, чтобы оно отложило продажу остального. Другие же, не надеясь найти заем, угоняли скот в соседнее село, чтобы спасти его. Третьи прибегали к обоим этим способам.

У нас для продажи с торгов за недоимки могли взять свинью и самовар ; о существовании свиньи и самовара начальство знало. Родители мои считали позором для себя лишиться их и принимали всегда меры к их спасению. В первую очередь прятался самовар. В то же время отец ехал накануне торгов к дьякону одного из соседних сел, чтобы достать денег взаймы. В заклад он брал с собой новый полушубок матери. На самом деле полушубок был не новый, но мать надевала его редко, он был неизношенный и мог сойти за новый. Дьякон не отказывал отцу дать деньги взаймы и брал за это проценты : по 10 копеек с рубля в месяц, т.е. из расчета 120 процентов годовых. Денег, полученных за заклад полушубка не хватало для уплаты всей недоимки. Опасность продажи нашего имущества с торгов оставалась. Поэтому мои родители, вернувшись от дьякона, приняли другое реше-

ние. На следующий день, рано утром, отец разбудил моего старшего брата. Они тихонько оделись и молча вышли из избы, стараясь не разбудить меня и скрыть тайну. Но я уже проснулся от шороха и внимательно наблюдаю за их движениями. По придушенному визгу свиньи я догадываюсь, что лошадь уже запряжена, свинья положена на телегу или в сани, смотря по состоянию дороги. Мой отец повезет свинью в соседнее село к знакомому крестьянину в трех верстах от нас. Оно было в другом уезде и даже в другой губернии. Поездка отца в это село не представляла никакой опасности. Отец успевал до рассвета отвезти свинью и возвратиться домой. О том, что произошло ночью, в семье не говорилось. Отец, мать и брат думали, что я ничего не знаю, а я своим видом не показывал, что знаю все.

Когда сельские понятые приходили к нам за свиньей, они ее не находили. На их вопрос : где она ? отвечали, что она давно продана.

Отец шел туда, где происходила продажа с торгов, и вносил деньги, взятые взаймы у дьякона. Дело было улажено, но успокоение наступало только тогда, когда торги кончались, начальство уезжало, свинья возвращалась домой, а самовар вынимался из потайного места.

Эти дни торгов были днями печали и слез. Понятые ходили по дворам неплательщиков, уводили лошадей, последнюю корову, кормилицу детей, овец и свиней, если такие водились. Женщины со слезами провожали свою скотину и плакали, как по покойнику. Они оставались на сборном дворе до тех пор, пока не продалась их скотина, не теряя надежды, что, авось, не найдется на нее покупатель. Но надежда их была тщетна : покупатели всегда находились, и их Буренушки, Чернявки, Рыжухи, Пеструшки уходили от них на убой или кормить молоком чужих детей. Скот продавался по очень низким ценам, так как профессиональные скупщики, « кулаки », знали отлично, что становой непременно продаст скот, и пользовались этим. Хорошая молочная корова оценивалась как мясная и продавалась даже ниже стоимости мяса.

Некоторым хозяевам проданного скота удавалось, иногда, перекупить свою корову у « сердобольного » скупщика, который, конечно, продавал ее с большой надбавкой. Но такие случаи были редки. Хороших коров, купившие, обычно, не перепродавали.

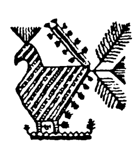
В некоторые годы торги повторялись перед самым Рождеством. В таких случаях переживать драму приходилось два раза в год.

В ту пору, к которой относятся эти воспоминания, неплательщиков недоимок разрешалось наказывать розгами. Достаточно было простого решения волостного начальства. « Виновного » вызывали в волость и там секли. Так был наказан один из моих дядей, старший брат моего отца. Он был выделен из семьи уже давно, еще до пожара, жил отдельно, имел много детей, из них только одного мальчика. Хозяйство у него шло плохо и в конце концов он разорился. Он даже не пользовался землей, когда его решили высечь : она была сдана в аренду другому мужику. Недоимки накопились за старые годы. Дядя изредка выпивал, и к этому придрались, решив покарать его. Началь-

ство рассуждало так : « На выпивку деньги есть, а для уплаты недоимки нет. Значит, что он злостный неплательщик. »

Я видел его на другой день после наказания. Он пришел к нам и остановился на пороге, не желая сделать ни одного шага вперед. Вид у него был растерянный. Скорбная улыбка бродила на его губах. С ним не говорили о случившемся, чтобы не причинить ему боль. Только мать задала ему вопрос : « Больно было, Левон Иванович ? » В ответ он как-то еще больше съежился, растерялся и ничего не сказал.

Видно было, что наказание подействовало на него удручающе. Он страдал не столько от физической боли, сколько от моральной, от сознания, что попрано его человеческое достоинство. После этой печальной истории он зачах и вскоре умер.

С раннего детства мы подвергались многочисленным унижениям со стороны высших сословий. Начальство (господа, богатые купцы, чиновники) имело полную власть над крестьянином и могло даже прибегать к избиениям. Часто на крестьянина сыпались непредвиденные ругательства, и он не мог защищать своих прав. Местные власти пользовались всяким случаем, чтобы обидеть его или ударить. Урядник, становой пристав, барин, ехавшие на тройке, или арендатор в тарантасе могли заставить крестьянина свернуть с дороги. Они считали своим долгом обругать мужика, который недостаточно быстро уступал дорогу, чтобы они могли проехать, даже если это было на земле, принадлежавшей крестьянам, или на проселочной* дороге, пролегавшей через их же поля. Зимой и летом барский кучер останавливал свою тройку и бил кнутом мужика, замешкавшегося на дороге. Мужик знал, что он всегда будет виноват перед барином. Он должен все переносить.

Едет, бывало, обоз с поклажей в 10-15 подвод, когда весной дороги превращались в трясину или же зимой, когда с обеих сторон дороги скопились снежные сугробы. Крестьянские лошаденки – малосильны и еле-еле тянут воз по дороге. Вдруг навстречу обозу тройка барская мчится. Кучер кричит : « Сворачивай ! » Но мужики еще до грубого окрика заметили не-крестьянскую повозку и начинают сворачивать с дороги, тащить своих бедных животных в грязь или в снег. После проезда важного лица у лошадей нет сил выбраться на дорогу. Крестьяне гурьбой стараются выправить повозку, помочь лошадям выйти на торную дорогу, проклиная того, кто причинил им беду. Они подбодряют несчастных лошадей, толкая повозку сзади, и тащат самих лошадей спереди, поощряя их криками. Если случайно проезжал верхом на лошади барский объездчик*, он стегал плетью мужика за то, что его лошадь, оставшись без присмотра, забежала на барское поле и съела несколько колосьев овса, ржи или пшеницы.

Наша общественная земля граничила с помещичьими полями на протяжении 17 верст. Вот почему многие мужики и парни испытывали на себе не раз « отеческое » внушение.

Служащие помещичьих имений считали своим долгом посмеяться над мужиком.

В 90-ых годах XIX-го века принцесса Ольденбургская обзавелась верблюдами для своей экономии. В нашем краю таких животных не видели никогда. Рабочие экономии ездили на этих животных за харчами для девушек-поденщиц, приходивших работать на свекло-сахарных полях за 30 и более верст от их дома. При виде верблюдов крестьянские лошади начинали косить глазами, храпеть и дрожать от страха. Тогда крестьяне соскакивали с телег, брали лошадей под уздцы, закрывали им глаза, повертывали задом к дороге, по которой верблюды должны были пройти. Но правящим верблюдами было недостаточно напугать лошадей и привести в беспокойство хозяина. Приблизившись к лошадям, они начинали раздражать верблюдов, чтобы они ревели. Русская лошадь, не привыкшая к реву верблюдов, не выносила его и бросалась как обезумевшая галопом. Таким образом, хозяин ее оказывался повисшим на поводьях, рискуя каждую минуту свалиться и упасть под копыта лошади или под колеса телеги. Если это случалось в поле и поблизости не было ни рва, ни оврага, то и лошадь и хозяин рисковали быть искалеченными. Так или иначе « шутка » кончалась всегда испугом и лошади и ее хозяина. Но бывали и случаи, когда лошадь калечилась и мужик был ранен.

Когда мужику приходилось ездить в город, всякий представитель власти, городовой* или околодочный* бил его за то, что он поехал по улице, по которой ему запрещалось ездить, или недостаточно быстро свернул в сторону для свободного проезда экипажа какого-нибудь начальника.

Надо быть мужиком, чтобы познать самые худшие притеснения. Вот почему мужик города не любил. Он боялся его и если ездил туда, то не ради удовольствия, а за тем, чтобы продать свой урожай или купить самое необходимое для домашних нужд, того, чего не было у сельского купца.

С враждебным отношением к мужику я очень рано столкнулся. Недалеко от нашего села жила помещица, которую звали « Сибиркой ». Была ли это ее настоящая фамилия или прозвище, данное еще крепостными кому-нибудь из ее родственников, — не знаю. Я никогда не видел самой барыни. Бывшие крепостные говаривали о ней, что она — барыня строгая, и этим ограничивались. Дух крепостничества, психология крестьян, вчерашних крепостных, еще не были изжиты окончательно. Этим быть может и объяснялась их сдержанность в отзывах о своей бывшей владелице.

Отец ездил иногда к « Сибирке » покупать старновку (снопы обмолотые слегка, в которых были еще колосья). Он брал меня с собой. Гумно у « Сибирки » было обнесено каменной стеной. Въедем мы, бывало, туда, и сейчас же чувство страха охватывает меня. Мне каза-

лось, что за ее каменными стенами с нами могут сделать все, что хотят, и чудилось, что в каждом закоулке нам грозит опасность. При въезде нас встречала целая свора злых собак, которых боялся даже мой отец. Я же сидел в телеге и дрожал, ожидая, что они вот-вот набросятся на меня и загрызут. Чувство страха исчезало только тогда, когда мы выезжали из ограды « Сибирки » и оказывались на почтительном расстоянии от враждебного места.

Но самое сильное впечатление произвел на меня следующий случай. У крестьян нашей местности огородов не было. Капусту, огурцы, арбузы для засола впрок на зиму они покупали у бахчевников*, занимавшихся этой культурой. Бахчевники, большей частью выходцы из мещан, снимали в аренду залежные участки земли или лесные пустоши. Они разделывали их и разводили на них огородные овощи и фрукты. Под осень они продавали их крестьянам окружающих сел. Капуста продавалась поштучно, огурцы – на меру, а арбузы – грядками. Крестьяне за арбузами приезжали с детьми, которым эта поездка доставляла большое удовольствие, и к тому же они помогали своим отцам срывать арбузы и катить их к телеге. Однажды на бахчу поехали : отец со мной, дядя со своим сынишкой и другие соседи со своими детьми.

Приехав на бахчу, мужики, обычно, сначала ходят по бахче, выбирают грядки, какие им больше нравятся и торгуются с бахчевником. В этот момент позволяется даже сорвать несколько арбузов наугад и попробовать, чтобы судить об их качестве и зрелости. Ребятишкам также не запрещается ходить с отцами вдоль грядок. Наконец, грядки выбраны, цены установлены и ребятишки набрасываются на купленные грядки, чтобы сорвать арбуз, какой им больше всего понравился. Таков был обычай.

Однажды один из мальчиков бросился сорвать понравившийся ему арбуз, будучи уверен, что находится на купленном отцом участке. Едва успел он сорвать арбуз, как бахчевник схватил его за руку, обвинил в краже и увел к своему куреню, где привязал к веревке рядом с собакой. Как ни плакал мальчик, как ни убеждал в своей невиновности, – ничто не помогло. В слезах провел он все время, пока все арбузы не были поделены и погружены на телеги. Никто, даже его отец не протестовал против такого глумления над мальчиком. Никто не пожалел, никто не утешил его. Он испил чашу страдания до дна. Его отец униженно просил бахчевника отпустить сына, когда все были готовы к отъезду. Когда мы вернулись домой, я рассказал матери о случившемся. Она разгневалась и жестоко порицала моего отца и всех, кто присутствовал при этом и не вмешался. Я находил упреки матери справедливыми и был уверен, что мать не допустила бы мучений мальчика. Мое доверие к ней возросло еще больше в другой раз при аналогичном случае.

В церковно-приходской школе нас не учили естествознанию. О произрастании мы знали только, что семена, брошенные в землю, дают ростки, которые развиваются и вновь дают семена и что семена, посеянные в лучшую землю приносят больше семян и дают лучший урожай. Но какая

точно существует связь между зерном и землей ? Зерно и растение – живые существа или нет ? Мы этого не знали. Отец любил прививать деревья и часто удачно. Но он, как и все другие мужики, не знал, какая существует связь между дичком и черенком. Он прививал наугад, его техника определялась практикой. Поэтому прививка иногда удавалась, но чаще всего она была неудачной. В случае удачной прививки в этом месте образуется всегда небольшое утолщение, которое нас, мальчуганов, всегда очень интересовало. По пути в школу мы шли по тропинкам фруктовых садов и проходили всегда мимо привитого года два-три тому назад деревца и рассматривали его. Однажды мы задержались около него дольше обычного, рассуждая все о том, что происходит в месте прививки. Мое любопытство на этот раз настолько было велико, что я, не долго думая, схватил деревцо и отломил его от дичка. Мой варварский жест, естественно, не разрешил загадки, а хозяина сада я лишил молодого деревца, которое должно было скоро приносить плоды. Потерпевший хозяин, конечно, скоро узнал, кто сломал деревцо. На другой день пришел он к нам с жалобой на меня. Дома у нас он застал мать. Он пригрозил поймать меня и отодрать меня за уши за мой преступный поступок. Нужно было видеть в этот момент лицо моей матери : оно горело от возмущения и гнева, но сохраняло спокойствие. Потом, тоном тоже спокойным, но глубоко убежденным мать сказала потерпевшему : « Ты не посмеешь тронуть моего сына. Я сама его накажу, если он этого заслуживает. Скажи, сколько стоит твой прививок, и я за него заплачу. Сына же бить я тебе никогда не позволю. » И потерпевший не осмелился меня тронуть.

В городе крестьянин чувствовал себя всегда окруженным обидчиками. Приходилось сейчас же садиться на телегу, как только въезжали в город, так как не имели права идти пешком по мостовой около телеги. Городские мальчишки встречали нас в таких случаях обидными словами и даже бросали в нас камнями. Не давали нам покою также и мелкие воришки, которые всегда шныряли вокруг крестьянских подвод, выжидая удобного случая, чтобы стащить что-нибудь с воза : полушубок или поддевку*, сброшенную с плеч в жаркий день, или веретье, грубую полость, служившую для покрытия воза.

Случилось, отец отлучился на минутку, зашел в лавочку, около которой мы остановились, а я сижу на телеге, полушубок отца около меня. Вдруг подбегает воришка, схватывает полушубок. Я кричу, зову отца, тащу полушубок к себе, а вор – к себе. Отец выбегает из лавочки ко мне на помощь. Воришка при приближении отца, выпускает из рук добычу и удаляется спокойным шагом. Он знает, что отец не погонится за ним, боясь как бы другой воришка, сообщник первого, не воспользовался этим, чтобы вырвать из моих рук полушубок. Но если даже он и поймает вора, с ним нужно идти к начальству, к городовому. К тому же он не уверен, что городовой поддержит его. Напротив, дело повернется против него же. Вот почему он рад и тому, что полушубок удалось отбить у вора.

В Воронеже гончарам, на некоторых рынках, не позволяли продавать горшки. Бывало, только что мы расположимся с отцом или братом для продажи, развяжем воз и выставим несколько горшков для показа, как вдруг приходит городовой и прогоняет нас с нашего места. Приходится укладывать горшки обратно, завязывать воз, искать другое место, на другом рынке. Поэтому-то, по крайней мере у наших односельчан, создавалось впечатление, что город враждебен к ним, и отсюда боязнь и неприязнь крестьян. Боязнь была не без оснований. От городской администрации исходили одни только неприятности для крестьянства. Мужик от города ничего не получал, чтобы радовало его, скрашивало его тяжелую жизнь. Даже приезд архиерея, духовного отца и наставника паствы* наводил на нас страх. Он редко объезжал свою епархию.

Я был уже школьником и певчим хора, когда он приезжал в наше село, и потому принимал участие, когда его встречали. В день его приезда весь причт*, хор и прихожане, желавшие видеть архиерея, получить архиерейское благословение, пришли в церковь с утра, так как мы не знали, в какой точно час он приедет. Поэтому с утра специальные верховые посылались на границу наших земель с землями соседнего села. На них возлагалась обязанность следить, когда покажется на дороге архиерейская коляска. В этот момент они должны были скакать по кратчайшей окольной дороге, чтобы предупредить нашего батюшку об этом. Одного дозорного поставили на колокольне, и оттуда он наблюдал за дорогой, ожидая появления архиерейской коляски. Дорога проходила по нашим полям параллельно селу, что представляло около двух верст до проселочной да еще две версты, чтобы доехать до церкви. Путь этот хорошо был виден с колокольни. Дозорный, завидя архиерейскую коляску, должен был сейчас же сообщить об этом батюшке и звонарю, выбранному из самых лучших. Немедленно поднимался он на колокольню звонить во все колокола, делая искусные переборы и трели. В это время дозорный продолжал посылать с колокольни свои донесения : « Архиерей свернул с проселочной дороги... приближается к селу. » В этот момент архиерейская коляска была видна и для всех собравшихся встречать архиерея. Батюшка вышел с дарами* на паперть церкви. Дьячок же и хор стояли на клиросе в церкви. Батюшка дрожал как осиновый лист. Попадья потом рассказывала, что он чуть не выронил из рук чашу с дарами.

Но вот коляска приближается к ограде церкви, останавливается. Служка* архиерея соскакивает с козел и открывает дверцу коляски. Архиерей, в сопровождении своего келейника*, выходит из экипажа и направляется к церковной паперти, где происходит его встреча с батюшкой. Встречавшие его пасомые*, при выходе архиерея из коляски, становятся на колени. При вступлении его на паперть хор поет : « Исполаети деспота » (что по-гречески означает : « Многая лета, Владыко ! »). Архиерей со священником входят в алтарь через Царские Врата*, но перед этим архиерей оборачивается к молящимся и благословляет их.

О чем говорил архиерей со священником ? Какие он ему дал назидания ? Ничего неизвестно. После его отъезда прихожане узнали только, что священник и попадья остались довольны приездом архиерея. Священник всегда боялся выговоров.

Как изменились архиереи со времен, когда жили Митрофан Воронежский и Тихон Задонский*! Народ и духовенство тогда не боялись их и искренне их любили.

Крестьянство не спешило идти по стопам города. Оно продолжало питаться еще соками старины. Оно не изменило даже своего внешнего вида : оно строилось, одевалось, обувалось по-старинному. Лапти были главной национальной обувью ; полушубок, тулуп*, поддевка, халат* оставались национальной одеждой. Религия сохранила верования дохристианской веры. Деревня жила своей обособленной жизнью, а город не спешил приобщить ее к своей жизни. Оторвавшись же от деревни, городские жители поздно заметили и поняли, чем им грозит их оторванность от деревни. Поэтому-то очень поздно попытались они приблизиться к деревне, к их матери-кормилице.

Но трудно было резко изменить создавшееся положение. Оказалось, что разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковый.

Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык. Горожанин и крестьянин стали говорить на разных языках. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни до чего. Взаимоотношения их осложнялись еще тем, что горожане вместо того, чтобы объяснить, показать, в чем состоит преимущество новой городской жизни по сравнению с деревенской, стали навязывать сельским жителям насильно новый уклад жизни, не спрашивая их, и брать буквально под опеку крестьянство. Делалось это довольно неумело. Деревня насторожилась, стала пассивно сопротивляться, но иногда сопротивление было активное.

Так образовались две культуры : городская и крестьянская, два разных мира. Город был ближе к миру европейскому, деревня не отличалась от мира, каким он был при Петре Великом, до реформ.

Различие между двумя мирами появлялось даже в разделении года, в обычае отмечать происходящие события каждодневной жизни. Город при Петре Великом после реформ получил гражданский календарь, разделявший год на месяцы и числа. Крестьяне же исходили из церковных событий, церковных праздников. В повседневной жизни они считали по-своему : такое-то событие произошло на Покров (Пресвятой Богородицы), а не 1-го октября, на заговенье* осеннее (начало Рождественского поста), а не 15-го ноября, на Казанскую (иконы Божьей

Матери), а не 22 октября, на Введение (во храм Пресвятой Богородицы), а не 21-го ноября, на Николу вешнего (перенесение мощей святого Николая-Чудотворца) или на Николу Зимнего (свят. Николая-Чудотворца), а не 9-го мая и 6-го декабря.

Так же считали они семейные события : рождение, крещение, свадьбы, похороны, исчисления возраста членов семьи. Говорили, например, что такому-то исполнилось столько-то лет на Святого Илью Пророка (20 июля) ; такое-то событие произошло через неделю после Ивана Купала (24 июня) ; что это случилось за неделю до Петрова дня (св. Апост. Петра и Павла) ; свадьбу решили сыграть в мясоед* или на Красную горку*, в этот день дети катали пасхальные яйца по склону, выигрывал тот, чье яйцо тронуло яйцо другого игрока.

Крестьянин не понимал, если ему говорили, что такое-то событие случилось 24 июня (т.е. на Ивана Купалу*), или, что он должен сделать то-то к 29-ому июля (к Петрову дню), Рождественский пост крестьяне называли Филипповским, потому что он начинался в день Святого Апостола Филиппа.

После осеннего заговенья (15-го ноября по старому стилю, 28-го – по новому) появлялись в нашей местности все чаще и чаще первые заморозки, а дожди и мокрый снег шли все реже и реже. Воздух постепенно становился суше. На Введение бывали уже порядочные морозы, а на Николу зимнего (6-го декабря) река покрывалась тонким, чистым, прозрачным слоем льда, по которому детвора могла уже ходить, не удаляясь от берега. Взрослые, у которых зимой не было работы дома, покидали свои семьи. Одни уезжали заниматься извозным промыслом, другие – в лес валить деревья, третьи – занимались работами на открытом воздухе. Дети,которым надоело сидеть в избе, ждали с нетерпением, когда распогодится. И те, у которых была подходящая одежда и обувь, также вылезали из избы на свежий воздух. Этот момент был самый опасный, требовавший от взрослых постоянного наблюдения за ними, в особенности за самыми предприимчивыми, так как, едва речка покрывалась льдом, ребятишки стремились покататься по льду и ловить рыбу палками с толстым концом. Небольшие рыбешки плавали совсем близко под самым льдом. Так как лед был еще тонкий, то их можно было оглушить ударом палки. Рыба переставала двигаться, и в этот момент ее можно было легко взять рукой через отверстие, пробитое во льду. Дети не всегда отдавали себе отчет, в каком месте лед может не выдержать их веса и провалится под ними. К тому же, увлекшись катаньем по льду, поглощенные рыбной ловлей, они забывали совсем об опасности, грозившей им : они могли провалиться и утонуть подо льдом, что и могло случиться с нами. Нас собралось восемь товарищей в возрасте семи-восьми лет. Улучив ми-

нуту, когда взрослые за нами не следили, мы побежали на речку, только что замерзшую. Сначала мы катались около берега, потом решили перебраться на другой берег, чтобы ловить рыбу. У меня была железная палка с острым наконечником. Сделав пробу два раза моей палкой, мы решили, что лед выдержит вес восьми мальчишек. Река в этом месте была очень глубокая, но нас это не страшило, раз опыт с моей палкой был достаточно убедительным. Мы храбро отправились в путь. Но, дойдя до середины реки, мы заметили, что лед под нами гнется, но еще не ломается.

В этот момент взрослые увидели нас с берега. Они знали, какой опасности мы подвергаемся и начали кричать. Их крик перепугал нас. Не разобрав, что́ нам кричат, мы повернули назад, собравшись в кучку. Лед под нами затрещал. К счастью, в этот момент мы услышали грозный голос одного из товарищей : « Разойдитесь ! Лягте на живот и ползите гуськом вперед, старайтесь быть подальше друг от друга. » Лед под нами сильно прогибался, но не треснул. Спасением нашим были мы обязаны тому, что новый лед обладает большой эластичностью, он гнется, но не разбивается. Так ползком мы и добрались до противоположного берега. Мы получили приказ возвратиться обратно через мост. К этому времени на берегу собрались все наши родные, одни с веревками, другие с досками и следили с ужасным страхом за нашим переходом, готовые каждую минуту броситься к нам на помощь.

Наиболее любимым нашим зимним развлечением было катание на салазках*. О коньках мы имели представление, потому что их видели у сыновей священника. О существовании лыж мы совсем не знали. Катанью на салазках мы отдавали все свободное время. Склоны берега к речке у нашего села хотя и были не очень крутые, но длинные и извилистые с многими поворотами. Самый ближайший склон тянулся почти на полверсты. Бывало, раскатишься на более отвесной части его с такой быстротой, что дух захватывает, сердце замирает, а встречный воздух огнем жжет лицо и уши. Нам, малышам, все было нипочем, ничто не пугало : ни жгучий мороз, ни рытвины, ни опасность упасть в овраг, вдоль которого шел наш путь, или полететь кубарем вместе с салазками, пока не попадали в сугроб в глубине оврага. По очереди каждый из нас был то лошадью, то кучером, то седоком. Когда из лошади мы превращались в седока, мы садились на салазки и кричали : « Эй ! Берегись ! » И « тройка » на двух ногах мчалась галопом вдоль реки или оврага. Салазки были нашими санями, повозками и вагонами. Мы составляли обозы, поезда и прокатные сани, запряженные тремя-четырьмя лошадьми цугом. Роль лошадей и паровозов исполняли мы сами. Собак мы никогда не запрягали в сани. К тому же крестьянские собаки свободолюбивы и не подчинились бы нам, маленьким поработителям.

Нашей мечтой было иметь салазки такие, какие были у наших старших братьев : с железными полосами, прибитыми к полозьям, благодаря которым они не валились на бок, когда они скользили по обледенелому склону. Наши же часто свертывали с намеченного пути и

летели в овраг или в сугроб. О салазках, как у взрослых, мы мечтали еще и потому, что когда они мчались во весь дух, из-под них летели искры. И это редкостное явление казалось нам самым важным в нашем спорте !

Морозы крепчали. Солнце почти не показывалось. Начинались все чаще и чаще метели. Задолго до Рождества загоняли детвору в избу, в самые темные углы. Мы жили мечтой о наступлении Рождества. Рождество сулило обновки, например, новый полушубок кому-нибудь из членов семьи. Если были деньги, покупки приноравливались к празднику. Женщины шили новые рубашки для детей из фабричного материала, купленного в городе. Может быть новые шапки для тех, у кого старые износились совсем, или же шарфы. Портки шились всегда из своего домотканного материала, чаще всего из посконного холста. Эти полезные и необходимые вещи заменяли подарки, которые получали городские дети.

Рождество ждали с нетерпением еще и потому, что с наступлением этого праздника кончался сорокадневный филипповский пост, который нас сильно изнурял. Посты в деревне соблюдались очень строго : не ели ни мяса, ни яиц, не пили молока не только взрослые, но даже и дети. Только серьезно больным детям давали молоко (у кого оно было) и то только с разрешения священника. Питались во время поста только квасом, кислой капустой, постными щами, в которые уже на столе вливалось немного масла для заправки, картофелем и пшенной кашей, у кого эти продукты были. Только два раза во время 40-дневного поста разрешалось есть рыбу : на Введение во храм Пресвятой Богородицы и иногда на Николин день. Весь год мы ели только « чёрный » хлеб, т.е. из ржаной муки.

Потому ли, что желудок наш уставал от однообразной пищи или от недостаточности питания, к концу поста появлялось желание съесть что-нибудь « скоромненькое »*. Но вот, наконец, наступал рождественский сочельник*. Этот день, как и канун Нового года и « Свечки » (так называли у нас Крещенский сочельник), считался в нашей семье днями строгого поста, днями очистительными, днями подготовки к встрече больших праздников. С утра перед образами горела лампадка. Вся семья постилась : не ела « до звезды », т.е. до вечера, пока не появится на небе первая звезда. Печка в эти дни хотя и топилась с утра, но в ней ничего не варилось. Мне, бывало, очень трудно провести целый день без еды. Чуть не с полдня я начинал ходить за матерью по пятам и просить ее позволить мне съесть « хотя бы кусочек хлебца ». Я ей так надоедал, что ее материнское сердце, в конце концов, не выдерживало, смягчалось, и я добивался желаемого.

Под Рождество мать совсем не спала. С вечера затапливалась вновь печь и начиналось приготовление рождественского обеда : варилась баранина и свинина на медленном огне (« упариваться »), приготовлялась лапша и блинчики. Приготовление муки для блинчиков требо-

вало много времени и сил. Для этого пшено толклось в большой деревянной ступе, деревянным же пестом, и полученная мука просеивалась через сито. Для приготовления достаточного количества муки и выпечки блинчиков на всю семью затрачивалось много времени. Пшено толкли в два песта – моей матерью и сестрой. А у сестры была и другая спешная работа : дошивать брату или мне новую рубашку, которая должна обязательно быть готовой к уходу в церковь. В ожидании рубашки я нервничал. Я считал за большое несчастье пойти на Рождество в церковь в старой рубашке. И сестра напрягала все свои усилия, старалась во что бы то ни стало окончить рубашку вовремя.

На Рождество я просыпался очень рано и наблюдал, что делает мать, чем занята сестра. Каждая делает свое дело озабоченно, ходят тихо по избе и только изредка перекидываются почти шепотом несколькими словами. До рассвета еще далеко, но чувствуется, что скоро зазвонят на колокольне, призывая верующих в храм.

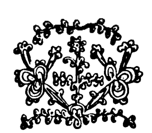
Часов не было ни у кого. Но время определялось довольно точно по чутью или по пенью петухов, ночью – по исчезновению звезд на небе, днем – по солнцу.

Рождественская служба была очень долгая. В нашем селе священник редко служил всенощную, поэтому вечерня и утреня (заменявшие всенощную)*, часы и обедня служились одно за другим. Вся служба часто кончалась еще до рассвета. Поэтому и начинали созывать в церковь молящихся так рано.

При приближении Рождества мы испытывали какое-то особое чувство, не такое, как на другие праздники. Вот еще несколько минут, и раздастся благовестный звон колокола. Время идет, и не знаешь, сколько ? минуты ? часы ? И вдруг слышишь раздается : бум ! Первый удар колокола как бы повисал некоторое время в воздухе. Потом, также неожиданно, раздавался второй удар, и опять казалось, что он застывал в морозном воздухе. Затем следовал третий, четвертый с промежутками все более и более короткими. А потом звоны следовали один за другим, равномерные, не частые, как бьют в набат, и не медленные, как при похоронах или в дни великого поста. Раздаются призывы колокола торжественные, они заполняют морозный воздух. Заслышав эти призывы, люди зашевелились, задвигались, улица начала оживать. Вот послышались шаги одинокого человека, идущего мимо нашей избы. Через некоторое время слышно, как скрипит снег под шагами прохожих, и я знаю, что это жители соседнего села. Они всегда приходили раньше других. Потом идут наши соседи с моими товарищами, которые стучат к нам в окно, спрашивают, готов ли я, чтобы идти вместе с ними. Я начинаю волноваться, торопить своих, чтобы скорее мне дали то одно, то другое, сержусь, если долго не нахожу чего-нибудь. Одному идти ночью боязно, и в то же время я боюсь опоздать к началу службы. Если не пойду вместе с товарищами, то пойду с братом, который всегда мешкается, выходит позже других. Но мать меня успокаивает, говорит, что он будет готов, и мы с ним вовремя придем в церковь. Наконец сборы кончены, и мы с братом выходим

из дома. На улице тихая-тихая, темная-претемная ночь, и мороз трескучий. Ни одного дуновения ветра, воздух точно кристальный. Одни лишь призывы колокола дрожат и охватывают бесконечное пространство. Звезды сверкают холодным светом. Снег хрустит под нашими ногами. В первый момент мы слышим только скрип снега и звуки колокола. В такой почти полной тишине мы пересекаем выгоны без всяких построек. Пред нами вырисовывается церковь. Она уже вся в огнях. До нее еще минут десять ходьбы, но ее очертания ясно выделяются в темноте. Вокруг церковной ограды появляются и исчезают темные массы, и начинаешь уже различать то отдельную фигуру, то группу людей. Это запоздавшие, как и мы с братом. Группа выделяется из темноты и попадает в круг света, идущего от церкви. Все спешат.

Мы с братом поднимаемся на паперть в тот момент, когда звон колокола прекращается, и начинается трезвон во все колокола. Мы входим в церковь. Она уже полна до отказа. Мы проталкиваемся поближе к алтарю. Не успев еще добраться до середины церкви, мы видим, как зажигается нитка, которая идет от свечей самого большого паникадила*. Огонек бежит по этой нитке, зажигает каждую свечку одну за другой или несколько сразу. В один миг все паникадило горит и освещает центральную часть храма. Все становится особенно ярко, и воцаряется торжественное настроение. Каждый переживает особое чувство. Все земное забывается : тяжелая, неприглядная жизнь, разные беды, все исчезает. Хор запевает : « Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение ». На душе действительно чувствуется благоволение.

Две недели, с 25-го декабря по 6-ое января, назывались Святочными Неделями или, просто, Святки. Одна неделя Святок кончила старый год, другая начинала новый. Несмотря на название, проводили их самым грешным образом. Молодежь собиралась в эти вечера у кого-нибудь из соседей и играла в карты. Мои родители не одобряли это и нас не пускали на такие вечеринки. Они старались проводить эти вечера подобающим образом : за чтением Евангелия. Читал Евангелие отец, когда был дома, и мы должны были слушать.

Празднование Нового года походило больше на языческий праздник, чем на христианский. Старались отгадать свою судьбу разными способами или шутками. Этим занимались не в Крещенский вечер, как в других местностях, а накануне Нового года. С наступлением сумерек дети и подростки пользовались этим обычаем, выходили с товарищами из дома, бегали гурьбой по селу, подглядывали в окна изб, чтобы узнать, что в них происходит, подслушивали разговоры или спрашивали у проходящих : « Как жениха (или невесту) зовут ? » Часто в ответ мы

называли такое невероятное и смешное имя, что они смеялись до слез. В то же время крестьяне верили в приметы, в особенности, когда они предвещали болезнь или смерть. Заслышав приближение детворы к окну, какой-нибудь шутник затягивал похоронное пение : « Вечная память », например, или « Святый Боже, святый Крепкий, святый Бессмертный », и мы, не подозревая, что поют не случайно, а нарочно для нас, отскакивали от окна, как ошпаренные кипятком, и убегали как можно дальше в страхе от мысли, что кому-то из нас грозит смерть в этом году.

За исключением подобных страшных моментов было много забавного и веселого в этот вечер. Набегаешься, бывало, придешь домой и ног под собой не чуешь. Возвратившись домой, я бросался сейчас же на теплую печку и быстро засыпал. В то же время я знал, что впереди предстоит самое интересное : к сестре придут подруги, и будут они гадать. Я начинал отчаянно бороться со сном, старался не проспать их гадание. Сон же оказывался сильнее меня, но я крепился, крепился и... все-таки засыпал. Но желание узнать во что бы то ни стало, что́ принесет девкам гадание поздней ночью, создает тревожный, чуткий сон, и потому всегда, бывало, я просыпался в желаемый момент. Сквозь сон вдруг чувствуешь, что в избе что-то происходит. Проснешься, откроешь глаза и смотришь. Подруги сестры все уже в сборе. Они о чем-то шепчутся и тихонько выходят из избы. Через некоторое время они возвращаются и впереди себя каждая из них вталкивает в избу овцу с какой-нибудь лентой, шарфом или кушаком на шее. По этим украшениям гадальщицы распознавали какую овцу они поймали в полной темноте в хлеву. По внешнему виду, по возрасту, по характеру пойманной овцы каждая судила о своем суженом. Определив все качества овцы, они уводили их обратно в хлев и возвращались со двора в избу с курами. Для кур – прорицательниц на полу рассыпали заранее зерна овса, ржи или проса порознь, не смешивая их. Ставили также на пол миску с водой и зеркало. Куры были разного оперенья : хохлушки*, пеструшки, рыжие, желтые принесены из курятника с мороза. Одни очень быстро осваивались в новой обстановке и в тепле, начинали выражать свое удовольствие звуками : коко-коко-коко, спешили клевать насыпанное зерно. Другие оставались некоторое время без движения, приходя в себя постепенно. Более смелые, наклевавшись досыта, пили воду, начинали без стеснения шарить по всем углам. Некоторые посматривали уже в зеркало. И опять по внешнему виду и по их поведению, девки старались определить характер своих будущих мужей. Я уже знал, кто из парней нравится больше каждой из них, кто за кого мечтает выйти замуж. И я стараюсь определить, есть ли сходство между пойманной курицей и желаемым парнем.

Самым интересным гаданием было гадание с колосьями. Для этого надо было пойти на гумно, которое стояло довольно далеко от нашей избы. Только самые храбрые девки решались пойти туда. Нужно было идти одной и можно было наткнуться на неприятную встречу, например, с домовым. Чтобы избежать этой встречи, девка должна была

идти на гумно задом и не оглядываться. Дойдя до гумна, девка должна повернуться к нему лицом и выдернуть зубами стебель колоса, повернуться и возвратиться обратно в избу без оглядки, неся выдернутый стебель в зубах. Только вернувшись в избу, она узнавала, что она принесла.

Стебли могли быть разные :

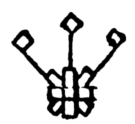
1) стебель совсем без колоса ;
2) стебель с колосом маленьким или большим ;
3) колос полный зерен или пустой ;
4) зерна тяжелые или щуплые.

По этому судили : выйдет ли девка замуж в этом году, женится ли ее муж первым браком или вторым, какой у него будет характер, выйдет ли она замуж за богатого или за бедного, будет ли брак удачным ?

Был еще один способ узнать свою судьбу. Девки плавили воск и бросали его в миску с водой. Получившиеся в воде восковые фигурки вызывали у них то смех, то растерянность. Но я не мог видеть, чему они смеялись и что их приводило в смятение. К тому же сон вновь одолевал меня, и я вновь засыпал, не дождавшись конца их попыток угадать будущее.

После веселых дней Святок жизнь казалась более серой. Снова появлялась на столе пища, как во время рождественского поста. В некоторые годы она была еще хуже. У многих картофель и пшено были на исходе, и их ели экономно. У некоторых все запасы были уже исчерпаны. Мясо подавалось редко на стол, да и то у крестьян, имеющих скот. Приближались дни квашеной капусты без приправы и пшенной каши.

Маленькая торговля моих родителей сошла на нет, но они продолжали продавать маленькие белые булочки. Мой отец раз в неделю ездил покупать их в Воронеж и перепродавал их на нашем базаре по средам и пятницам. А мой брат продолжал делать горшки. Глядя на его работу, сердце у меня сжималось от жалости к нему.

В конце января наступали туманы, которые покрывали все и не рассеивались даже днем. В иные дни они были настолько густы, что даже на близком расстоянии предметы становились невидимыми. Почти всегда так бывало перед великим постом, в « прощеный день »*. Мы, дети, почему-то были уверены, что именно в это время наступит конец света, « светопреставление », и страх охватывал нас. Мы были подавлены и с нетерпением ждали, когда рассеются туманы и снова покажется солнышко.

Дни перед « Масленицей » (у православных она продолжается неделю) были последними днями перед великим постом, когда позволя-

лось есть мясо. Обязательно подавали на стол жирный мясной суп с лапшой домашнего приготовления, на большую радость детей. Потом до Пасхи, т.е. семь недель запрещалось есть мясо. Уже на масляной неделе можно было есть только рыбу, яйца и молочные продукты. Масленица – подготовка к великому посту, правда своеобразная подготовка : ни в одно время года молодежь и даже люди не отягченные летами не веселятся так, как на масленицу, в особенности в последние три дня. Катаются в санях с дугой*, украшенной колокольчиками, на лошадях с убранной сбруей или на салазках по склонам (их называли « горками »), которые обычно ведут к реке. Это развлечение было почти культом. Молодые люди целыми днями отдавались катанью с гор. Обладать салазками для деревенского парня почиталось необходимостью, а отсутствие их – большим огорчением. Для сельского населения эти катанья заменяли городские балы. Они служили местом встреч и знакомств для парней и девушек. Салазки выполняли роль посредников, служили предлогом для сближения. Какая молодая девушка устоит перед соблазном прокатиться с горы на салазках, подбитых железными полозьями, с молодым незнакомым парнем, если он ей нравится? Нередко на масленицу, во время катанья с гор, решалась судьба девушки, и она находила своего будущего мужа.

Начиналось это так : парень предлагает ей прокатиться с горы. Разбегутся салазки точно полет птицы ; искры летят из-под полозьев. Морозный воздух свищет ветром в ушах. Сердце замирает от страха и волнения. А парень крепко ее держит в своих объятиях и нашептывает нежные слова. Можно ли не услышать этих слов, остаться нечувствительной к ним, когда они исходят из уст парня, который понравился ей ?

Веселой, разнаряженной толпой заполнено место, откуда начинается спуск с горы. Отсюда тянется вереница салазок на протяжении более версты. Одни мчатся вниз, другие поднимаются на гору, таща салазки за собой. Идут парами. Все возбуждены, разгорячены. Шутки сыплятся во все стороны, старые, избитые и новые, возникшие непосредственно тут же.

Любопытствующие и завистливые, не принимавшие участия в катаньи, присутствующие на горе в качестве зрителей зорко следят за всем, выжидая подходящего случая, чтобы сделать остроумное, благодушное замечание или, наоборот, злое и колкое насчет той или иной девки или парня. Случаев же для этого столько, хоть отбавляй. Вот неловкий парень не сумел удержаться и удержать свою спутницу на салазках и упал вместе с нею. Другие салазки не смогли их объехать, что вызвало столкновение и общую свалку. Так образовалась куча салазок и людей, смешавшихся со снегом. Одни отделались ушибами, другие – испугом. Все вывалились в снегу. Смех, споры, чувство боли, перебранка. Больше всего достается злосчастному парню, который был первопричиной столкновения. К тому же он чувствует себя опозоренным. Его спутница так рассержена, что оставляет его, и он в одиночестве поднимается на гору со своими салазками, тогда как другие все идут

парами, держась руками за веревку салазок. Руки их соприкасаются, и они обмениваются между собой словами, только им известными.

Другой парень приглашает девку прокатиться с ним ; если он ей не нравится, она ему отказывает. Парень после такой неудачи, при насмешливых замечаниях со всех сторон, старается незаметно удалиться от предмета своего вожделения, затеряться в толпе.

Там девка сама просит парня прокатить ее, но на этот раз парень сам отказывается. И опять смех и замечания наблюдающих, смущение неудачницы.

Мы, дети, в эти дни были лишены удовольствия кататься с горы на салазках : опасно для нас смешиваться со взрослыми. Нас могли зашибить, задавить и даже убить. Поэтому мы должны были удовлетворяться ролью наблюдателей. Для нас наиболее интересным был момент, когда к катающимся присоединялись женатые молодые мужчины.

Соберутся, бывало, они человек пять-десять с большими санями (« дровни »*), усядутся на них ; к ним присоединятся желающие испытать сильные ощущения. Быстро наберется целая толпа. Двое самых сильных мужчин сядут впереди всех на самые полозья : они должны ногами управлять санями. Это — дело трудное, так как спуск с горы не прямой, он делает два поворота, и рядом с одним из поворотов находится довольно глубокий овраг. После предварительных споров, переговоров, советов и наставлений окружающих сани трогаются в путь и катятся. Берегись тогда все встречные-поперечные. В таком случае столкновение неизбежно : неудачники падали в сугроб или в овраг. Зрители на горе только и ждут этого момента ; раздавались взрывы смеха, но неудачникам не до смеха.

Но наступает конец и масленице. В воскресенье вечером все развлечения останавливаются, как по волшебному мановению. К ужину все члены семьи дома, и никто не выходит на улицу для развлечения. Отец с матерью идут к дедушке, со стороны отца, чтобы « просить прощения », и меня берут с собой. Дедушка жил с младшим сыном, рядом с нашей избой, нужно было только пересечь огород. Придя к дедушке, отец и мать, перекинувшись с ним несколькими незначительными словами, начинали « просить прощения ». Отец и мать становились на колени перед дедушкой, кланялись ему в ноги и просили его простить их, если они были в чем-нибудь виноваты перед ним. На самом деле они ни в чем не были виноваты, но они думали : « А кто знает ? Может быть мы его и обидели чем-нибудь, сами не зная этого, может быть сказали неприятное слово ». Я также просил дедушку простить меня. Я то знал, что много раз сердил дедушку вместе с другими мальчишками, и он бегал за нами с кнутом. Но его старые ноги не позволяли ему догнать нас, и его попытки схватить нас забавляли и вызывали смех, это приводило его в ярость. В этот торжественный момент я вспоминал об этом и боялся, что дедушка не простит меня. Я еще не знал тогда, что обычай « просить прощения » был приготовлением к великому посту. У меня же он связывался со « светопреставлением », поэтому возможный отказ дедушки простить наполнял меня

ужасом. Но в этот момент дедушка был в хорошем расположении духа, и мы уходили успокоенные и довольные. После нашего возвращения домой к нам приходил мой дядя в свою очередь просить прощения у моих родителей. Хотя он и был в избе, когда отец и мать приходили просить прощения у дедушки, но он не сделал этого в тот момент, так как обычай требовал, чтобы младший брат приходил к старшему к нему на дом. В этот вечер все ложились спать умиротворенные и сосредоточенные.

В « прощеное воскресенье » заговлялись : ели в последний раз рыбу, яйца и молочные продукты. В течение семи долгих недель церковью разрешалось есть рыбу только на Благовещение*, если этот праздник приходился на Великий пост, и на Вербное Воскресенье*.

Мои родители на первой неделе великого поста не ели даже горячей пищи, питались только хлебом, кислой капустой и огурцами, заправляя их квасом, без постного масла. Остатки скоромной пищи скармливали курам, свинье или собаке.

Понедельник, первый день великого поста, назывался « чистым ». Весь день мать ходит тихая, сосредоточенная, даже мало говорит и ничего не ест. Этот понедельник и назывался « чистым » потому, что « в этот день, – говорила мать, ничто нечистое не должно ни входить в уста, ни выходить из уст ». Это означало, что скоромная пища и непристойные слова были противоположны сосредоточенному душевному состоянию.

Перемена в поведении чувствовалась не только у матери, но и у всех членов семьи. После шумного почти трехдневного веселья, достигшего высшей точки в « прощеное воскресенье », все оборвалось вдруг, как обрывается струна скрипки у музыканта в самый патетический момент. Гул толпы, говор, шутки, прибаутки, песни, пляски прекращались, и молчание царило во всем селе. Изредка пройдет кто-нибудь спешным шагом по своим делам. Школьники не ходили в школу на первой неделе поста. Они говели и готовились к исповеди и к причащению, т.е. целую неделю ходили на церковные службы. В первый же день поста к вечеру раздаются призывные звоны колокола : протяжные, с значительными промежутками. В этом звоне слышится особый зов : « К нам, к нам, к нам... Идите к нам, идите в церковь ! » Каждый день, утром и вечером раздается призыв колокола, который зовет к молитве, чтобы получить прощение всех грехов, совершенных за год. Мы уже научились понимать церковный язык, содержание и порядок служб, а также значение совершаемых действий. Мы, певчие, не молились Богу машинально, мы проникали в смысл слов священника и песнопений, исполняемых нами. В церкви священник облачается в

одежды почти траурные, напоминающие о смирении, о готовности подчиниться воле Божьей.

Церковь начинает готовить верующих к посту за две недели : в воскресенье за утреней читается в первый раз проникновенная молитва Ефрема Сирина :

« Господи, Владыко живота моего,
дух праздности, уныния, любоначалия
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиреномудрия,
терпения и любве даруй
ми рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми
зрети моя прегрешения
и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков, Аминь. »

Каждый день, кроме субботы и воскресенья, эта молитва читается в течение всего великого поста.

Не менее сильное впечатление производила на верующих молитва : « Душе моя, душе моя, восстани, что спиши ? »

В эти дни поста и молитвы мы действительно чувствовали себя большими грешниками и молили Господа Бога не отвергнуть наших молитв, допустить нас к покаянию, простить и сподобить принятия Святых Таин, т.е. причаститься.

Я прекрасно помню мою первую исповедь. Мне было семь лет. Мать моя мне говорит : « Теперь ты уже не маленький, когда дети не знают грехов и могут причащаться без исповеди. Надо тебе поститься, ходить в церковь целую неделю каждый день, потом исповедаться и на другой день причаститься. » Это известие меня испугало и в то же время я был горд считаться большим и вести себя как взрослые. Но я боялся священника, который всегда мне казался строгим. Кроме того, я слышал, что есть верующие, на которых священник накладывал епитимию*, например, велел им сделать сто поклонов. Кому-нибудь еще мог запретить приходить в церковь, пока он не раскается в своих грехах и не вернется на путь праведный. В особенности я боялся епитимии, наверное потому, что я не знал, что это такое. Взрослые говорили, что епитимию накладывали за очень важные грехи, но знали ли, за какие ? Они никогда не говорили об этом при мне. Я уже думал, что священник найдет совершенный мной какой-либо важный грех. Наказание отбить сто поклонов не очень-то пугало меня. Что же касается запрета ходить в церковь, я сразу же принял решение : я признаюсь во всех грехах, раскаюсь и пообещаю исправиться. Тогда священ-

ник сейчас же отпустит мне все грехи и освободит от запрета. Но другое дело – епитимия ; даже после раскаяния священник не отменит ее. Тогда я сам наложу на себя епитимию, а чтобы получить отпущение грехов надо много молиться, выполнять долгое время то, что священник велит.

Наконец наступил великий пост. Мать моя дает мне последние наставления и объясняет, как я должен вести себя во время исповеди : « На каждый вопрос священника, ты должен отвечать : « Да, батюшка, я грешен, грешен, грешен. » Когда я приближался к священнику я очень боялся, ноги у меня дрожали, и я все забыл. Священник нагнулся ко мне, покрыл мне голову епитрахилью* и заговорил со мной. Я не понимал, что он говорит. Он повторил вопросы, и я услышал : « Веришь ли ты в Бога ? Ходишь ли ты в церковь ? Почитаешь ли ты свою мать и своего отца ? Ел ли ты скоромное во время поста ? » Я по-прежнему молчал, слова не сходят с языка. Вдруг наставления моей матери пришли мне в голову, и я отвечал : « Я грешен, батюшка, грешен, грешен. » Выходило, что я не верил в Бога, что я не ходил в церковь, что я не почитал ни свою мать, ни своего отца. Короче говоря, я признался во всех грехах, совершенных и несовершенных. « Наклони голову», сказал мне священник во второй раз, я же продолжал повторять : « Грешен, грешен », не отдавая себе отчета в своих словах, не понимая, чего требовал от меня священник. Он же понял, в каком я был состоянии, велел мне стать на колени, снова покрыл меня епитрахилью, и я услышал, что властью, данной ему от Бога, он отпускает* мне грехи. Я понял, что исповедь кончена. Я положил пять копеек, которые мне дала мать, на тарелочку, стоящую перед священником около аналоя*, и тихонько отошел, не совсем уверенный, что все прошло благополучно ; может быть священник не заметил грехи, которые требовали наказания. Все же первое испытание прошло, оставалось второе : ничего не есть и не пить до причащения. Я возвращаюсь из церкви и забираюсь на печку, стараясь ни о чем не думать и заснуть как можно скорее. Все избегают разговаривать с тем, кто пришел от исповеди. Ночь проходит благополучно. Утром я проснулся успокоенный. Все прошло хорошо. Я отправляюсь в церковь с одной только мыслью, чтобы Господь Бог допустил до причастия. Возвращаюсь я домой радостный, довольный всем. Вся семья поздравляет меня с причастием « Святых Таин » и смотрит на меня, как на существо, носящее в себе благодать Божью. Особенно радуется моя мать, что ее маленький сынишка удостоился благодати Господа Бога. Она воспринимает очень живо все, что относится к религии.

Но для меня день причастия, начавшийся в радости, кончается печалью. Еще утром мать, перед моим уходом в церковь, говорила мне : « Помни, Ваня, не плюй после причастия ! Плюнешь, тело и кровь Христову выплюнешь, это – грех великий. » Вернувшись из церкви, я вспоминаю, что после обеда, играя с товарищами на улице, которые тоже причащались, я забыл о наставлении матери и плевал, как и мои товарищи. Мы даже вели счет нашим плевкам, и всегда выходило,

что я плюнул не раз, а несколько раз. Вечером я возвращался печальный и спрашивал себя : « Выплюнул я или нет тело и кровь Христово, осталось ли во мне хоть немного ? И в чем состоит этот грех ? Какое наказание будет мне за это на том свете ? »

– Если ты плюнешь, – объясняла мне мать, – со слюной ты выплюнешь тело и кровь Христову на землю, на растоптание, значит, на поругание нашего Спасителя, Иисуса Христа. Разве это можно ? Ты понимаешь, нет прощения такому великому греху.

– Но что нам будет там, на том свете за этот грех ?

– Этого я сказать тебе не могу, не знаю.

Я погружался в свои думы и не мог забыть совершенного греха, спрашивал себя, простит ли меня Господь Бог ?

Великий пост был на исходе, приближалось Вербное Воскресенье. К этому времени почти всегда распускаются почки вербы. Они освобождаются от своих пленочек, и из них выходят пушистые, мягкие, шелковистые « барашки », так их называли по сходству с маленькими ягнятами. С распустившимися ветками вербы шли в Вербное Воскресенье в церковь. Они заменяли ветви пальм, с которыми народ встречал вход Иисуса Христа в Иерусалим. Взрослые, возвратившись из церкви, стегали ветками вербы детей, приговаривая : « Верба хлест, бей до слез ! » Ретивые исполнители этого обычая били детей вербой по-настоящему до слез. Не только дети плакали в этот день, но и ягнята, так как, по установившемуся обычаю, их метили в этот день : делали на ушах разнообразные надрезы, чтобы узнавать их в общем стаде. Эти надрезы помогали также отыскивать ягнят, отбившихся от своих матерей.

В церкви в этот день пели : « Осанна ! Осанна ! » а по дворам и избам блеяли ягнята и дети кричали : « Караул ! больно ! »

За Вербным Воскресеньем наступала « страстная неделя » (посвященная памяти страстей, страданий Господних), народ произносил « страшная », что напоминало слово « страх ».

С середины недели мать начинала готовиться к празднику Пасхи, к встрече Светлого Христова Воскресения. Она постилась с 12-ти часов Великого Четверга до конца пасхальной обедни. Три дня жила она без еды, продолжая исполнять все работы – уход за скотиной и приготовление к празднику Пасхи : хорошенько вычистить избу, приготовить разные кушания и т.д. Пасха чаще всего приходилась на неблагоприятную погоду, когда снег еще не совсем сошел, а земля еще не просохла. Случается, что на Пасху бывает и снежная метель. На улице и на дворе – слякоть (грязь, смешанная со снегом). На дорогах – ни пройти, ни проехать. В такую погоду держать избу в чистоте – дело трудное : на нашей обуви мы приносили столько грязи, что все усилия матери

пропадали даром, и ей приходилось снова чистить избу к празднику. Из трех дней без пищи мать проводила две ночи совсем без сна. Для меня, малыша, это было непонятно. – Мама, ты умрешь с голоду, говорил я. – Как ты делаешь, чтобы не чувствовать голод? В ответ на мой вопрос она говорила, улыбаясь : « А ты попробуй : не ешь, может ты и не умрешь. » Я пробовал не есть, но у меня ничего не выходило. Я еще выдерживал до обеденного часа, но потом у меня под ложечкой так сильно начинало сосать, что я умолял мать дать мне « хоть » маленький кусочек хлебца. Это трехдневное воздержание от еды перед Пасхой мать соблюдала в течение всей жизни.

В Великий Четверг* мы с братом ходили к « стоянию », так называется чтение Двенадцати Евангелий. Мы думали, что оно кончается в полночь (т.е. в 12 часов ночи). На самом деле мы не знали, когда чтение начинается и когда оно кончается. При начале чтения первого Евангелия мы зажигали свои свечи и тушили их по окончании каждого Евангелия. Так повторялось двенадцать раз. Мы, дети, а иногда и взрослые, чтобы сосчитать, сколько Евангелий прочитано, отламывали кусочек воску от свечи и лепили из него шарик. После двенадцатого Евангелия зажженную свечу несли домой и старались сделать все возможное, чтобы защитить ее от ветра. Иногда окружали свечку шарообразным бумажным фонариком, красного, желтого или оранжевого цвета. Тот, кому удавалось донести свечку до дома под полой или же просто между двумя ладонями, сложенными в форме шара, считался особенно ловким.

Темной-претемной ночью выходила толпа из церкви и разбредалась по всем направлениям. Фигуры людей разглядеть нельзя, видны лишь мелькающие огоньки, которые, казалось, движутся сами. Если случалось, что у кого-нибудь загорался фонарик и свечка погасала, – это было непоправимым несчастьем, тогда как счастливцы, донесшие священный огонь до дому ставили метку, копотью от свечки в виде креста над входной дверью, обходили весь двор и входили в хлев и во все темные углы. Этим делом всегда занимался отец, я шел за ним, сзади, дрожа от страха. Темнота пугала меня, потому что в этот момент можно было встретиться с домовым. Возвращаясь в избу, я шел впереди, так как опасность еще не миновала, и я знал, что дома я уже не натолкнусь на чертенка с маленькими рожками или на зверя из народных сказок, которые грозили нам в темноте и могли каждую минуту выскочить и схватить меня.

В Великую Субботу церковь остается открытой весь день и всю ночь. Ночью в церкви полутемнота. Свет идет только от свечей перед плащаницей*. И тихо-тихо, как в дни исповеди или как в доме покойника, хотя народ в церкви все время присутствует : люди подходят неслышными шагами к свечному ящику, покупают копеечную или двухкопеечную свечку, чтобы поставить ее у плащаницы, сделав сначала земной поклон. Умеющие читать читают вслух псалтирь, положенную на аналой. Каждый может подойти и почитать псалтирь перед плащаницей с пятницы после выноса ее на середину церкви, после погребения

Иисуса Христа, когда плащаницу обносят вокруг церкви, и в Великую Субботу до начала утрени.

Я с товарищами-хористами почти всю эту ночь проводил в церкви. Поздно вечером у нас была последняя спевка перед Светлым Христовым Воскресением. И даже после нее мы не возвращались домой в ожидании утрени.

Усталость давала себя знать как во всем теле, так и в голосе. На « страшной » неделе почти каждый день были спевки. К тому же в четверг, пятницу и субботу мы пели на утренних и вечерних службах. Службы были долгие и очень утомительны для ног. Чтобы пересилить усталость и дремоту, мы выходили из церкви и бродили по пустынному выгону, окружавшему церковь. Ночь совершенно темная, слышатся только голоса входящих в церковь и выходящих из нее, исполнивших свой долг : приложиться к плащанице. Мы даже не различали их фигур, но все-таки было не так боязно. По старинным сказаниям в Святую ночь все заколдованное освобождается от чар, и можно прямо руками захватить клады, зарытые в землю. Иногда над этими кладами зажигаются свечи. Не раз видели зажженные свечи в болотистых местах, но никто не решался пойти туда, хотя бы затем, чтобы отметить точно место, на котором светился огонек, а потом прийти и откопать его. Считали, что такие клады приобретены путем преступным, а не получены честным трудом. А может быть это утверждение было оправданием трусости. Боялись зайти в болото, увязнуть в нем и, значит, погибнуть. Было и другое народное поверье, что клады в эту ночь передвигаются и могут попасть под ноги человеку под видом бегущей черной кошки. В это поверье и мы с товарищами верили. Мы ходили по выгону с надеждой, что на наше счастье черная кошка очутится под нашими ногами. В таком случае достаточно ее сильно ударить ногой, и она рассыплется ценным металлом. Наши поиски были тщетны, да и в такой темноте нельзя было увидеть даже белой кошки, не говоря уже о черной. Эти ночные прогулки были все же полезны для нас : мы забывали нашу усталость, прогулки разгоняли сон и придавали нам бодрость в ожидании начала утрени.

Наконец наступает долгожданный час Воскресения Христова. Плащаница со средины церкви уносится в алтарь*. Среди молящихся легкое волнение. Желающие участвовать в процессии поднимают хоругви*, держа их за древки, и выносят иконы. Священник и дьячок облачаются в светлые ризы*. Священник выходит из алтаря и крестный ход начинается. Первыми выходят из церкви несущие хоругви и иконы, за ними хор с дьячком и священник. Потом все желающие участвовать в крестном ходе, но многие остаются в церкви, чтобы услышать первыми, как священник провозгласит на паперти радостную весть о Воскресении Христа. Процессия обходит вокруг церкви и вдоль церковной ограды ; хор и священник поют : « Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славите. »

Крестный ход возвращается в церковь с противоположной стороны. На паперть, перед затворенными изнутри дверями, входит передняя часть крестного хода. Все не могут поместиться на паперти. Происходит давка, шум, крики, нарушается на несколько минут молитвенное настроение. Приходится затворять внешние железные двери. Наконец воцаряется тишина, глубокая торжественная тишина. В этот момент священник приближается к внутренним стеклянным дверям паперти и, слегка прикасаясь к ним, провозглашает троекратно : « Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав ». Двери от прикосновения к ним священника распахиваются, и хор подхватывает возглас священника : « Христос воскресе из мертвых... ». Все входят в церковь. Священник, проходя мимо молящихся, оставшихся в церкви во время крестного хода, благословляет их крестом направо и налево, возглашая : « Христос воскресе ! » Молящиеся отвечают ему хором : « Воистину воскресе ! » Эта радостная весть преображает присутствующих. Все полны такого трепета, точно каждый проникнут самыми благородными чувствами, какие только могут быть в человеке. Необъятная милость объединяла всех верующих. Казалось, что в этот момент исчезло все зло, и чудится, что нет среди людей ни грубиянов, ни обманщиков, ни воров, ни убийц, ни желающих захватить чужое или поработить подобного себе. В таком душевном состоянии молящиеся присутствуют на службе. Я прихожу из церкви домой и христосуюсь с матерью, которая не могла быть в церкви, т.е. целую ее три раза со словами : « Христос воскресе ! » и все поздравляют друг друга с праздником Воскресения Христова и садятся разговляться*. Ро́зговенье кончается перед рассветом. Я стараюсь преодолеть усталость и сон, потому что я хочу дождаться восхода солнца, чтобы посмотреть, как оно радуется со всей землей.

Вот и рассвет. Небосклон становится все светлее и светлее. Я выхожу за ворота на улицу, откуда открывается предо мной бесконечный горизонт. Вот озарился восток, брызнул вдруг первый луч, а за ним медленно выплывает само солнце. В легком морозном воздухе конца зимы солнце сияет все ярче. Этот свет кажется мне необычайным, действительно, как говорится, « солнце играет ».

Церковный звон возвестил всеобщую радость. Протяжный и печальный призыв поста сменился на ликующий трезвон, переходящий в трель под рукой опытного любителя-звонаря. Мне казалось, что маленькие и средние колокола вызванивали : « Иди куда хочешь ! », а большой колокол утверждал : « Да, это верно. Теперь можешь идти, куда хочешь ! » Этот трезвон длится несколько дней. Он прекращается только тогда, когда священник и дьячок обойдут с иконами все дворы села, отслужат молебен в избах всех домохозяев и поздравят их с праздником Светлого Христова Воскресения. Вход по лестнице на колокольню был открыт для всех с утра до вечера, и толпа детей и взрослых, любителей потрезвонить, бросается на колокольню. Одни стараются научиться этому искусству, другие – усовершенствоваться в нем, превзойти лучших звонарей села. Без школы, без всякой

помощи настоящих звонарей, некоторые достигали больших успехов и становились замечательными звонарями-любителями.

Пасха прошла. Снег давно сошел с полей (в некоторые годы, когда Пасха, праздник переходящий, была поздней). Земля заметно подсохла. Синицы давно уже запели свою песню : « Мужички, мужички, точите сошнички* ! » Но и без напоминания синиц, сохи и бороны вытащены. Надо привести их в порядок, так как за прошлое лето они поизносились, некоторые части их поломались. За этим не обращались к кузнецу или в починочную мастерскую, которой к тому же и не существовало. Да и не было нужды в этом, так как почти все части сохи были полностью деревянные. Бороны же у всех без исключения были деревянные, в которых не было ни одного гвоздя. Это упрощало починку, которая производилась самим крестьянином. Главными земледельческими орудиями производства были : деревянные вилы и грабли, посевное плетеное лукошко, серп и коса*. Полка в засеянных полях делалась вручную. Молотьба собранного урожая также производилась вручную деревянными цепами*. Веяли обмолоченное зерно на ветру деревянными же лопатами. Отвеянное зерно очищали на решетах и таким возили его на мельницу. Эти орудия не могли дать удовлетворительной обработки земли : взрыхлять почву, перевертывать ее, освобождать от сорных трав. Они не могли приготовить ни хорошей колыбели для прорастания зерна, ни благоприятных условий для развития молодых растений. Одним качеством обладали они – легкостью. Поэтому всякая слабосильная крестьянская « сивка » могла тащить соху, а борону – сын или дочь ее, управляемой семилетним-восьмилетним сыном пахаря.

Для паханья же нужна сила, сноровка и опыт, чтобы удерживать соху руками, не отрываясь, направляемую на желаемую глубину и на определенную ширину. Если оторваться от сохи, она может увязнуть в земле и сломаться, а у лошади не хватило бы сил ее вытащить, или же соха накренилась бы набок и вышла бы из борозды. Пахарь нес на своих руках всю тяжесть слоя вырванной земли и боролся против давления ее на соху. Без ловкости и опыта нельзя было провести прямой борозды и сохранять в то же время нужную глубину и ширину, а также удержать равновесие сохи и самого пахаря, чтобы не набить кровавых мозолей. Картофель сажали под соху, сохой окучивали и сохой же выпахивали. Вырывали картофель руками вместе с ботвой, после чего перепахивали поле.

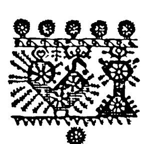
Уборка зерновых хлебов производилась вручную ; косили косой, но чаще всего жали серпами, потому что при этом способе получается больше зерна. Жать серпом труднее, утомительней и медленней. Но при слабых урожаях каждым зерном дорожили, не жалея ни времени, ни

труда. Просо выдергивали часто руками, когда оно вырастало редким и низкорослым, и невозможно было ни срезать его серпом, ни косить косой. Обмолот производился цепами, а потом его отсеивали примитивным способом : подбрасывали в воздух против ветра большими деревянными лопатами и окончательно отсеивали вручную в больших решетах. При обмолоте требовалась также березовая метла. Другого способа обмолота хлебов и очистки зерна не знали. О молотилках и веялках никогда и не слыхали.

В нашей местности сеяли только рожь, овес, просо, коноплю, реже гречиху, горох и чечевицу.

Рожь возили молоть на мельницу. Пшено и гречиху для блинов и блинчиков толкли сами в деревянной большой ступе и потом просеивали через сито. Кроме перечисленного инвентаря считалось необходимым иметь в хозяйстве топор, скребок и кирку, но они не во всех хозяйствах имелись.

Средствами перевозки и передвижения служили : летом – телега, зимой – сани. Сани – полностью из дерева, а в телеге железными были некоторые части колес (болт, ступица, железные полосы вокруг колеса, последние не всегда считались необходимостью). Из обиходного инвентаря в городе крестьяне покупали только сошники, палицы*, топоры, скребки, серпы, косы, молотки, железо для обтягивания колес и для отбивания кос. При такой скудости инвентаря не требовалось много времени для приведения его в порядок.

Весной солнышко обогревает все, природа оживает. Небольшие бугорки первыми начинают покрываться молодой зеленью, а за ними склоны, обращенные к солнцу, освобождаются от зимнего снежного покрова. Зелень распространяется повсюду, постепенно покрывает всю землю. В это время ее еще не растоптали люди и скот, не примяли ее колеса телеги. В садах появляются первые цветы. Дикий щавель пробивается из-под снега и зацветает, когда снег еще не растаял. Это первый наряд царицы-весны.

Вслед за растениями оживает и все живущее на земле ; вылезают откуда-то разные букашки, жучки ; в воздухе носятся разноцветные, с разнообразными крылышками бабочки. Из перелетных птиц первыми появляются скворцы ; для них приготовлено детьми почетное место – скворешня, прикрепленная на самом верху длинного шеста, какой только может найтись во дворе. На крыше скворешни водружается пук березовых веток. Вокруг отверстия, через которое скворцы проникают внутрь, устраивается крылечко с площадкой, на нее они садятся, прежде чем попасть внутрь. Они поют все время, пока строится их гнездо, во время носки яиц и кормления своих птенцов.

Зимний Никола (6-го декабря старого стиля) напоминал о плохом времени года с жестокими морозами и снежными метелями, тогда как Никола летний (9-го мая старого стиля) извещал о наступлении весны ; река входила в свое русло ; все покрывалось сочной зеленью, и воздух был насыщен запахами разных трав и цветов.

Если Святки, т.е. время между Рождеством и Крещением было лучшей порой для детей зимой, то весной это была Троица (переходящий праздник)*. В это время природа сияла своей полной красой. Земля покрывалась обильной травой. Луга и поля украшались нежными, шелковистыми всходами. Деревья принимали сказочный вид и походили на шатры, обтянутые сверху фееричным полотном. И повсюду яблони, вишни, груши и другие фруктовые деревья походили на невест, убранных к венцу. Воздух был насыщен ароматом цветов.

Время как бы остановило свой бег. Восточные ветры еще не налетели и не разогнали весенний аромат. Солнце еще не грело слишком сильно, а земля уже впитывала в себя тепло воздуха.

По Библии в Троицын день Бог явился Аврааму под кущей* в виде трех ангелов. Христиане в память этого явления украшали зеленью свои дома и дворы. В этот день разрешалось рубить в лесу молодые деревца берез и привозить домой чуть не целый воз. Эти березки втыкались в землю по всему двору. Березовыми ветками убирался « красный » угол избы вокруг икон. Одна-две березки ставились сзади стола и в другому углу. В церковь все шли в этот день с букетами цветов в руках. В церкви по углам также были расставлены березки, а пол весь покрывался свежескошенной травой.

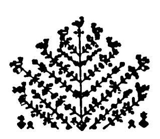
Для нас, мальчуганов, первым удовольствием на Николу летнего было перебраться на другой берег реки, на займище. Приятно было ходить по зеленой, свежей, шелковистой траве, дышать чистым весенним воздухом, греться на солнце. Это место доставляло нам приятную прогулку и в то же время служило нам пастбищем для нас самих. Один вид свежей травы нас радовал, и мы рвали и поедали молодой щавель, стебли дикой морковки и т.д. Они были первыми свежими овощами, которых мы были лишены всю осень и всю зиму. Позже на столе появлялись зеленые щи из молодой крапивы. Ее сначала обдавали кипятком, потом мелко крошили.

Во второй половине июня свежей зеленью был лук, стебли которого очень любят русские. Но для этого приходилось ждать, когда огородники нашего района начинали его развозить по деревням, так как у наших крестьян почти не было огородов. Те же, у кого они были, выращивали, большей частью, огурцы, капусту, тыкву, редьку, арбузы и дыни.

Лук же выращивали в небольшом количестве и сажали его очень поздно. Поэтому-то продажный лук появлялся раньше своего собственного.

Совершенно отсутствовали морковь, репа, салат, помидоры и другие овощи, которыми так богата французская кухня.

В это время не знали витаминов. Наша пища была очень примитивна. Мы ели то, что выращивали сами крестьяне и что давала нам земля.

« Лес дышит сказкой под горой.
Случалось вам ночной порой
Картиной сельской любоваться ? »

Нет ! не случалось. Так поезжайте в мое родное село. Пойдите в лунную летнюю ночь на горный берег реки, повернитесь лицом к реке и посмотрите сосредоточенно на расстилающийся перед вами пейзаж. И состояние вашей души изменится. На вас снизойдет страстное желание творить молитву, пасть на колени перед Всевышним и вы скажете в экстазе : « Как оно чудно, Господи, Твое творение ! »

Лес – неоспоримый дар природы человеку. Какое богатство и какая красота ! Чье сердце может остаться равнодушным при слове « лес »?

А деревья ! Чего только ни давали они человеку ? Из срубленных деревьев делали бревна и доски для постройки жилищ, столов, вокруг которых мы собирались за едой и за работой, стульев, скамеек и кроватей. Из деревьев же строят разные лодки, баржи, пароходы и большие корабли, а также телеги, сани, тарантасы и другие перевозочные средства. Из дерева же делают шкафы, диваны, комоды, кресла и всякую мебель.

Когда-то в России вся посуда была деревянная : ложки, чашки, тарелки, миски. Деревья употребляются для отопления наших жилищ. Из деревьев добывают смолу, скипидар, уксус, древесный спирт. В настоящее время почти вся бумага изготовляется из дерева. Из луба березы плетутся лапти, обувь, которую носили раньше все крестьяне. Из коры деревьев извлекали пеньку, которая шла на изготовление цыновок, мешков. В прежние времена корой дубили кожу для сапогов, ботинок, чемоданов и других кожаных предметов.

В жарких странах деревья служат для приготовления лекарств : самое распространенное – аспирин против малярии (на народном языке : трясучка). Главным образом в этих же странах извлекают из деревьев смолу. Одним словом, трудно вообразить объем услуг, которые оказывают деревья человеку.

Лес не только скопление деревьев. Под их защитой произрастает и развивается изобильная растительность. На полянах, под тенью растет неисчислимое количество цветов. Там, куда почти не проникает солнце, растут разные сорта грибов, которыми наслаждается человек. В лесу

собирают грецкие орехи, волошские и кедровые орешки, лесную клубнику, малину, красную смородину, чернику, клюкву и т.д.

Лес населен разными зверями и дичью. Сколько певчих птиц, сколько птиц чудесного оперенья ! Но также опасных для человека зверей, ядовитых змей и насекомых.

Лес – это все, что живет и растет на земле, все, что прячется в его чащах, в траве, в дуплах деревьев. Лес – это целый мир.

Человек любит лес не только потому, что он ему приносит пользу, но и потому, что он – источник многочисленных сказок. Для детей лес – это жилище невероятных, огромных зверей, карликов, добрых и злых фей, чудодейственных трав и цветов. Самые замечательные сказки о разбойниках и диких зверях связаны с лесом. В детском воображении грибы ведут между собой войны.

Да и взрослые до сих пор верят, что в лесу живут существа, которые ночью качаются на ветках или пляшут на полянах, и русалки, которые стараются сбить с дороги запоздавшего путника и мучают его своим хохотом. Для подростков прогулки в лесу во время летнего отдыха – самые лучшие воспоминания.

Взрослые тоже не остаются равнодушными к красотам природы. Да и как можно не поддаться очарованию леса, весной, когда все оживает после зимней спячки, и в солнечный день могущественное волшебство прельщает и притягивает ваш взор. В бурю и грозу какие ужасные силы неистовствуют и в лесу и вне его. В каком бешенстве они набрасываются на лес, гнут и теребят его, а он, как богатырь в русских сказках, сопротивляется и отбрасывает их нападения.

Чистый воздух леса, его нежные оттенки, свежесть окружающей вас зелени, разнообразие цветов и красок опьяняют вас, создают особенное веселое и беззаботное настроение, которое остается долго, когда вы уже возвратились домой.

Сколько оттенков таит в себе лес осенью ! Он полон печали и сожалений, когда уходят летние теплые дни.

В России даже зимой лес прекрасен, в особенности в очень холодные дни, когда светит солнце. Он стоит точно зачарованный. Ни один куст, ни одна ветка не движется. Царит почти полная тишина. Ни малейшего шума зверька или птички, ни одного дуновения ветерка. Земля покрыта пеленой снега, а ветви согнулись под тяжестью инея, кристаллики которого сверкают и переливаются на солнце как бриллианты всех цветов. Деревья в своем зимнем наряде принимают фантастические формы, не похожие на те, когда они были покрыты листвой. Белые, кудрявые березы склоняют свои гибкие ветви до самой земли, как если бы они становились на колени перед вами. Ели превращаются в серебристые конусы, а сосны покрываются снежной завесой как кисией. Маленькие кустики, растения низшего класса возрождаются. Они принимают самое причудливое убранство лесного царства. И над всем этим миром царствуют огромные дубы, цари леса в своих снежных шапках.

Вы стоите тут, в этом волшебном царстве и вы сами чувствуете себя околдованным. Вам кажется, что вот-вот это волшебство может исчезнуть и это царство превратится в населенный мир живых существ, тот самый, который вам известен по сказкам.

А я, мятежный, все томлюсь. Мне недостаточно смотреть на красоту, которую Ты создал, наслаждаться внешними открытиями. Я хотел бы проникнуть в глубокие слои, в то, что находится за этой красотой, дальше, в странах, которых я не знаю.

Среди этой красоты природы чувствуешь убогую жизнь, невежество, грязь, нечистоту, которые царят у нас, и никто не может объяснить почему, какая причина тому, что мы живем так плохо. Какие грехи мы должны искупить на этом свете ? И много других вопросов мучило меня.

Что скрывает звездная ночь в необъятной глубине небесного свода ? Что за небом ? Есть ли предел этой необозримости ? Почему некоторые звезды блестят голубым светом, другие — красным, третьи — разноцветные ?

На все эти вопросы мне отвечали : « Какой ты глупый ! все создано Господом Богом, только Он знает это. Тебе не нужно знать. Не гневи Бога твоими глупостями. Не Он внушил тебе это ». И я должен молчать, скрывать свои мысли в глубине сердца и хранить их, не высказывая своих дум. Они в моих снах, я засыпаю и просыпаюсь с ними, они не оставляют меня никогда.

Хорошо ранней весной на лугу в займище, но еще лучше в поле, когда там все весенние работы кончались, когда оно покрывалось зеленым ковром весенних хлебов, а озимое поле начинало уже серебриться. Не слышно в нем в эту пору голоса человеческого, и даже присутствия его не обнаружишь. В безоблачном небе ястреб или копчик реют то там, то сям, высматривая свою добычу, а внизу, на земле и над посевами летают, прыгают, ползают разнообразные, разноцветные бабочки, букашки, таракашки и трещат кузнечики.

Все вокруг ласкает взгляд, все радует, и никакого чувства страха и опасности, потому что находишься один среди природы, потому что на расстоянии, какое может охватить глаз, не видишь присутствия человека. Видимость же прекрасная : за 4-5 верст видишь свое село.

Не один раз в возрасте десяти-одиннадцати лет испытывал я это чувство, которое живет во мне до сих пор. Бывало, рано утром мать посылает меня с тем или иным поручением к одной из своих сестер, к тетке Ганьке, в « хутора ». До хуторов от нашего села 17 верст, и на всем этом расстоянии маячит только одно деревцо да еще гордо возвышается над полем курган.

Я не боялся и даже любил ходить к тетке Ганьке и поэтому охотно соглашался выполнить данное матерью поручение. В подкрепление сил в пути мать снабжала меня куском черного хлеба, одним вареным яйцом и щепоткой соли, которые аккуратно завертывались в платок или в чистую белую тряпочку. Больше ничего не было в руках, кроме этого маленького узелка. Никому не приходила мысль брать палку : не от кого было защищаться в эту пору в поле.

У меня был свой способ определения пройденного расстояния, свои этапы перехода. От села до поворота – первый этап ; от поворота до Лоска, большого и глубокого оврага, прорезывающего поля, – второй этап и т.д. От поворота до Лоска дорога спускалась до самого оврага, и село постепенно исчезало из вида. От Лоска же она все время поднималась до шоссе на протяжении более 10 верст. Между Лоском и шоссе поле прорезывалось еще одним меньшим оврагом, который назывался Лощечком. Для меня он был третьим этапом перехода. Здесь я останавливался, чтобы утолить свой голод, который начинал давать о себе знать, и отдохнуть.

На Лощечке совсем недавно, года два-три тому назад, был устроен пруд. Дно его в этом месте углубили, а поперек устроили земляную насыпь, запруду, вдоль которой по краям посадили ветлу. На этой запруде я и располагался для отдыха и еды. Случалось, что на этом этапе я и засыпал и спал беззаботным сном, как настоящее дитя природы, дитя первобытного человека. Солнце грело мое тело, легкий ветерок овевал меня, уменьшая жар лучей палящего солнца. Стрекотня кузнечиков убаюкивала, а чуть слышимые в траве шорохи ласкали мой слух, напевали мне мелодии, которые не всем дана возможность слышать в жизни...

Подкрепившись и отдохнув, я продолжал свой путь. Следующим для меня этапом был так называемый большак. Это – широкая полоса настоящей девственной степи, которая оставалась нераспаханной вдоль полей нашего села. По рассказам деда, по этому большаку ездили и гнали с южных степей скот для убоя на Липецк, а оттуда на Москву. На нем были построены постоялые дворы. А раньше по этому пути проходили, вероятно, войска Владимира Мономаха, Игоря Святославича, воспетого поэтом в поэме *Слово о полку Игореве*, запечатленного композитором Бородиным в опере *Князь Игорь*. По этой же дороге, вероятно, двигались первые татарские полчища, наводнившие и подчинившие Русь более чем на два с половиной века. Кто знает, быть может, этот путь был главным для всех проходящих орд, племен и народов, выходящих из степей Центральной Азии и наводящих на всех европейцев страх и ужас, сеющих смерть и разорение.

В то время, когда я ребенком пересекал большак, в других местах память о нем уже давно быльем поросла* и только вдоль полей нашего села он продолжал существовать, как молчаливый исторический памятник веков. В весеннее и летнее время он служил местом выпаса для лошадей крестьян, поля которых прилегали к нему.

И еще одной достопримечательностью славился большак : здесь плодилась саранча и разлеталась по всем окрестным полям, причиняя большой вред земледелию. Каждый год начальство посылало старосте нашего села грозный приказ бороться с саранчой. Для этого нас, детей, по наряду*, привозили на большак, и мы бреднем ловили саранчу под руководством десятского* и зарывали ее в канавки.

Не знаю, был ли толк от этой нашей работы, но нам она доставляла большое удовольствие, и мы были несогласны со взрослыми, которые считали, что эта работа – ненужная выдумка начальства.

Потом, заметив, очевидно, что от такой борьбы с саранчой толку мало, начальство приказало распахать большак. Так на моих глазах исчез этот исторический природный памятник, с которым связано приятное воспоминание. Иная дорога заменила большак – шоссейная, связавшая город Воронеж с Москвой через Задонск и Елец.

По этому новому пути уже Петр Великий ездил из Москвы в Воронеж, где он строил свой флот для завоевания Азова*. В его царствование и начала покрываться камнем новая дорога с канавами по обеим сторонам. По этой дороге уже нельзя было гнать скот, а лошадей нужно было подковывать : камень – не земля, о камень конь быстро копыта сбивает и калечит ноги. Шоссейная дорога пролегла почти рядом с Доном, который она пересекала в городе Задонске.

Между большаком и шоссейной дорогой находилась еще одна достопримечательность, которая всегда приковывала мое внимание : курган*. Внизу у его подножия уже прикоснулся человек : распахал землю со всех сторон. Верхушка же оставалась покрытой вековечной травянистой корой. Она еще хранила остатки его былого величия и таинственности. Когда-то мимо него проходили и проезжали люди, склонив головы, в раздумье и может быть и с боязнью. Легенды о нем до сих пор живут. Об одной из них я всегда вспоминал, проходя мимо него. В кургане, думал я, на большой глубине, клад зарыт. Клад – большой, а достать его нельзя : заколдован он и простому смертному в руки не дается. Чтобы достать этот клад, нужно с чертом договор заключить и на нем своей кровью подписаться. Договор же говорит о том, что нужно черту душу отдать.

Говорят, что были смельчаки, которые хотели добраться до клада без помощи черта, да не вышло из этого ничего. До клада они не докопались, говорили, что он от них дальше вглубь уходил.

Я верил в эту легенду и в таинственную силу, охранявшую тайну кургана, и проходил всегда мимо него, объятый думой, навеянной им. Эти думы рассеивались новыми впечатлениями, захватывавшими меня при приближении к шоссейной дороге. По ней тянулись обозы, проезжали барские начальнические экипажи, иногда проходил дилижанс, ходивший из Воронежа в Задонск и обратно. Он также казался мне таинственным и необычайным явлением, с кучером, сидящим высоко-высоко на облучке. Внутри сидели пассажиры, господа. Дилижанс был похож на небольшой досчатый домик с окнами, но без трубы.

По сторонам шоссейной дороги шли в одиночку и группами богомольцы. Одни направлялись из Воронежа от Святителя Митрофания в Задонск к Святителю Тихону, другие шли в обратном направлении. Я знаю по примеру матери, что многие из них прошли большие расстояния, видели много сел, городов и разного народу. Хорошо бы было, думал я, и мне походить с ними по разным землям, но усталость от пройденных мною 14 верст быстро охлаждала мое желание. И я, налюбовавшись движущейся картиной, спешил добраться скорей до тетки Ганьки. До нее оставалось 3 версты, из которых только полторы нужно было идти открытым полем, а потом дорога шла через лес, что было очень приятно. Сначала шло мелколесье, а за ним и густой, тенистый лес.

На одном из поворотов дороги встречалась прогалина, кончавшаяся глубоким обрывом. Оттуда открывался чарующий вид. Внизу, у самого подножья обрыва струился Дон в форме полуразогнутой дуги, а за Доном – панорама его двух берегов, одного – нагорного, другого – очень низкого с селами, лугами и полями. Вода Дона сверкала и искрилась под лучами солнца. Видение было так привлекательно, что я забывал на некоторое время и свою усталость и мысль о том, что скоро увижу тетку Ганьку.

Вы знаете, из какой среды я вышел, в какой семье я родился. Я был одним из девяти первых мальчиков (девочек в первые годы не было), первых учеников школы, – целое событие села. Мы смогли научиться элементарным началам : читать и писать. Но этот уровень соответствовал скорее пословице : « Полуграмотный – не грамотный ».

Мы же, девять пионеров, вышли из этой школы не только полуграмотными, а просто безграмотными, потому что мы не были способны читать ни газеты, ни простых рассказов. Нам был доступен только язык сказок : он был близок тому, на котором мы говорили, на котором говорило все безграмотное население нашего села и все предыдущие поколения.

Не прошло и десяти лет после окончания школы, как все мои товарищи разучились читать и писать. Если иногда они и читали, то не понимали смысла прочитанного. С трудом могли они изобразить на бумаге свою подпись. Из нас девяти только двое могли читать « по-церковному ». Меня спасла любовь к чтению. Сказки, Жития* святых, *Листки Троицко-Сергиевской Лавры* приучили меня к чтению и помешали забыть, приобретенное в сельской школе. В деревне любили сказку. Сказка уводила крестьян от их неприглядной, тяжелой жизни и переносила в страны, где все совершалось по-иному. Там чудеса встречались на каждом шагу : были там звери необычайные, змеи чудовищные, говорившие как люди говорят, чудо-богатыри, проводившие жизнь

свою в борьбе против несправедливости, защищавшие слабых и обиженных. В великолепных садах жили жар-птицы, питались золотыми яблоками. В этих чудесных странах и Иванушки-дурачки становились царевичами и царями. Самые простые люди за свою честность, стойкость и верность правде достигали высших чинов.

Нас было двое товарищей, любителей чтения : я и мой ровесник, сын богатого мужика. У его отца была кирпичная, водяная мельница, просорушка* и много разного скота. Мой товарищ любил смешные рассказы и читал очень хорошо. Слушателями его были крестьяне, приезжавшие на мельницу его отца для обмолота ржи и проса. Многие из них предпочитали смешные рассказы сказкам ; поэтому они считали, что Тимошка (мой товарищ) читает лучше, чем я. Похвалы, которыми его награждали, меня не трогали. Я не был самолюбив.

Время от времени я мог купить небольшую книжицу за копейку-две, но не дороже трех копеек. Конечно, за такую цену я не мог покупать серьезных книжек, да я и не знал о существовании таковых. Во всяком случае, я не мог бы разобраться в том, какая книжка серьезная и какая не серьезная. Поэтому в руки мне попадались сказки или смешные рассказы. Но к последним я не имел склонности, они мне « не нравились ». Сказками же я увлекся, и они-то и приучили меня к чтению. Они помогли мне не забыть того, чему я научился в школе (что и случилось с моими товарищами), и больше того : у меня появилось желание идти вперед по пути приобщения к грамотности.

Городская жизнь меня не привлекала. Это объяснялось, вероятно, тем, что я ее не знал, и не приходилось мне видеть ее поближе. Я был в ней, как капля постного масла в воде. Она всегда остается нетронутой. Городские улицы, движущаяся толпа со всеми присущими ей особенностями, бедный люд : рабочие и мещане, кухарки, горничные, кучера и дворники не притягивали меня потому, что их жизнь мало отличалась от жизни деревни или же в ней было много такого, чего в моем селе не было и мне не нравилось.

Когда моя мать ездила в Воронеж, она познакомилась с монашками Новодевичьего монастыря и иногда ночевала у них.

Монашки рассказывали ей о своей жизни, читали ей Жития Святых и нравоучительные советы. Они даже одалживали ей книги, чтобы я мог читать их моим родителям.

Иногда и я ездил со своей матерью, и монашки дарили мне душеспасительные книги. Один раз они мне даже дали очень толстую книгу, в переплете, полное собрание *Листков Троицко-Сергиевской Лавры.*

Что мне нравилось больше всего в монастыре – это то, что все было чисто, опрятно. Входишь туда и сейчас же чувствуешь себя непринужденно, далеко от обычной жизни, скудной, полной забот и неприятно-

стей. Дорожки за оградой подметены как не подметают пол в крестьянской избе. Вдоль дорожек – кельи*, чистые и белые, точно их только что вымыли с мылом и вытерли полотенцем. Перед каждой из них – небольшой садик с разными цветами. На окнах – совсем чистые занавесочки, а на подоконниках горшки с цветами. Казалось, что ни одна пылинка не тревожила этот спокойный мир. Все здесь было чище, чем на городской улице. И повсюду царил покой. Шум города не проникал через эти стены. В ограде монастыря никто не производил шума, и было запрещено входить с лошадью. У монашек была мягкая обувь, и не слышно было их шагов. Посетители, большей частью крестьяне, носили лапти или ходили босиком летом ; зимой они носили лапти или валенки*.

Когда входишь в монашескую келью, чувствуешь себя в каком-то другом мире ; все чисто и светло ; перед иконами – всегда зажженная лампадка. Было впечатление, что все сияло другим светом, все сверкало другим блеском. Невольно я сравнивал келью с нашей избой, где была грязь, смрад, без всякой привлекательности ! Я был свидетелем жизни монашек ; они жили в тепле, в покое, в красивой комнате, с которой могла сравниться только комната феи в сказках. Они не должны были работать, но все время молиться Богу. А когда они шли в церковь, это было еще приятнее ; большая, богатая церковь, вся покрытая золотом и ярко освещенная. Зимой она отапливалась, а на полу был ковер. Для монашек было отведено специальное место, к которому они направлялись чинно, никто их не толкал. Эта церковь находилась очень близко от монастыря и ничем не походила на церковь нашего села, маленькую и бедную, в которой только иконостас* был позолочен (да и не весь, а лишь « царские врата »).

В нашей церкви было только одно паникадило, совсем маленькое, которое зажигали в большие праздники : на Пасху, на Рождество, на Крещение и на Новый Год. Во время дрягих служб шел лишь слабый свет от зажженных свечей, которые прихожане ставили перед иконами Святых или же перед чудотворными иконами. Служба совершалась только по воскресеньям, в праздничные дни или же когда богатые крестьяне заказывали сорокоуст по усопшим. Обычные службы совершались каждый день только во время Великого поста.

Зимой церковь не отапливалась, и во время жестоких морозов в ней было очень холодно. Немногие оставались до конца службы, большинство прихожан выходили погреться в сторожку при церкви. По правилам православной церкви верующие во время церковной службы стоят и, чтобы не замерзнуть, они топчутся на месте, стучат по полу своими лаптями или сапогами. В большие праздники в церкви было столько народу, что давка была неизбежной ; толкались, переругивались и не слышали, что говорил священник, что пел хор. Как можно было сосредоточиться и молиться ?

Я думаю, что поэтому-то моя мать восхищалась жизнью в монастыре ; ее притягивала чистота, покой, духовное настроение и, в особенности, благолепие служб. Она плохо понимала глубокий смысл

службы и даже слова не доходили до нее, но она была очарована ярким светом, « ангельским » пеньем, как она говорила, одним словом « торжественностью ».

Несмотря на притягательную силу, которую я испытывал в монастыре, у меня не было желания стать монахом. Мать это знала и нашла окольный путь, чтобы привести меня в монастырь. Чуяло, видно, материнское сердце, что не удержать ей при себе своего младшего сына « с живыми глазами ». Уж если суждено ей расстаться со мной, думала она, так пусть лучше он будет служить Богу и, кто знает? может Бог найдет его достойным стать ходатаем за своих грешных родителей. Они не заслужили Его милости, потому что они жили в мире, в котором нельзя не грешить.

Это произошло во время Великого поста, вскоре после масленицы. Большие морозы прошли. При оттепели мать могла ехать одна со мной в Воронеж, не боясь замерзнуть в дороге. Если случится метель, можно было спастись от нее, совершая путь только днем или же остановившись в защищенном месте, выжидая пока она не уляжется.

Однажды мать мне говорит : « Завтра, Ваня, мы с тобой поедем в город. Я хочу отдать тебя в певческую школу. Говорят, что там берут мальчиков и учат пенью бесплатно. » Сказано-сделано. На следующий день мы с матерью поехали в город.

В Воронеже в это время было три монастыря : два мужских и один женский. Последний назывался « Девичьим монастырем ». Самым известным был Митрофаньевский монастырь*. В нем обретались мощи святого Митрофания, епископа, во время управления паствой которого Петр Великий основал в Воронеже кораблестроительную верфь. Корабли должны были завоевать Азов, принадлежащий туркам. Святой Митрофаний сохранился в памяти народной не только, как помощник Петра Великого в борьбе с басурманами*, но и как непоколебимый защитник простого народа от всяких притеснений. Он был ходатаем за него перед всеми сильными мира земного и перед самим строгим, нередко жестоким царем Петром. Своей благочестивой жизнью и своим заступничеством за простой народ он еще при жизни снискал популярность, всенародную любовь и почитался за святого. Позже в этом монастыре жил постоянно епископ, управляющий воронежской епархией. В годовщину кончины святого Митрофания* совершался крестный ход с его мощами вокруг монастыря. В Воронеж стекалось бесчисленное множество паломников, приходивших из самых отдаленных мест России. Эти паломники разносили славу о нем повсюду. После его кончины заменил его епископ Анастасий, он приезжал один раз в наше село.

В другом мужском монастыре*, ничем не отличавшемся от многочисленных монастырей, разбросанных по всей « Руси Великой », жил викарный* епископ, преосвященный* Владимир, большой любитель церковного пения. Он сделал много для своего монастыря, организовал в нем школу пения, которая приобрела большую известность в церковных кругах.

О существовании этой школы мать узнала от своих приятельниц-монашек. Для поступления в эту школу мать и привезла меня в Воронеж. Ее мечта была, чтобы видеть меня не просто певчим церковного хора, но и монахом. Я же был совсем не расположен к монашеской жизни. Поступить же в певческую школу я был согласен. Мое заветное желание было учиться, уйти от жизни нищеты и темноты, пробиться к свету знания. Но куда идти ? В какой школе учиться ? Для меня это не имело значения. К тому же я и не знал, что существуют разные школы, и учат там разным предметам.

Мы с матерью пришли в монастырь утром. Мать спросила у первого встретившегося нам монаха, где находится певческая школа. Он нам объяснил, как туда пройти. Придя в школу, мы узнали, что школы больше не существует, так как преосвященный Владимир переведен в другую епархию и увез с собой всех учеников своей школы. Монах, рассказавший нам об этом, показал нам комнаты, в которых жили ученики, и трапезную*.

Мать была очень огорчена сообщением монаха. Не менее был огорчен и я. В комнатах и трапезной была безупречная чистота ; комнаты были светлые, веселые. Кровати, оставшиеся в таком виде, каковыми они были во время пребывания учеников, покрыты светлыми чистыми одеялами. На них лежали подушки в белоснежных наволочках. Вокруг была тишина и благолепие. Мне все это очень нравилось. Мне казалось, что эта неудача навсегда лишает меня возможности вырваться из моей родной среды. Мое будущее опять покрылось мраком неизвестности. Я не знал, что нужно было ждать еще полтора года до его наступления.

Монах, видя нас опечаленными, посоветовал матери обратиться к регенту* хора Митрофаньевского монастыря. « Может быть, – сказал он, – там примут твоего сына. » Совет монаха успокоил мать, и, недолго думая, она решила сейчас же идти со мной к регенту. Он принял нас очень любезно, выслушал внимательно просьбу матери и пригласил меня пройти с ним в другую комнату, где находилась фисгармония. Он начинает играть и просит меня спеть несколько песнопений под его аккомпанимент. После этого испытания он говорит моей матери : « Голос у твоего сына очень хороший, но он плохо знает ноты. С ним еще много нужно поработать, чтобы научить его хорошо петь. Если я его приму в свой хор, то пока научу его петь, у него к этому времени начнет меняться голос, пока не установится окончательно голос взрослого. Все это время он будет непригоден для моего хора. Значит, моя работа с ним будет бесполезной для меня. Поэтому я беру в свой хор очень маленьких мальчиков. Я обучаю их пению два-три года, но

потом они поют у меня несколько лет. Поэтому-то я и не могу принять твоего сына. »

Когда мы вышли от регента, мать, не говоря мне ни слова, ведет меня к игумену монастыря. Игумен принимает нас очень любезно и спрашивает мать, зачем мы к нему пришли. Только тогда я понял, что мать решила отдать меня в монастырь в послушники*. Игумен внимательно выслушал ее, наблюдая за мной испытывающим взглядом. Перед ним стоял крестьянский мальчик, « живой с темно-коричневыми глазами », как называли меня в селе, с выражением испуга на лице. Я никогда не узнал имени этого игумена, но до сих пор я остался глубоко благодарным ему за его проницательность и за слова его, сказанные матери : « Твое желание очень похвально и угодно Богу, матушка, заговорил он. Но монашеский подвиг очень трудный. Сын же твой слишком молод. Для него этот подвиг может оказаться непосильным. Один Бог ведает, что в жизни предназначено для твоего сына. Жизнь его, можно сказать, только начинается, и для него еще не потеряно время для поступления в монастырь. Пока же пусть он еще поживет среди вас. Я, мать, сам поздно пришел в монастырь. Я был женат, у меня было двое сыновей. Они кончили университет. Когда они окончательно устроились, мы с женой решили уйти из мира и начать монашескую жизнь. Я поступил в мужской монастырь, а она – в женский. И так теперь доживаем свой век в молитвах и в служении Богу. Тебе, мать, нравятся монашеские службы, благолепие церквей. И ты думаешь, что в монастыре легче вести богоугодную жизнь, легче замаливать* грехи. Ты думаешь, что монахи ближе к Богу, чем вы, миряне*. Это верно. Но помни и то, что даже в монастыре много соблазнов греховных и устоять против них могут только крепкие духом и глубокой верой. Не думай, что монахи лучше защищены против козней* дьявольских, чем вы, миряне. Ты видишь, что наш монастырь обнесен очень высокими стенами, а все-таки через них перелезают, уходят тайком, чтобы провести ночь в грешном миру. Высокие стены не служат непреодолимым препятствием для вкушения запрещенного плода. Нет препятствий для запрещенных поступков даже в самих стенах монастыря. Есть здесь и карты и вино. И нет тех сил, которые могли бы воспрепятствовать карточной игре, питию вина, если Бог оставит на произвол судьбы волю монаха. Подумай мать, обо всем, что я тебе сказал и не неволь своего сынишку. Пусть он подрастет и, когда сделается взрослым, сам решит, сможет ли он вынести монашеский подвиг, исполнить данный Богу обет. »

С каким облегчением и радостным чувством я выходил из кельи отца игумена ! Точно из тюрьмы выходил я на свободу. Мать же, напутствуемая благословением игумена, шла рядом со мной, погруженная в великое раздумье, и я не мог угадать, жалеет ли она о том, что не сбылось ее желание – видеть меня монахом, или же подчинилась она воле Провидения.

Опасность быть отданным в монахи миновала меня, но попытка матери сделать это еще более усложнила мою жизнь в крестьянской

среде. По возвращении из города мать рассказала соседям, зачем она ездила со мной в Воронеж, и какие неудачи постигли ее там. Вскоре об этом узнали все. Одни сочувствовали матери, другие отнеслись к ним насмешливо. Сочувствие выражалось матери, а не мне. Насмешки же все были направлены на меня. Больше всего в них изощрялись девчонки. Полусерьезно, полушутливо они прозвали меня « монахом ». Я стал их козлом отпущения. В их шутках часто чувствовалась злость. Я стал для них чужаком : я был чтецом псалтири по покойникам и получил незаслуженное прозвище « монах ». Эти два качества не соответствовали настоящей жизни крестьянина. Молодые девушки боялись связывать свою жизнь с таким парнем. Поэтому они сторонились меня, неохотно принимали в свою среду.

После неудачной поездки с матерью в город я еще острее почувствовал свое отчуждение от карачунской среды и еще больше стал думать о том, как бы разбить цепи, сковавшие меня, пробиться к знанию, к учению. Но я был одинок в своих думах. Мать согласна была отпустить меня из отцовского дома только в том случае, если я захочу переменить жизнь крестьянскую на духовную, т.е. церковную. Отец же совсем не желал отпускать меня из семьи. Но направить меня на церковный путь мог бы только священник. И тогда я мог бы поступить в духовное училище и учиться бесплатно, но он отказывался помочь мне в этом, так как учение в духовном училище он считал привилегией детей духовного звания. Для крестьянских детей в них, по его мнению, места нет. Итак никто не мог или не хотел помочь мне, хотя бы советом, чтобы найти выход из моего положения. А что же мог придумать крестьянский мальчик, которому еще не было пятнадцати лет, окруженный невежеством, а также враждебностью своих родителей, не понимавших желания оставить семью для учения. Убежать ? Невозможно, так как родители имели право с помощью властей найти меня и возвратить по этапу* домой. Я же больше всего боялся быть арестованным и доставленным по этапу в свое родное село. В то же время я и не знал, где я мог бы найти пристанище. Итак я оставался жить чужим в своей родной семье и это продолжалось еще более года.

Мне самому трудно было верить, что моя жизнь изменится и моя мечта осуществится.

Я еще верил тогда глубоко, что земля держится на трех китах и что под землей находится ад, а на небесах – рай. Если идти по земле все дальше и дальше вперед, то можно дойти до глубокой бездны, где находится геенна огненная, в которой вечно мучаются грешники. Таков был уровень моих познаний по естественной истории, мое представление о мироздании, когда мне исполнилось 16 лет. Такое же представление о мире было и у моих товарищей-сверстников.

В один из праздничных, очень жарких июльских дней мы с товарищами сидели и беседовали. Солнце пекло нещадно, в земле можно было яйца печь. Черепки от разбитых горшков, разбросанных вокруг нас, жгли нам голые ноги, когда нечаянно на них наступишь. Нестерпимая жара длилась уже довольно долго и наводила уныние на все население и даже на животных. Такие дни располагали на размышления и на разговоры о конце света, о пришествии на землю Антихриста. В это время мы уже знали содержание Апокалипсиса* и принимали все изложенное в нем в буквальном смысле. Нам были известны знаки, возвещающие конец света. Об этом я и вел беседу со своими товарищами в этот день неподалеку от главной дороги. Мы пытались найти способ определения признаков, которые должны были, по нашим понятиям, предшествовать Апокалипсису, и изыскивали меры, ограждающие нас от смущения нас Антихристом в тот момент, когда в земле начнут появляться расщелины – последнее знамение перед наступлением конца света.

В этот момент мимо нас проходил наш сельский писарь. Увидев меня, он сделал мне знак подойти к нему. Он сообщил мне, что получил бумагу, в которой сказано, что можно поступить бесплатно в фельдшерскую школу в Воронеже. Для этого достаточно только выдержать экзамен. « Если ты хочешь поступить в эту школу, приходи ко мне, и я тебе объясню, что для этого нужно сделать ». От этих слов писаря у меня помутилось в голове. Я даже не помню, поблагодарил ли я его за такую радостную для меня весть. Одно лишь хорошо я помню : в один миг я забыл свой разговор с товарищами и опрометью побежал домой.

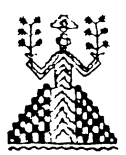
Войдя в избу, я сообщил отцу и матери о моем разговоре с писарем и заявил о моем решении поступить в эту школу и о том, что больше в Карачуне оставаться не хочу. Мать рассердилась, а отец ее поддержал, заявив, что « от добра добра не ищут », что дома у нас не очень плохо живется. А что из учения моего выйдет, – этого никто не знает. Родители повторяли мне, что среди порядочных людей нашего села никто не оставлял свою родину. Рождались, жили и умирали в своем родном углу. Ни один любящий сын не оставлял своих родителей, что я – самый смышленый и самый грамотный, брат же мой даже читать не умеет. Я должен быть поддержкой и опорой своих родителей, защитником их в старости. Поэтому-то они не могут отпустить меня, дать свое благословение и согласие на мое намерение учиться и заняться другим ремеслом, а не горшечным.

Мои стремления, мое желание открыть другой мир были им чужды и непонятны. Но на этот раз мое решение было так же твердо, как и их сопротивление. Я им заявил, что если они меня не отпустят добровольно, я все равно уйду от них в город и поступлю в трактир половым. Мать почувствовала, что на этот раз я исполню свою угрозу и заплакала. Отец же ничего не сказал, и его молчание было для меня многозначительно. Весь вечер они о чем-то совещались между собой тихим голосом, но о поступлении в фельдшерскую школу со мной

больше не заговаривали. На следующий день, утром мать сообщила мне, что они согласны отпустить меня, но не в школу, о которой я им говорил, а в другую, в Коневскую. Притом мать обещала даже сама сходить в эту школу и разузнать, что нужно, чтобы поступить в нее. Для меня не имело никакого значения, в какой школе я буду учиться. Лишь бы можно было учиться, кроме того у меня не было выбора ; я знал только церковно-приходскую школу, в которой я обучался началам грамоты, чтению и письму ; имел я некоторое понятие о духовном училище, где учились два сына нашего священника. Дальше этого мои познания о школах не шли. Я не мог судить, чем отличается фельдшерская школа от школы для детей духовенства. Какая из них дает больше преимуществ ? Какое обучение понравится мне больше ? Я не знал. Поэтому сейчас же согласился попытать счастья попасть в Коневскую школу. Семейный мир был восстановлен.

Я не чувствовал, что одержал победу, но понимал, что принятое решение имело огромное значение для моего будущего. Моя угроза наняться в трактир половым принудила моих родителей дать свое согласие ; крестьяне считали эту работу постыдной и позорной не только для того, кто нанимался служить половым, но и для всей его семьи. Это отвращение, граничащее с ненавистью, объяснялось тем, что оно морально портило человека, ставило полового в унизительное положение, вынуждая его присутствовать (как они говорили) при богомерзких сценах. По мнению крестьян нашего села ничего нет на свете хуже должности полового. Вот что сломило сопротивление моих родителей.

Через несколько дней после этого исторического для меня дня, мать пошла пешком в Коневскую школу и принесла оттуда программу конкурса для поступления в нее.

Коневская школа официально называлась « Низшая сельско-хозяйственная Конь-Колодезская школа »*, организованная незадолго до этого в бывшем поместии наследников знаменитого адмирала Сенявина, сподвижника Петра Великого. Она находится в 32 верстах от нашего села и существует, кажется, и в настоящее время. Я имел о ней самое смутное представление. Не большее представление о ней имела и моя мать. Она знала только, что в этой школе учился сын старшины нашей волости. Отличался же он тем, что был гармонистом. Он приезжал в наше село во время трех больших базаров : один на масленицу и два других на престольные праздники. Под звуки его гармони плясали девушки.

Почему мои родители решили, что лучше будет, если я поступлю в эту школу, – мне неизвестно. Можно только предполагать, что они руководствовались соображениями морального порядка : в городе

слишком много греховных соблазнов, от которых трудно будет мне уберечься. Сельско-хозяйственная же школа, на берегу реки Дона, находилась в сельской обстановке. Она была даже далеко от сельского поселка, так как ближайшее от нее село находилось в трех верстах. Таким образом, я буду вдали от городских соблазнов, думали они. И в то же время она ближе к нашему селу, и мое отсутствие для них будет менее чувствительной потерей. К тому же они надеялись, что по окончании школы я вернусь под отцовский кров.

В программе, принесенной из школы матерью, было указано, что конкурсный экзамен для поступления в школу бывает раз в год, во второй половине сентября. Экзамен состоит из диктовки по русскому языку, из решения задачи по арифметике на все четыре правила простых действий и из устного экзамена по этим же предметам и по Закону Божьему. При подаче прошения на допущение к конкурсу нужно было представить метрическое свидетельство*, свидетельство об оспопрививании и свидетельство об окончании первоначальной школы.

Мать возвратилась из школы успокоенная. Ей понравились и местность и люди, с которыми она разговаривала. По ее словам ее принял самый главный начальник школы, т.е. управляющий. На самом же деле это был младший служащий школы, писарь Тихон Иванович. Он не отличался большим умом и походил скорее на затравленную мышь, но был действительно человеком мягким и приветливым. На мать он произвел хорошее впечатление. « Встретил меня, – рассказывала она, приятный, обходительный господин. Я объяснила ему, зачем пришла. Он мне сказал, что́ нужно представить для поступления в школу. Я ему сказала, что боюсь забыть все это. Он меня успокоил и дал вот эту бумажку и говорит :, « Возьми ее и покажи учителю. Он прочитает ее и скажет тебе, что надо делать. »

Не теряя времени, на другой же день я пошел к фельдшеру за удостоверением об оспопрививании. Он жил в 10 верстах от нашего села, и, к счастью, я застал его дома ; он выдал мне сейчас же необходимое удостоверение и никакой платы не взял. Труднее дело обстояло дальше. Учитель был в это время уже другой, он меня не знал. Он согласился подготовить меня к экзамену, но потребовал за свой труд 5 рублей. Священник согласился выдать мне метрическое свидетельство, но нужно заплатить за него 3 рубля. Все вместе представляло очень большую сумму для нас. Таких денег у нас не было. Мать нашла, что требование учителя было справедливым. Требование же священника она считала несправедливым : ведь я столько сделал для него при отправлении служб и треб (свадьбы, похороны, крестины, соборования). Она не хотела понять, что поп тут не причем, что я заменял не его, а дьячка, что он не обязан отказываться от следуемой ему платы за свидетельство. Она считала, что попу следовало бы выдать мне это свидетельство, если не бесплатно, то, по крайней мере, за доступную для нас сумму. Но поп смотрел на это иначе и не хотел отказываться от своих прав. Он не оказал нам даже и кредита и потребовал уплатить

ему всю сумму в момент выдачи метрического свидетельства. К счастью, более покладистым оказался учитель : он согласился на то, чтобы мои родители платили ему по частям или тогда, когда смогут. Благодаря ему, денежный вопрос разрешился благополучно. А чтобы заплатить попу, пришлось прибегнуть к займу.

Итак, после пятилетнего перерыва, я опять приступил к учению. Исправно хожу заниматься к учителю, а дома сижу целые дни за грамматикой русского языка, за решением задач, учу наизусть стихотворения. Многое перезабылось со времени окончания церковно-приходской школы. Многое нужно было восстанавливать в памяти и в то же время готовить новое, то, что требовалось по программе. У моего учителя не было достаточных знаний, чтобы хорошо подготовить меня. К тому же у него не было ясного представления о том, что требовалось для экзамена. А времени у меня было мало : меньше двух месяцев. Нужно было напрячь все силы. Случайно, можно сказать по наитию, был выбран верный путь. С учителем я, главным образом, писал диктовки, а дома большую часть времени посвящал арифметике и Закону Божьему. Никогда потом в жизни я не работал с таким напряжением. Еда, сон и домашние заботы перестали иметь свое значение. Все окружающее меня перестало существовать, кроме моих учебных книг и тетрадей.

Приближался день отъезда на конкурс. За несколько дней до этого случайное желудочное заболевание чуть не погубило все мои надежды, не лишило меня возможности попытать счастья. Острая боль в животе, увеличивающаяся с каждым днем, однажды ночью сделалась нестерпимой. Я катался по полу, не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать спокойно ни на боку, ни на животе, ни на спине. За несколько часов ужасных страданий я сделался неузнаваем. Никто из семьи в эту ночь не спал. Глубокой ночью, в один из моментов отцу и матери показалось, что я умираю. Отец побежал за священником просить его прийти исповедовать меня и причастить. Брат пошел за знахарем.

Еще до рассвета пришел священник, исповедовал меня и причастил. К этому времени боли как-будто стали уменьшаться, но заметного облегчения я еще не чувствовал. После священника пришел знахарь. Он принес с собой какую-то жидкость, над которой он пробормотал несколько неразборчивых слов. Он дал мне выпить немного этой жидкости. Теперь, вспоминая вкус этого питья, я думаю, что в нем были, вместе с чем-то другим, квасцы. Только в конце утра боли заметно уменьшились, я почувствовал себя лучше и заснул. Но следы от проведенной мучительной ночи оставались еще заметными для моих близких. Мои родители никогда не смогли забыть эту ужасную ночь, а я помнил ее до самого дня отъезда на конкурс.

Сентябрь был в этот год очень дождливый ; дороги сделались почти непроезжими, – настоящая трясина. Даже для сильной лошади, запряженной в пустую телегу путь был очень трудным. Для нашей же слабосильной лошади это было совсем невозможно. Пришлось попросить соседа одолжить нам лошадь.

Поехала со мной мать. Она уже знала, где точно находится школа, к кому нужно обратиться по приезде. В то же время она хотела видеть, как ее Ваня будет держать экзамен.

Из тридцати двух верст пришлось проехать пятнадцать по вязкой дороге, чтобы выехать на шоссейную дорогу. Нам нужно было выехать из дому ночью, задолго до рассвета. Я оказался единственным, приехавшим в самый день экзамена. Одни приехали за день до экзамена и поселились в ближайшем селе Конь-Колодезск. Они приготовились к конкурсу у учителя русского языка и арифметики, преподававшего эти предметы в школе. Другие приехали за несколько дней до экзамена. Многие успели перезнакомиться между собой, освоиться с обстановкой, в которой проходит конкурс. Многие из них были уже, что называется « тертые калачи ». Почти все эти кандидаты были городскими жителями и осваивались быстро в любой среде.

В домотканных, набивных* портках, в рубашке, по крестьянскому обычаю, с тесемчатым поясом, с длинными волосами, подстриженными в кружок*, я резко выделялся всем своим обликом среди кандидатов. К тому же я был очень застенчив и после письменного экзамена не решился ни с кем из них заговорить, расспросить об экзамене. Среди них в особенности выделялась одна группа. Они все время держались вместе, чувствовали себя свободно, о чем-то оживленно разговаривали между собой, что-то обсуждали. Это были, как я потом узнал, мальчики из села Репное, находившегося вблизи уездного города Задонска. Они учились в Земской начальной школе, и их бывший учитель русского языка и арифметики был теперь переведен в Конь-Колодезскую низшую сельско-хозяйственную школу. Он стал давать частные уроки мальчикам, окончившим Репнойскую школу и желавших поступить в Конь-Колодезскую школу, конечно за плату. Поэтому-то некоторые кандидаты приехали в село Конь-Колодезск за несколько месяцев до конкурса.

В первый день экзамена, утром, была диктовка. Днем была нам дана очень длинная задачка по арифметике. После письменных испытаний все кандидаты выходили из школы очень возбужденные, обменивались своими мнениями о диктовке, о задачке. Только я один ходил .молчаливо среди этой оживленной толпы, прислушивался к тому, что говорят другие. Я не мог отдать себе отчета, преуспел ли я в письменных испытаниях.

Мы с матерью провели ночь в людской*, где нас приютили на ночлег и позволили даже остаться там и на следующий день.

Устные испытания начались на другой день около часа дня. До самого вечера мы с матерью сидели в зале в ожидании, что меня вот-вот вызовут. День клонился уже к вечеру. Зажгли лампы ; непрошенных

кандидатов оставалось уже немного, а меня все не вызывают и не вызывают. Я начал беспокоиться. Я решил, что меня просто забыли, а напоминать о себе экзаменаторам я не осмеливался. Говорю о своих сомнениях матери и прошу ее пойти спросить, почему не вызывают меня. Мать подходить к одному из экзаменаторов, но я не слышу их разговора. Меня то терзают сомнения, то возвращается надежда. Наконец мать возвращается на свое место и говорит мне : « Ты хорошо написал диктовку и правильно решил задачу. Поэтому тебя освободили от устного экзамена по этим предметам. Спросит тебя еще только священник по Закону Божьему. Ты должен идти в другую комнату, рядом, где экзаменует священник ». При этом известии мое сердце наполнилось радостью. Теперь я уже знал, что экзамены я выдержал. Священную историю, молитвы и даже богослужения я знал лучше многих семинаристов. В этот момент я воспрянул духом и понял, что большое счастье выпало на мою долю. И действительно можно сказать без преувеличения, что в ответах священнику я блистал. Законоучитель, отец Андрей Никитин, от моего чтения церковно-славянского текста был в восторге. Он начал расспрашивать меня : где я получил свои знания ? в какой школе я учился ? Узнав, что я кончил церковно-приходскую школу, он пришел в умиление, вероятно от мысли, что только церковно-приходская школа могла дать мне такие знания. Он так расчувствовался, что тут же (что называется, « на поле брани ») возвел меня в чин школьного дьячка, т.е. сказал мне, что я буду выполнять обязанности дьячка во время молебнов и всенощных в стенах школы. На литургию же ученики школы ходили в сельскую церковь.

Результаты конкурса были объявлены поздно вечером. Из 90 кандидатов были приняты 30, среди них я прошел вторым и был принят стипендиатом Воронежского губернского Земства. Я узнал, что в школе существовало пять таких стипендий, и они давались автоматически пяти первым принятым по конкурсу кандидатам. Стипендия означала, что меня будут кормить, одевать и учить бесплатно во время всего обучения в школе. Без стипендии я не мог бы поступить в нее, так как учение и содержание стоили 100 рублей в год, т.е. 400 рублей в течение четырех лет пребывания в ней. Мои же родители могли бы платить не больше 10 рублей в год. Если бы я не получил стипендии, мое место досталось бы другому. Утешением моим было бы, что я все же был не хуже других.

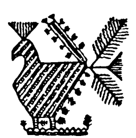
В школе я освободился от чувства быть чужим среди других слоев, подданных « Белого Царя » (распространенное выражение на азиатском Востоке). Итак я мог продолжать учение бесплатно, без каких-либо протекций. Я разбил оковы, преодолел все преграды, без советов и помощи со стороны кого бы то ни было. Сознание, что счастье упало мне с неба, появилось у меня в этот же памятный и знаменательный для меня день и не покидало меня в течение всего мого пребывания в школе. В ней я провел самые счастливые четыре года моей жизни. Все, о чем я пишу, может теперь показаться наивным, детским, упро-

щенным, но для меня эти годы были открытием, с которым до сих пор мне не приходилось встречаться. Все, что совершалось за пределами крестьянской жизни, принимало в моих глазах важное значение.

Для крестьян, по летам,я был почти взрослым, молодым опытным парнем. По культурному же уровню развития я был еще ребенком, дикарем, перед которым все являлось в новом свете. Можно сказать, что на этот раз мне посчастливилось. Получить стипендию, не имея никаких связей в школе при недостаточной подготовке к экзамену, могло вскружить мне голову. Но крестьянская голова не подвержена головокружениям. Она у него и хозяин, и слуга, и рабочий. Крестьянин привык к ней с рожденья и с детства.

Я сейчас же заметил, что моя мать не радуется моему успеху. Я чувствовал, что она испытывает больше гордости, чем радости. Позже я узнал, что мой успех не произвел в нашей семье того действия, какое было бы в другой семье. Видя, что моя мать возвращается одна, мой отец разрыдался как ребенок. Я никогда не видел его плачущим, но в этот вечер он не смог удержаться от слез. Он понял, что для них я пропал навсегда, и плакал как по покойнику. До возвращения матери он еще надеялся, что я не выдержу экзамена, но его надежда рассеялась, и он был ошеломлен.

Занятия в школе начинались 1-го октября, а до этого оставалось еще больше двух недель. Выдержавшим конкурс предоставлялось право уехать на это время домой, каковым большинство и воспользовалось. Оставались только те, которые приехали из очень отдаленных уездов или из других губерний. Для нас с матерью вставал вопрос : вернуться домой, а через две недели опять ехать, т.е. просить кого-нибудь одолжить лошадь, что связано с расходами. И мать предложила мне остаться в школе, прибавив : « Что-ж, видно, ты теперь для нас отрезанный ломоть »*. И слезы заблестели у нее на глазах...

Шестнадцатилетним юношей я поступил в приготовительный класс сельско-хозяйственной школы, т.е. в возрасте когда другие, более счастливые дети привилегированных классов или дети городских жителей заканчивают среднее образование и мечтают о поступлении в университет или в другое какое-либо высшее учебное заведение.

Я же в этом возрасте даже плохо читал по-русски или не понимал того, чтó читал. Я читал лучше по церковно-славянски. В 16 лет я начал жить, как живут в культурных семьях маленькие дети, но в менее благоприятных условиях. У маленьких детей все впечатления, подобно фотографической пленке, впитываются, как гигроскопическое вещество впитывает в себя окружающую влагу. Эти дети удерживают слова, жесты, понятия, мысли, не рассеивая своего внимания на заботы, беспокойство и волнения. С таким опозданием началось мое умствен-

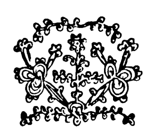
ное развитие. Во время пребывания в школе не только началось мое умственное перерождение, но и физическое развитие. В школу я поступил хилым, изнуренным малярией. С переменой места, в школе я освободился от этой болезни в первый же год моего пребывания.

Я снял с себя крестьянскую одежду и надел форму школы. Я ничем не отличался от всех других учеников и все же я еще был чужаком среди них.

Социальное происхождение было очень разнообразным. Большинство было из крестьянской среды, но были ученики и из зажиточных семей. Было много из городского мещанства, а также сыновей экономов, писарей, старост, заведующих полевыми работами у крупных помещиков и даже сыновей обедневших помещиков. Несколько учеников были из дворянских семей. Они тоже отличались и своим образованием и культурным уровнем. Думаю, что в это время я был единственным, вышедшим из церковно-приходской школы. Были и неудачники, выгнанные из Военной школы, был сын помощника прокурора Воронежской губернии. По его словам, его выгнали за то, что он швырнул свои калоши в лицо одного из своих преподавателей. После этой истории решили, что он больше пригоден для земледельческой профессии.

Представители разных социальных слоев вносили свои характерные черты в жизнь и традиции школы. Они влияли на косную и мало-культурную массу. Установленные правила и дисциплина были одинаковы для всех учеников и формировали их на один образец. Но были и другие факторы, другие течения, которые действовали на психологию и поведение учеников. Я заметил это и решил держаться очень осторожно.

Чтобы утешить мою мать, я отдавал ей все мои похвальные листы. Она их бережно складывала и радовалась как ребенок. Я оставлял себе книги, полученные мною в награду в конце учебного года или по другому поводу. Так началась моя первая библиотека.

В школе нас остригли ; всех одели и обули одинаково. Так исчезло социальное различие. Летом мы носили коричневую блузу из грубого холста, черные легкие штаны, заправленные в голенища сапог, и поддевку из грубого же серого сукна. Головным убором служил картуз на серой суконной подкладке. Зимой – блузу и штаны из грубоватого же серого сукна, а верхней одеждой служил нагольный* полушубок из белой овчины мехом внутрь ; на голове – шапка на серой суконной подкладке с вязанным околышем* вокруг головы. Обували нас и зимой и летом в грубые кожаные сапоги, а вместо носков выдавали нам портянки*. Для меня и эта одежда и обувь казались « аристократическими ». Это ощущение вызывалось не только тем, что я сравнивал

ее с грубой крестьянской одеждой, но еще и потому, что я освобождался от внешнего облика крестьянина, и тем самым не вызывал у других обычно презрительного отношения к одетым в « крестьянскую шкуру ».

Но среди нас были и настоящие аристократы : сыновья дворян, городских чиновников и служащих помещичьих экономий. Они были недовольны школьной формой, в особенности, зимней. Они говорили, что она похожа на арестанскую. Чтобы доказать, что это так, небольшая группа смельчаков, при возвращении зимой из отпуска в школу, сделали такой опыт. Один из них, сняв шапку и держа ее дном вниз, пошел по вагонам собирать подаяния для пересыльных арестантов. Его товарищи, не снимая шапки, молча следовали за ним. Русский народ всегда был жалостливый ко всем « несчастненьким », к которым они причисляли и арестантов. Подаяния начали щедро падать в протянутую шапку проказника. Пройдя так два вагона, шутники испугались и проскользнули в один из дальних вагонов. Они были очень довольны собранной суммой и, приехав в школу, рассказали о своей проделке своим товарищам, а потом о ней узнали и учителя и управляющий школой. Она не тронула сердце администрации школы, и форма осталась прежней.

Но у меня и не было такого чувства к школьной форме. Она меня совершенно удовлетворяла, к тому же я о ней и не думал. По сравнению с крестьянской она была для меня скорее изысканной. Мне не приходилось сравнивать ее с чем-то другим, потому что для меня школьная среда, в которой я очутился была высшим обществом. Да у меня и не было случая проникнуть в другое общество.

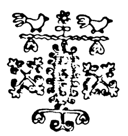
Возрастного различия между нами и не чувствовалось. По правилу в школу принимали детей не моложе 14 лет. Мне было 16. Но были среди нас мальчики и 15 лет, а одному было даже 21. Этот великовозрастный парень, как и я, возымел желание « грызть гранит науки ».

Вот история этого парня. Отец его умер, и он жил с матерью, у которой он был единственным сыном. Мать, по его рассказам, была женщиной твердого характера и держала его в строгом повиновении. Она решила, что в его годы пора ему жениться и обзавестись семьей. Как он ни отказывался от женитьбы, мать заявила, что быть так, как она желает, и больше ни в какие рассуждения вступать не хотела. Приискала она ему уже и невесту, уговорилась с ее родителями, и был уже назначен день свадьбы. Видя, что матери ему не убедить, в один прекрасный день он убежал из « материнского дома ». Он знал о существовании низшей Конь-Колодезской сельско-хозяйственной школы : два мальчика из его села уже окончили ее, а два других готовились к конкурсу для поступления. Более 300 верст (320 километров) отделяли его от этой школы. Он проделал это расстояние частью зайцем по железной дороге, но чаще пешком. Придя в школу, он явился к управляющему школой и рассказал ему всю свою историю, не утаив и того, что он убежал из дома от женитьбы, от невесты и о своем страстном желании учиться. Управляющий был тронут его рассказом и дал

разрешение преподавателю по ремеслам (он же был и заведующим мастерскими) принять его учеником в мастерские на полное содержание школы. Так, работая в мастерских, он готовился к конкурсу для поступления в школу. В год моего поступления, он и был принят в школу. Потому ли, что он был уже « слишком стар » или по каким-либо другим причинам, несмотря на его упорные усилия, наука ему давалась с большим трудом, и результаты у него получались плоховаты.

Я хорошо помню нашего законоучителя*, отца Андрея Никитина. Мы его очень любили, потому что он был добрый и к тому же снисходительный к нашим слабостям. Его снисходительность была, быть может, преувеличена и переходила границы дозволенного, но это не имело никаких неприятных последствий для нас. У него был особенный взгляд на дисциплину и на Закон Божий. Он нам не объяснял того, что было в учебнике, но беседовал с нами о вопросах, изложенных в нем. Благодаря этому методу преподавания, мы все усваивали лучше, чтó такое Закон Божий. Для него это было самое главное.

Спрашивая учеников, он никогда не ставил отметок в классной тетради. В этой тетради был список всех учеников класса в алфавитном порядке. Для каждого предмета было отведено несколько страниц, где ставились отметки за все письменные работы и устные ответы. Чтобы поставить среднюю отметку за семестр (их было два), о. Андрей руководствовался двумя принципами : первый касался общей характеристики ученика, второй – каждый ученик, будучи христианином, не мог получить менее 2 3/4 (на 5) по Закону Божию. Это была самая низкая отметка, которую он мог поставить. Поэтому-то никогда не было переэкзаменовок по этому предмету. Слабым ученикам не приходилось беспокоиться.

Здоровая местность, чистый воздух, регулярная жизнь, хорошее, хотя и простое, но достаточное питание, отсутствие утомляющей городской обстановки, вредной для души и тела, классные занятия, чередующиеся с умеренной разнообразной работой с ноября до конца апреля, выполнение всех сельско-хозяйственных работ во время полевого периода укрепляли и развивали наше тело. Общение с природой благоприятно влияло на мораль.

С неукоснительной точностью было распределено время нашей жизни, и в то же время в ней не было того однообразия, в каком проходит жизнь учащихся в других учебных заведениях.

Зимой мы вставали в 7 часов утра. Полчаса полагалось на приведения себя в порядок, полчаса на завтрак, а с 8-ми до 12 часов – классные занятия. Между 12-тью и 2-мя часами мы обедали и отдыхали, а с 2-х до 6-ти часов работа по нарядам, вне классов : одни в мастерских (столярной, слесарной, механической), другие – в кузнице, третьи – заняты

разными сельско-хозяйственными работами : на току молотили, очищали намолоченное зерно ; в хранилищах перебирали корнеплоды и клубнеплоды, столовые и кормовые ; на скотном дворе и в конюшне ухаживали за скотом, на огороде подготовляли парники к ранней выгонке* в них всякой зелени, ухаживали за растениями в теплице.

В 6 часов мы собирались все в столовой, где проводили четверть часа за чаепитием, после чего до 7 часов мы распоряжались своим временем по нашему желанию. В 7 часов мы собирались опять в столовой для ужина, а потом расходились по классам и до 10 час. готовили уроки к следующему дню. В 10 часов общая молитва перед сном. После молитвы, примерно, через полчаса или три четверти часа тушился свет, и мы, официально, должны быть все в постели и спать до 7 часов утра.

Распорядок летнего дня был иной. С наступлением полевых работ классные занятия прекращались. Возобновлялись они во второй половине октября. С мая и до конца доброй половины осени ученики были заняты весь день разнообразными физическими работами. Вставали в этот период в 4 1/2 часов утра. В 5 часов они были на местах работы, наряды на которые вывешивались накануне с вечера. Так ученики и узнавали, кто и на какую работу назначен на следующий день. В 7 1/2 часов завтракали. Работающие в мастерских, в кузнице, на току, на пчельнике, на скотном дворе, в саду и на огороде завтракали в столовой школы. Работающим же в поле, на отдаленном расстоянии, завтрак привозился в бидонах на места работ.

При работе с лошадьми или с волами кончали работу в 11 часов утра, а после обеда начинали ее в 3 часа дня. Кончали свой рабочий день в 7 часов вечера. Другие работали утром до 12 часов дня, т.е. до самого обеда и после него начинали работу в 2 часа вечера. Кончали они свой рабочий день в 7 часов вечера. В 9 часов был ужин, а в 10 часов, как и в зимнее время, молитва перед сном, и, официально, ученики укладывались в постель.

Но природа вечером столько заключает в себе чарующей прелести, а сил молодых хватало и на работы и на то, чтобы наслаждаться природой. Невозможно было устоять против соблазна нарушить установленное правило. Соблазну помогала и обстановка. Двери школы не закрываются на ночь ; окна спальни остаются также открытыми настежь. Многие выносили свои кровати в садик, который прилегал к стене школы, и спали под открытым небом. Можно ли уследить при таких условиях, кто лег и кто не лег в назначенный час. Но школьное начальство и не пытается следить за этим. Оно знает, что ее воспитанникам некуда уйти : школа находится на отдаленном расстоянии от ближайшего села, и там нет ничего такого, что их притягивало бы. Поэтому оно не мешает им наслаждаться природой в вечерний час. Лишь немногие укладываются спать в положенный час. Большинство же после молитвы разбредается в разные стороны. Одни идут купаться в чистой донской воде, другие гуляют среди полей и лугов. Танцоры собираются на излюбленном перекрестке дорожек среди молодого

леса, чтобы оттанцовывать положенный себе час. Мечтатели гуляют в одиночку или парами по красивой березовой аллее, ведущей из школы на большой шоссейный тракт, поверяют друг другу свои планы на будущее.

Тихий вечер. В природе тишина и покой, который нарушают одни кузнечики своей стрекотней, да иногда одинокие трели соловья. Случайно как-то один откуда-то залетел и обосновался здесь, услаждая слух обитателей школы. Соловьи не водятся в окрестностях школы : им негде вить своих гнезд ; лесов в окружности нет, а школьное древонасаждение еще очень молодо и не успело привлечь их к себе.

Школа находится в 52 верстах от губернского города, в 32 верстах от уездного. До ближайшего села – около 2-х верст.

По северной части границ ее владений идет шоссейная дорога, связывающая Воронеж с Москвой. В летнее время она очень оживленная ; по ней движется беспрерывный поток людей : богомольцы в убогом одеянии, в лаптях, с котомками за плечами, поселяне ближайших сел шествуют пешком. Другие едут на лошадях. В этом потоке встречаются разные люди : крестьяне, едущие в уездный город по своим надобностям, торговые люди, начальствующие лица, помещики и служащие в их родовых имениях. В определенный час проходит дилижанс, связывающий Воронеж с Задонском, а также почтарь, указующий на то, что и этот заброшенный край находится в общении с другим миром.

« Коневская » школа – лучшее время моей жизни. Она приобщила меня к культуре, связала со всем народом России, приоткрыла завесу, и моему взору предстали миры, не существовавшие для меня до этого. В ней я познал многое из того, что для меня было загадкой. В ней, впервые в своей жизни, я утерял чувство отчужденности, которое отдаляло все крестьянство от других классов. В это время я еще не знал о существовании теории классовой борьбы, о пропаганде, прививающей чувство ненависти к угнетателям народа и о необходимости беспощадной борьбы против классового врага.

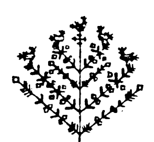
Выходцы из разных слоев русского народа мы представляли настоящее бесклассовое общество. Мы все были равны. Дети крестьян и мещан не чувствовали над собой превосходства детей баронов, дворян и разного служилого люда. Мы все были одинаково одеты и обуты, выполняли одинаковые работы, спали на одинаковых постелях, ели из одного котла. Мы все были равны перед школьными законами. Нас учили познавать окружающую нас жизнь в пределах начертанной программы, приучали к сельским работам, к тому, как использовать лучше дары природы, извлечь больше хлеба насущного из « матушки-сырой земли ». Все было организовано так, что теоретическое обучение не находилось в противоречии с практической работой, а последняя не мешала осваивать элементарные знания по сельско-хозяйственным наукам.

Приближались выпускные экзамены* в школе. По установленным правилам весенние экзамены не включали все предметы. Некоторые экзамены происходили осенью, после сбора урожая главных зерновых в середине сентября. Но те, кто готовился к конкурсу для поступления в среднее сельско-хозяйственное училище имели право держать все экзамены весной по всем предметам. Ученики, окончившие низшую сельско-хозяйственную школу могли представиться на конкурс среднего сельско-хозяйственного училища* или же низшего лесного училища. Мой товарищ Семен Иванов готовился как раз к этому конкурсу. И в той и в другой школе учение было платным.

Земство не предоставило ни одной стипендии* в эти школы. Поэтому-то я и не имел намерения готовиться к этим конкурсам, попытать счастья продолжать учение.

Но видя, что мои товарищи, готовились к этим конкурсам и твердо верив в то, что они будут приняты, я решился в последнюю минуту выставить свою кандидатуру на конкурс в среднее сельско-хозяйственное училище.

В принятии этого решения сыграла роль следующая причина : свидетельство об окончании низшей школы выдавалось только после годового стажа в каком-нибудь помещичьем имении и после представления отчета об этом стаже.

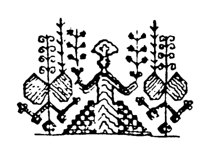

Когда управляющий школы узнал о моем приеме в среднее сельско-хозяйственное училище, сейчас же ему пришла мысль организовать вечер в мою пользу. Вечер оказался очень удачным, сбор превзошел все ожидания. За покрытием всех расходов по его организации была получена сумма, обеспечивающая полуторагодовую плату за мое содержание в среднем училище. Устройство вечера было сделано без моего ведома, и такой подарок был полной неожиданностью для меня. Эта неожиданность вызвала во мне необдуманный и неуместный с моей строны поступок : движимый гордостью своей я счел себя обиженным тем, что управляющий школой сделал это без моего согласия. Не задумываясь над тем, что ждет меня в дальнейшем, я сейчас же отослал деньги обратно в письме к управляющему с объяснением моего отказа. Совет школы решил собранные для меня деньги дать другому ученику, имя которого стояло на дополнительном листе. Мой глупый поступок отчасти искупился тем, что помог одному из недостаточных учеников воспользоваться собранными деньгами. Многие жертвователи, как оказалось, остались недовольны решением педагогического Совета : они хотели помочь именно мне, а не другому, незнакомому для них ученику. Этот пример показал мне какую большую роль играют в жизни чувства симпатии и антипатии, не согласованные часто со здравым смыслом и объективностью.

Мой жест, к счастью, прошел благополучно для меня. Вскоре инспектор Мариинского училища в Саратове сообщил, что мне дана стипендия Министерства Земледелия. Таким образом, мое шестилетнее учение и содержание в училище было обеспечено. Я оказался в числе избранных судьбой : бесплатное учение и содержание в училище избавляли меня от забот о насущном хлебе, одежде и крове.

Только лишь в возрасте 20 лет (1902 г.) я поступил в среднее сельско-хозяйственное училище, в то время как другие оканчивают свое образование. Предо мной открывалось светлое будущее.

В течение двух первых лет, без всяких усилий, я был первым учеником с годовой отметкой 5 (высший балл) в первом году и 5- (пять с минусом) – во втором. 1904-ый год был катастрофичным : педагогический Совет поставил мне « 3 » за поведение.

Мечты, мечты,
Где ваша сладость ?

Пушкин.

Каким выглядело среднее Мариинское сельско-хозяйственное училище ? Березовая аллея, начинавшаяся у самого главного корпуса училища, тянулась почти на версту. В этом корпусе размещались : канцелярия, классы, столовая и общая спальня учеников, рассчитанная на 120-130 пансионеров. Главный фасад этого корпуса украшали стройные, высокие, пирамидальные тополя, завезенные сюда прежними владельцами из более южных стран. В местных лесах этой породы деревьев не было. Против здания и красавцев-тополей, по ту сторону дороги, находились другие строения училища и был разбит сквер, перерезанный аллеями желтой акации вперемежку с шиповником и кустами роз. За сквером находился участок молодых древесных насаждений, посаженных уже нашим училищем. После березовой аллеи шла большая дорога, соединявшая Москву с Воронежем. Когда-то она была первой дорогой, связующей столицу с более южными городами : Тула, Орел, Курск и Воронеж. Отсюда шли пути к донским казакам. И днем и ночью, в летнюю и зимнюю пору, беспрерывным потоком тянулись по этой шоссейной дороге (крестьяне произносили : « шаше ») обозы с разными товарами, передвигались войска, скакали курьеры и ямщики во весь опор. А летом она еще больше оживлялась паломниками, перемещавшимися с ранней весны и до самой осени. Одни шли поклониться мощам Святителя Тихона Задонского, другие – Святителю Митрофанию Воронежскому. Этим же путем прогонялись из южных степей в столицу бесчисленные гурты скота. С развитием железнодорожной сети шоссейная дорога утеряла свое былое значение.

В то время, о котором идет речь, она приняла характер почти проселочной дороги, по которой предпочитали ездить в зимнее время, в метель, и в весеннюю распутицу, когда плохое состояние дорог мешало ездить в телеге или в санях. Ее предпочитали также летом в дождливую погоду. Почтовый тарантас* и дилижанс ездили по ней, развозя почту и пассажиров между Задонском и Воронежем, так как еще не было здесь железной дороги.

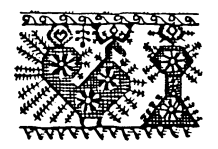

Новые товарищи в первую очередь посвятили меня во все тайны, которые не всегда были известны административному и педагогическому персоналу, но которые имели иногда первостепенное значение для установления взаимоотношений между этим персоналом и учениками.

Среди преподавательского персонала был законоучитель : худой, высокий, жгучий брюнет, весь облик его обнаруживал сурового, жестокого аскета. По окончании им Духовной Академии*, начальство назначило его в наше училище для исправления учеников, для борьбы с крамольным духом, которым они были заражены, и для наставления их на « путь Истины ». Эту борьбу и исправление он вел своеобразными методами, следуя не евангельскому духу, а чисто полицейскими мерами : снижением отметок строптивым ученикам, несмотря на их прекрасные знания по Закону Божию, доносами школьному начальству и своему внешкольному духовному высшему начальству. Нужно сказать, что роль его была незавидной и положение трудное. Училище издавна отличалось своим вольным духом и, несомненно, являлось одним из очагов, откуда просачивались в народные массы революционные идеи.

Мы были молоды, болели душой за народ и готовы были жертвовать не только своим положением, но и свободой и даже жизнью. Страдания, мучения и лишения, грозившие нам на этом пути, нас не пугали. К тому же мы были наивны как всякая молодежь, верили в победу справедливости над несправедливостью, правды над кривдой*. Наши сердца и ум заражались немецким идеализмом, а некоторые наши отечественные писатели, печальники* народные задумывались над этими вопросами или исповедовали сами эти идеи.

В своих же действиях мы вдохновлялись примерами Великой Французской Революции. Нашими любимыми героями были герои, боровшиеся за свободу, за освобождение народа от рабства. Мы находили их в романах Войнича* и Шпильгагена* и во французских романах. В своих действиях мы подражали героям-марсельцам романа Эркмана-Шатриана* в котором один крестьянин отправился на помощь парижскому восставшему народу. По их примеру мы и поступали.

В училище, среди товарищей, я познакомился с Сенькой (Семеном) Ивановым, который скоро стал моим другом. Он принадлежал к семье мещан. Его родители были купцами, два его брата уже окончили школу. И он поступил в нее как бы по традиции. От своих братьев он уже знал, чему в ней обучают, какие там порядки и как нужно в ней себя держать. К тому же среди учеников одного из старших классов был ученик из того же села, в котором Сенька жил со своими родителями. Братья Сеньки, хотя и не блистали способностями в школе, но и не были последними по успешности в науках. Поведения же они были всегда отличного. Таким образом, его фамилия была уже известна экзаменаторам конкурса, что и облегчило его поступление в среднее сельско-хозяйственное училище. Он не претендовал ни на какую стипендию, так как его братья, окончив свое образование, могли платить 100 рублей в год за его учение и полный пансион.

Благодаря знакомству Сеньки с учеником из старшего класса, он оказался сейчас же под защитой этого ученика и избежал многих неприятностей, которым обычно подвергались новички, вроде меня, со стороны старшеклассников.

По традициям училища новички, поступившие в приготовительный класс, становились буквально рабами старшеклассников. По установившемуся обычаю, старшие царили над учениками второго класса. Наиболее нахальные выбирали себе среди них свои жертвы и превращали их в своих слуг, которые были обязаны чистить их сапоги, ходить в кухню за кипятком, выполнять за них работы, возлагаемые поочередно на группу учеников для поддержания чистоты в помещении, и выполнять также разные поручения, иногда рискованные, за которые полагались наказания, вплоть до исключения из училища. Отказываться от выполнения этих поручений было невозможно. Жалобы же начальству рассматривались как доносы, и доносчики наказывались уже « по-серьезному » : им устраивали « темную », то есть на наказываемого набрасывали исподтишка одеяло и подвергали побоям. Избиваемый не видел, кто его бил, и не мог опознать своих мучителей. Кроме того, все его сторонились, и никто с ним не разговаривал. В общежитии – это самое страшное наказание : жить среди людей и чувствовать себя отвергнутым, презираемым и окруженным общей враждебностью.

Почему установился такой обычай ? Никто не знал. Для меня он был чуждым. Крестьянская среда его не знала, он был неприемлем для меня. Я попал в подчинение неумного и злого ученика. Его « опекунство » надо мной началось в первый же день моего поступления в училище. Вечером он подошел к моей кровати, вытащил из-под тюфяка все доски, а тюфяк сбросил на грязный пол. На полу я и провел

свою первую ночь в распоряжении своего « благодетеля ». К счастью для меня, на следующий день была произведена перестановка кроватей, и моим соседом оказался Сенька. Это обстоятельство сыграло большую роль в моей школьной жизни.

Сенька познакомил меня со своей семьей, и мы с ним очень близко сошлись и полюбили друг друга братской любовью. Благодаря помощи его покровителя, я скоро освободился от своего мучителя.

Через год эти рабовладельческие обычаи были совсем изгнаны из школы. Вот как это произошло. Когда мы перешли из приготовительного класса в первый (в России в большинстве училищ и гимназий классы обозначались в восходящем порядке. Эта система существует и до сих пор), в приготовительный класс поступила группа учеников, детей служащих одного крупного имения, расположенного в южных уездах Воронежской губернии. Эти новички знали друг друга еще до поступления в училище. Они вместе готовились к конкурсу и в школе оказались тесно-спаянной группой. Они первые начали борьбу против системы преследований. Все они отказались подчиниться своему « хозяину ». Чтобы защитить своих « хозяев », прибежали ученики старших классов, поборники* рабства. Произошла жестокая драка. Некоторые были серьезно ранены. Наш класс встал на сторону взбунтовавшихся. К нам присоединились все остальные ученики приготовительного класса. Таким образом, ученики двух классов вступили в борьбу против угнетателей, которые не хотели сдаваться и отказываться от своих « прав ». Борьба достигла такого напряжения, что в схватках прибегали к оружию – кинжалам, сфабрикованным из напильников, украденных из механических и слесарных мастерских.

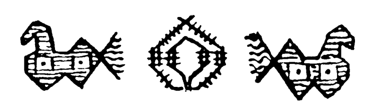
Наконец вожди обеих сторон осознали опасность таких стычек, так как дело могло кончиться смертоубийством. Они собрались и решили :

1 - отменить обычай подчинения учеников приготовительного класса старшеклассникам ;

2 - обезоружить всех, у кого имелось оружие, которым можно было нанести тяжелое ранение противнику.

Для выполнения последнего пункта вожди решили выбрать время, когда все ученики находились обычно на огородных работах, и в помещении оставалось только несколько дежурных учеников, поддерживающих чистоту и не принимавших участия в борьбе. Они открыли все сундучки, вынули из них оружие и выбросили его в пруд.

Так были уничтожены старые обычаи. Мир воцарился в школе, и ученики зажили единой семьей.

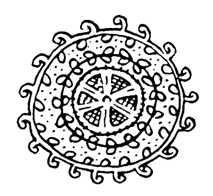
Однажды к нам назначили нового преподавателя-надзирателя. Он пришел на смену того, который снискал уважение всех учеников и оставил нас не по своей воле. Новый надзиратель попал к нам по реко-

мендации нашего законоучителя. Он был, вероятно, из неокончивших духовную семинарию, хотя и вышел из бедной семьи, принадлежавшей к духовенству. Весь его вид обличал его происхождение : маленького роста, тщедушный, очень застенчивый и неловкий в своих движениях. С первых же дней своего появления он вызвал у нас антипатию. На него была перенесена часть вины в увольнении его предшественника, в чем, конечно, он был не виноват. С другой стороны, его невзрачность не способствовала смягчению враждебного отношения к нему учеников. С обязанностью надзирателя на него было возложено также и преподавание русского языка и литературы. Последнее обстоятельство поставило его в еще более уязвимое положение. Как надзиратель, впрочем, своими правами он не пользовался, но его мирный характер только усиливал враждебное к нему отношение учеников.

Скоро ученики стали прибегать к плохим шуткам. При обходе им спальни ему давали пройти до ее середины и с этого момента начинали обстреливать его сзади то с одной, то с другой стороны картошкой, гнилыми яблоками, арбузными корками. Кончалось тем, что он должен был с поспешностью оставить обход и укрываться от нападения в коридоре. Но худшее испытание ожидало его при наступлении учебного года. Городские ученики занесли в школу свои навыки причинять боль человеку, издеваться над ним. Они были неизвестны и чужды ученикам, выходцам из деревни. Один из способов причинять боль и был применен к нашему надзирателю.

Двое учеников взялись осуществить злую шутку. Оба были городскими жителями. Один – не окончивши уездного училища, оставил его во 2-ом классе ; другой – из губернского училища. Воспользовавшись случаем, когда один из них был дежурным* по классу, они воткнули в сиденье преподавательского стула несколько иголок. Бедный учитель, ничего не подозревая, сел на стул и, как ужаленный тысячью пчел, вскочил и выбежал с криком из класса.

Весь преподавательский персонал был потрясен. В класс вошел сам управляющий и продержал нас целый час. Мы простояли все это время за партами. Он то усовещал нас, то угрожал, требуя чтобы мы назвали имена виновников. По уходе управляющего началось обсуждение, так как знали, что такой бесчеловечный поступок не может остаться безнаказанным. Весь класс соглашался в том, что наказанными должны быть только виновные, и в то же время никто не хотел быть доносчиком на них, поэтому было вынесено решение, что они сами должны пойти и сознаться, если хотят сохранить товарищеское отношение к ним класса. Один из них, главный виновник категорически отказался принести повинную*. Но другой – не выдержал : он пошел и признал себя виновным ; к тому же он назвал и своего сообщника. Это печальное происшествие кончилось исключением навсегда из школы того, кто не признал себя виновным, и исключением на два года, признавшего свою вину.

Я стал революционером, не занимаясь изучением экономических и политических вопросов, не принимая участия в политических спорах. Меня принудило к этому то, чему я был свидетелем с детства. Я наблюдал несправедливость высших, правящих кругов по отношению к низшему классу, в особенности, к крестьянству. Я столкнулся с такой же несправедливостью и в школе. Естественно, что я стал непримиримым борцом за справедливость. В выборе этого пути у меня не было никаких сомнений, и я отказался от блестящего будущего и от счастья продолжать учиться. Я кинулся со всей пылкостью молодости в эту борьбу и стойко отвечал на брошенный мне вызов со стороны некоторых учителей.

То было время, когда молодежь легко приносила в жертву все свои личные чувства, свое благополучие и даже жизнь на служение обществу. Все свои силы расходовала она на борьбу против несправедливости, на защиту « униженных и оскорбленных ».

Наша школа была возбуждена. Первопричиной этого брожения была выдача жандармам, по их приказанию, нашей библиотеки, созданной на средства учеников.

В школе была старая заржавленная пушка. Легенда говорила, что она сохранилась со времен Пугачевского бунта* и досталась в наследство школе. Кому предназначались пушечные ядра ? Никто не знал. Пользовались ею раз в год, на Пасху. Накануне ее втаскивали на колокольню, привязывали веревками и заряжали примитивным способом. Одному их сторожей поручали зажечь фитиль, чтобы выстрел произошел в тот момент, когда священник провозгласит на паперти : « Христос воскресе из мертвых... » Никто не ручался, что пушка выстрелит именно в нужный момент. Иногда выстрел совпадал точно, а иной раз позже или раньше. Но выстрел все-таки раздавался, и тогда пушка с невообразимым грохотом катилась вниз по лестнице колокольни.

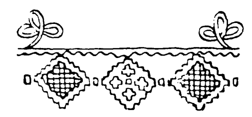
Вот эту-то пушку группа учеников, занимавшаяся приготовлением оружия, решила приспособить для военных нужд. Нашли крестьянина, согласившегося пожертвовать два старых колеса от водовозки и другой материал, из которого и сделали лафет. Втащили пушку на чердак школы и поставили ее против слухового окна. Вообразили, что она будет служить для защиты возможной осады школы.

Мы выпустили наш первый журнал, и кончилось это тем, что арестовали меня и некоторых моих товарищей. Мы провели две недели в полицейском участке, без книг, без прогулок ; клопы и избиения в соседней камере. Потом нас перевели в Саратовскую тюрьму. Нас было несколько человек в камере. Там споры шли полным ходом. Между прочим, некоторые предлагали объявить голодовку.

Однажды, ровно в 12 часов ночи, как будто ветром отброшенная, распахнулась дверь нашей камеры, и в нее ворвались с пол-дюжины казаков. В один миг они заняли все стратегические пункты камеры. За ними вошли : прокурор Судебной Палаты* и сам губернатор П. А. Столыпин*. Сзади них, не входя в камеру, стояли начальник и помощник тюрьмы, смотря испуганно и в то же время с любопытством внутрь камеры. Когда Столыпин переступил порог, он остановился как вкопанный и не двинулся дальше ни на шаг. Своим зорким взглядом он окинул камеру и сейчас же заметил в моей правой руке перочинный ножик. « Взять у него нож ! » отдал он приказ властным тоном. Стоящий неподалеку от меня казак в одно мгновение исполнил приказ. Впрочем, у меня и в мыслях не было произвести покушение на кого бы то ни было или оказать сопротивление таким невинным оружием. Наоборот, нами было принято решение не входить в конфликт с начальством и не отвечать на провокационные действия с его стороны.

Мы допускали возможность избиения нас в этот вечер казаками и решили не давать им поводов для этого. Несмотря на наши опасения все обошлось « прилично », и я даже не был наказан за незаконное хранение у себя запрещенного оружия – перочинного ножика.

Я в первый раз видел так близко Столыпина. Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон – придавали ему вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии. Его поведение по отношению к нам (государственным преступникам, с его точки зрения) гармонировало с его физическим обликом. Диссонансом была только поспешность, с какой он отдал распоряжение отнять у меня ножик. В этот момент я почувствовал, что на одну секунду он испытал некоторый страх. Другим он мне представился, когда при посещении одной деревни, ударом ноги он выбил из рук крестьян, встретивших его, поднос с хлебом и солью, – символ русского гостеприимства.

В ожидании судебного разбирательства моего дела, меня отправили под надзор полиции по месту жительства, т.е. в Воронежскую губернию.

В Воронеже я познакомился с семьей Махновец, в которой три дочери и один из сыновей входили в революционный кружок. Там же я познакомился с Александром Ильичем Бакуниным, племянником

известного революционера-анархиста Михаила Бакунина*, друга и сотрудника Александра Герцена*.

Семья Бакуниных дружила с графиней С. В. Паниной. Когда А. И. Бакунин ближе познакомился со мной и узнал о моем положении, он написал обо мне Паниной, спрашивая, нельзя ли взять меня на службу в одно из ее имений. Мне посчастливилось : в одном из самых больших имений, в Валуйском уезде Воронежской губернии нужен был землемер, и мне предложили это место.

Поэтому в один прекрасный день я очутился в « старом хуторе », центре управления всеми огромными поместьями графини Паниной, которые занимали почти половину Валуйского уезда. Они тянулись на десятки верст и охватывали несколько больших сел и хуторов. Вышло так, что с давних времен некоторые крестьянские земли окружали земли графини Паниной или же близко соприкасались с ними. Еще совсем недавно площадь поместья представляла собой 40 000 десятин (десятина : 1,09 гектара). Часть земли была продана крестьянам, когда они еще были крепостными, дедом С. В. Паниной. Когда я приехал туда, в ее владении было 26 000 десятин. Они были разделены на земельные участки, называвшиеся хуторами, и ими заведывал главный управляющий. Главная администрация находилась в одном из этих хуторов, который назывался « старым хутором », потому что прежде в нем находилась барская усадьба. Здесь жил главный управляющий, его два помощника, главный бухгалтер с двумя служащими-счетоводами, ветеринар, который заведывал конным заводом, состоявшим из рысаков чистой крови, называвшихся « орловскими »*. На конском дворе было два рода рысаков : один – легкий, для верховой езды, предназначавшийся, главным образом, для армейских офицеров, другой – более тяжелый, для упряжки. Эти лошади употреблялись для троек и были знамениты своей красотой, быстротой и выносливостью. Они и поныне воспеваются в поэзии и в песнях.

На этом хуторе находился также рассадник крупного рабочего рогатого скота чистокровной украинской породы, серой масти и рассадник чистокровных мериносовых овец. Большие отары их доходили до нескольких тысяч голов. Часто их разводили и в других хуторах.

Здесь же были устроены большие ремонтные мастерские, где круглый год работало больше сорока постоянных рабочих разных специальностей. При управлении была начальная школа, которая содержалась на средства экономии Паниной, амбулатория и аптека, которыми ведал фельдшер под руководством врача, жившего при больнице в слободе Вейделевке. Врач принимал в амбулатории « экономических » больных в определенные дни. Случалось, что фельдшер оказывал первую помощь в ожидании приезда врача, если вдруг обнаруживалась серьезная болезнь или ранения во время работ.

В это время главным управляющим был Виктор Семенович Коган, бывший земский агроном Тверского уезда. Он был уволен, потому что его считали « красным ». Земство было разгромлено Министром Плеве*. Разгром этот наделал много шума. Тверское Земство по

своему составу было самым блестящим и влиятельным. Министру Плеве оно не нравилось : для него оно было слишком « радикальным », и он решил его распустить. Одной из наиболее влиятельных фигур в Земстве был Иван Ильич Петрункевич (1844-1928)*. Он был мировым судьей и председателем Съезда Мировых судей в Черниговской губернии, Земским губернским и уездным депутатом первой Думы (1906 г.) Тверской губернии, одним из учредителей конституционно-демократической партии (К.Д. = Кадеты)*. Он был одним из самых культурных лиц эпохи. С.В. Панина относилась к нему с большим уважением : он был ее отчимом (т.е. вторым мужем ее матери) и, в особенности, как к человеку выдающемуся. Так, благодаря этим связям В.С. Коган, как пострадавший от правительственного произвола, получил место главного управляющего громадных владений С.В. Паниной. В его распоряжении были 4 тройки, в которых все лошади были разной масти, экипаж, дрожки*, 2 лошади для верховой езды, но он ими никогда не пользовался из-за боязни. Для обслуживания было : 2 кучера, несколько доильщиц коров, пастух, человек для птичьего двора, а в кухне – повар и поваренок. Помещение для землемера находилось также на территории центрального управления, в старом хуторе. Там я и должен был бы жить. Но после смерти моего предшественника прошло больше двух лет, он не был никем заменен, и это помещение занимали уже другие служащие ; другого, свободного не было. И меня поместили в комнате, предназначенной для приезжих в экономию на короткий срок : поставщиков, скупщиков (зерна, шерсти, мяса), офицеров для осмотра конного завода и выбора лошадей для армии.

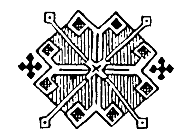
Я был молод, холост и к тому же я приехал в такое время, когда никаких земельных работ нельзя было начинать. Это было, если я хорошо помню, в конце января, в начале февраля. Главный управляющий попросил меня поселиться временно в большом селе Вейделевке, где имелось свободное помещение, состоящее из небольшой комнатки с кухней, оставшееся, по словам старожилов, от другой барской усадьбы в эпоху крепостничества.

Управляющий придумал для меня временное занятие : охранять лесные материалы, заготовленные для постройки новой больницы, и наблюдать за расходованием тех, которые брались для внутренней отделки этой постройки. Для обслуживания меня наняли кухарку, в обязанность которой входило : приготовление для меня пищи и содер жание в чистоте помещения. Так я оказался временно в должности сторожа строительных материалов, а пока еще не в роли землемера, так как сезон не позволял мне приступить к этой деятельности. У меня было много свободного времени, официально – никакой работы. Учет материалов производился другим лицом. Мне же оставалось только пойти на место, где они находились, чтобы сказать им « здравствуйте » и « прощайте », после чего оставалось лишь гулять целый день. Но для этого у меня не было никакого желания.

Я усиленно раздумывал, и передо мной возникало несколько решений, но я возвращался всегда к одному и тому же заключению :

нужно бороться против людей, создавших и продолжавших поддерживать ненормальные и несправедливые условия жизни. Необходимо разрушить систему, на которую опирается законный порядок. Бороться против этих людей и уничтожать несправедливость было возможно только при условии внедрять в массы необходимость совместной борьбы, создавая революционные группировки. Я пришел к этому заключению, основываясь на моем собственном жизненном опыте. Необходимо продолжать активную работу в народе, чтобы люди осознали свои права, независимо от того, где человек родился и к какой среде он принадлежал.

Эти основные вопросы мучили меня и днем и ночью. Как молотом били они по моему уставшему мозгу, и я не мог отвязаться от этих дум. Я был не в состоянии читать, да и не было у меня никаких книг. Я чувствовал сильное физическое изнурение и большую моральную усталость. Возможно, что это состояние было отчасти вызвано недоеданием (в течение нескольких месяцев до приезда в экономию графини Паниной я питался только раз в день и то не каждый день).

У меня появились сомнения в успехе борьбы против сторонников черносотенного движения*. Я опасался, что рано или поздно поле брани останется в руках этого движения. Но в данный момент вопрос о прекращении борьбы не вставал передо мной.

Управляющий экономией С. В. Паниной согласился с моими доводами и своим молчанием предоставил мне возможность вести целиком пропаганду за Крестьянский Союз*.

Как землемеру экономии мне полагалось иметь в моем распоряжении кучера и двух лошадей. Я этим правом почти никогда не пользовался и с самого начала отказался от кучера. Я ограничивался одной лошадью, которая, по моей просьбе, стояла в общей конюшне и должна была подаваться мне всякий раз по моему требованию.

Отказавшись от кучера-конюха, я этим устранял лишнего, нежелательного и постоянного свидетеля при своих беседах с крестьянами. Таким образом,я имел большую свободу и даже безопасность не только в своих передвижениях, но также и в сношениях с крестьянами. Это приобретало для меня большое значение, в особенности в такой острый период моей работы по пропаганде для создания Крестьянского Союза. Я работал, что называется « под носом » отряда казаков, квартировавших вместе со своим офицером в главном доме экономии.

Офицер столовался у главного управляющего и не раз говорил ему о том, что виновники беспорядков живут в управляемой им экономии и что следовало бы их укоротить « на голову ». Это был явный намек на меня. Иногда он прибавлял : « Так и придется сделать при первом же удобном случае, мои 'орлы' (т.е. казаки) так и поступят

с ними ». Чтобы не встречаться с ним за столом, мне пришлось отказаться от столования у главного управляющего и попросить приносить мне еду на квартиру.

Впрочем, в этот период я редко был дома в обеденное время : я находился все время в разъездах, уезжал очень рано и возвращался домой иногда поздно вечером. Я старался уезжать и возвращаться в разные часы. Таким образом я « заметал » следы своих отъездов и приездов.

По моему требованию подавалась моя запряжка. В ноябре-декабре это были двухместные дрожки или легкие санки. Лошадь бывала запряжена в десять минут. Через четверть часа я отправлялся в село, в котором назначено было в этот день собрание. И никто не знал, куда и по каким делам я уехал. Выезжая из экономии, я ехал не по той дороге, по которой мне нужно было ехать, а по другой, ведущей иногда в противоположную сторону. На настоящую дорогу я возвращался, когда я отъезжал на несколько верст от экономии, убедившись, что за мной никакой слежки не было, ни конной, ни пешей.

На этих сходах иногда много бывало и смешного и наивного, но случались и моменты драматические. Не раз моей жизни угрожала опасность.

Однажды ко мне приехали гонцы из села Саловки. В этом селе велась двумя молодыми учителями земской начальной школы « революционная » пропаганда. С появлением Всероссийского Крестьянского Союза учителя начали вести пропаганду за вступление крестьян в этот Союз. Уже был назначен день, в который должен был собраться сход для обсуждения этого вопроса. За день до схода учителя узнают, что вейделевский волостной писарь собирается прислать своих « молодчиков », выдрессированных им специально для взрывания сходов, организуемых « революционерами ». Учителя усомнились в своих силах, боялись, что победят на сходе их противники, и поэтому они просят меня приехать к ним на помощь. В первую минуту я заколебался. Риск был большой. Я встречусь впервые с моими противниками. Мне было известно, что их главарь ждал лишь удобного случая, чтобы убить меня, и, несомненно, приведет это намерение в исполнение, если сможет. Я задавал себе вопросы : не кроется ли в этом приглашении ловушка ? Смогу ли я спастись и выйти живым со схода в случае победы противников, повлиявших на крестьян ? В то же время, оставить без помощи учителей – значило увеличить шансы противников на победу, дать им возможность расширить поле их деятельности. Взвесив доводы за и против, я решил поехать туда.

Село Саловки, затерявшееся, как и все села в степи, находится в 10 верстах от экономии С. В. Паниной.

Я подъехал к школе пораньше с намерением повидаться с учителями до схода. К моему большому удивлению я увидел, что школа была уже набита до отказа, и много народу толпилось вокруг нее. Скоро все объяснилось : сход был назначен не в сборной* (о чем я не знал), а при школе. Многие пришли посмотреть на « экономиче-

ского » землемера С. В. Паниной, о котором они давно уже слышали, но не доводилось им видеть его. Другие пришли послушать, как этот землемер будет спорить с вейделевскими посланными волостного писаря. Среди присутствующих были также и посланные из других сел.

Сход получился необычайный. Вынесенные на нем постановления могли быть решающими как для Крестьянского Союза, так и для черносотенного движения.

Мой доклад о Крестьянском Союзе прошел почти до конца благополучно. Собравшиеся с напряженным вниманием выслушали его при гробовом молчании. В своем докладе я ни одним словом не коснулся ни политической стороны, ни отношения Крестьянского Союза к государственному строю, каким бы он ни был. Я чувствовал и знал, что этих вопросов нельзя затрагивать при первой встрече с чужими мне крестьянами. Кроме того, на этот раз мне приходилось быть сугубо осторожным даже в своих выражениях и в выборе слов, чтобы не дать повода противникам обвинить меня, что я против царя.

Перед присутствующими я обрисовал лишь экономическое положение и права крестьян. Я сравнивал их « земельный голод » с избытком земельной площади, которой владели правящие классы, но сами их не обрабатывали. Я обратил внимание, что крестьяне не могли даже принимать участие в решениях вопросов, касающихся их собственных местных интересов. Я подчеркнул неправильность того, что эти решения принимаются помещиками.

Всероссийский Крестьянский Союз – организация чисто крестьянская, в которой нет ни господь, ни богачей. Он добивается получения одинаковых прав для всех на землю и на участие в государственных делах. Землею же должны пользоваться все те, кто желает обрабатывать ее своими собственными руками. На этой-то заключительной фразе мои противники, посланные волостного писаря и открыли бой.

« Как ! – закричали они. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все, кто желает работать на ней, у тех же, кто владеет ею, но не обрабатывает ее сам, нужно ее отнять. Но царь имеет также много земли, что же и у него, по-твоему, нужно отнять землю ? Не верьте, братцы ему ! Вы слышите, он говорит хорошо, но он ведет нас, как и другие, к тому, чтобы вы поднимались против царя. А потом всю отнятую землю у помещиков отдадут жидам ? »

Опять наступило гробовое молчание. Казалось, что кто-то стукнул по темени всех присутствующих громадным молотком, и отнялся у всех язык. В этом зловещем молчании чувствовалось приближение грозы. Люди сидят или стоят как истуканы, и только тяжелое дыхание, отдельные вздохи указывают, что они – живые. Я догадываюсь, что они думают в эту минуту обо мне. « Вот какой он гад ! Этот землемер хотел нас заставить подписаться против царя, изменить нашему любимому Царю-Батюшке. Раздавить эту гадину ! »

Мое нервное напряжение достигает предельной точки, я чувствую, как колотится с перебоями мое сердце. Но внешне я остаюсь спокоен

и боюсь только одного : как бы не пропустить момента, чтобы мои противники или кто-либо из толпы не заговорил раньше меня и не превратил собрание в кипящий котел. Если я упущу этот момент, я потеряю доверие крестьян и, может быть, мою жизнь. Но в то же время я сознавал, что необходимо дать им время, чтобы они пришли в себя от нанесенного удара и освободились бы от неожиданной для них идеи, что я хотел их обмануть. Если они успокоятся, они смогут, выслушать внимательно то, что я им скажу. В нужную минуту я заговорил первым и был выслушан. Я почувствовал, что собрание, как взбудораженное море от налетевшего на него шквала, вдруг успокоилось, так же и мирное общение с толпой понемногу восстановилось.

Вскоре беседа возобновилась. Крестьяне начали делиться со мной своими размышлениями и сомнениями. Они сами заговорили о царе. Что же на них подействовало так успокаивающе ? Во-первых, мое спокойствие и владение собой. Во-вторых, даваемые мною простые объяснения.

« Меня обвинили », – заговорил я, прерывая молчание, в том, что я хотел вас обмануть и обманным путем заставить вас подписаться против царя. Обвинили меня в этом потому, что я сказал, что землей должны пользоваться только те, кто сам работает на ней. Мои обвинители говорят, что у царя много земли и что он ее также не обрабатывает сам. Поэтому они думают, что я за то, чтобы и у царя отнять землю. Ну, а если царь своей земли не захочет отдать, тогда, значит, нужно идти против царя ? Так они заключают, что я против царя. Что я могу сказать в свое оправдание ? Прежде всего, что я не говорил о том, что у царя нужно отобрать землю и что он не отдаст ее крестьянам. Наоборот, я думаю, что и свою землю он согласится отдать. Ведь вы сами все говорите, что царь ваш отец родной, а вы его дети. »

« Да, это верно ! слышу я голоса из толпы. Он наш отец, и мы его дети », – подтверждают голоса со всех сторон.

« Так какой же отец, – продолжал я, не подумает о своих детях и не захочет отдать им свою землю ? »

« Это верно ! », – слышу я опять голоса в толпе. « Отец должен отдать землю своим детям », – доносятся до меня голоса уже требовательным тоном.

« Кроме того, », – прибавляю я, его земли дают ему не очень-то большой доход. В руках крестьян они приносили бы больше пользы. К тому же он и не очень-то в ней нуждается. Вы знаете, что, по так называемому цивильному листу, он получает от государства 12-13 миллионов рублей. Это как бы его жалованье ».

В ответ на мою последнюю фразу я слышу чуть не единогласную реплику : « Да, он должен отдать крестьянам свою землю. А насчет жалованья, пусть не беспокоится, мы 'ашо' (вместо : 'еще', в местном произношении) прибавим ему миллион. »

Так была выиграна решительная битва, и противникам пришлось удалиться. Решение о вступлении села Саловки в организацию Всероссийского Крестьянского Союза было принято единогласно.

После пережитого в этот день я возвращался домой в приподнятом и радостном настроении. Забыты были и минуты грозившей опасности и все волнения этого дня. Выигранная битва в селе Саловки создала мне популярность в уезде. С этого момента установилось мнение, что я умею успокаивать толпу. Объяснение же было простое : я не боялся толпы. Я держал себя смело, не обращая внимания на провокаторов, не думая о грозившей мне опасности. Я старался своими доводами укрощать, т.е. успокаивать самых строптивых и возбужденных. Когда мне удавалось охладить задорных, присутствующие утихомиривались, и все кончалось спокойной и мирной беседой.

В последовавшую за этой победой субботу, ко мне приехали гонцы от священника села Тарабановка, отца Ивана Мерецкого. Они вручили мне письмо, в котором он писал : « Мне рассказали о Вашем выступлении в селе Саловки, и из того, что я уже слышал о Вас, я заключил, что Вы лучше, чем кто-нибудь другой, объясните моей пастве, что такое Крестьянский Союз и его цели. Я выписываю газету *Русское Слово** и слежу за этим движением. Я объясняю крестьянам все, что в ней говорится о Всероссийском Крестьянском движении. Но я многого и сам не совсем понимаю из прочитанного и поэтому не могу дать ответа на многие вопросы, какие задают мне крестьяне. Приезжайте, пожалуйста, и помогите нам разобраться во всем. »

Не колеблясь, я дал свое обещание приехать на созываемый сход и на следующий день к назначенному часу приехал в Тарабановку.

На этот раз я заранее знал, что сход назначен в школе, куда я и направился. Все были уже в сборе и поджидали меня. Отец Иван Мерецкий встретил меня очень радушно. Это был человек высокого роста и довольно грузный. Его высокий рост скрадывал его непомерную толщину, и потому, на первый взгляд, он казался скорее небольшого роста. Черты лица его были крупные, мясистые, но кроткое выражение его глаз сглаживало невыгодное впечатление при первом взгляде на него.

Я и раньше часто замечал, что среди такого типа людей скрывается золотое сердце. Таковым и был отец Иван Мерецкий.

Познакомившись и обменявшись несколькими словами, мы приступили к обсуждению вопроса, что такое Всероссийский Крестьянский Союз и нужно ли тарабановцам записаться в него членами.

До 1905 г. отец Иван жил мирной жизнью, не мудрствуя лукаво. Он был глубоко верующим, и все его поступки определялись заповедями Божьими, постановлениями отцов Церкви и предписаниями его высших руководителей. Любил он свою церковь, церковные службы и свою паству. И паства его уважала и любила за то, что он « жил в Боге » и учил ее, как нужно жить по-Божьи. Он был, что называется, либеральным пастырем. В выборе своей духовной пищи он не ограничивался только духовной литературой, *Церковным Вестником,* но интересовался и тем, что делается на свете Божьем. Чтобы знать эту другую жизнь, он и выписывал газету *Русское Слово.* О прочитанном делился со своей паствой в частных беседах и даже в церкви, с амвона.

Так его паства узнала значительно раньше крестьян других сел о Манифесте Николая II-го от 17-го октября 1905 г. Отец Иван прочел его своим прихожанам с амвона, как только получил номер *Русского Слова,* в котором он был напечатан, не ожидая извещения своего епархиального начальства о разрешении прочитать его пастве. Другие священники ждали разрешения своего духовного начальства, которое пришло через две недели, поэтому об этой большой вести они узнали гораздо позже. Они обвинили своих пастырей в сокрытии от них Манифеста.

Отец Иван не был республиканцем и не допускал возможности политического строя без царя. Он, как и его пасомые, продолжал любить его. Поэтому-то его и мучил вопрос : что сказать крестьянам об Учредительном Собрании, созыв которого требовал Крестьянский Союз ? Прихожане Тарабановки были лучше подготовлены к обсуждению этого вопроса, чем жители села Саловки, благодаря *Русскому Слову,* которое уделяло больше внимания крестьянскому движению, чем другие газеты.

Этими информациями и « питался » сам отец Иван и делился ими со своей паствой. Но не будучи подготовленным к общественной и политической деятельности, он многого не понимал и не усваивал. Следовательно, он не мог объяснить и примирить кажущиеся ему противоречия. Ему были понятны экономические цели Крестьянского Союза, он считал справедливым требование отчуждения земель помещиков и передачи их крестьянам. Но его начинали одолевать сомнения, как только он призадумывался над политическими вопросами. Да и в экономике многое казалось ему неясным ; каким образом можно осуществить это на практике ?

Вот почему он и сам горел от нетерпения встретить человека, который мог бы дать ему ответы на возникавшие у него неотступно вопросы. Но вернемся к нашему рассказу. На этом сходе также нужно было говорить с большой осторожностью, выбирать слова, которые не затрагивали бы их наивные и примитивные понятия о политическом строе, о их взаимоотношениях с административными и правительственными представителями.

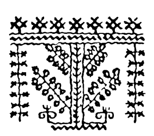
Неожиданности и здесь подстерегали меня. Среди присутствующих на этом сходе оказались опасные противники, хотя они и не были черносотенцами. Со времен основания Крестьянского Поземельного Банка* (в 1882 г.) для более зажиточных крестьян открылась отдушина : решение вопроса о малоземелье. При посредстве этого банка более мощные хозяева имели возможность покупать землю в полную собственность. Таким образом они освобождались от разных неудобств, присущих пользованию общественной землей, а также и от опеки « мира ». Одни из таких крестьян уже успели в это время превратиться в земельных собственников, другие мечтали быть таковыми, накапливая необходимые для покупки земли средства.

Моя деятельность усложнялась. Со стороны крестьян ко мне было дружественное отношение, что очень мне помогало. Их полное доверие ко мне, их признательность подтверждались на деле. Я видел и чувствовал, что их доверие было настолько сильно, что они были готовы немедленно откликнуться на мой призыв, отдать даже свою жизнь за меня. Все, кто хорошо знал меня, были готовы на полную самоотверженность.

Однажды был сход в селе Ураево. Беседовали о вопросах, связанных с организацией Крестьянского Союза, к которому примкнули ураевцы в результате моих выступлений. Во время схода прибежал гонец, чтобы предупредить о приближении отряда казаков. Воцарилось молчание. Присутствующие поняли, что казаки узнали о сходе и скачут, чтобы арестовать землемера, застав его на месте преступления. Помолчав немного, они решили, не колеблясь, помешать моему аресту. Самые энергичные заявили, что казаки скорее перешагнут через их трупы, чем смогут арестовать меня. Этот момент, когда крестьяне выразили свою привязанность и решение пожертвовать собой для моего спасения, был счастливейшим в моей жизни. Он вознаградил меня за все прошлые мучения и моральные страдания. И я понял, что мои усилия « на ниве народной » не пропали даром и даже принесли свои плоды. И в то же время я осознал всю ответственность по отношению к ним и все то, чем я им обязан. Если они были готовы пожертвовать собой, я тоже должен был их защищать. Во мне росло сильное убеждение, что я не должен подвергать их открытому столкновению с властями имущими, в особенности, с вооруженной силой.

Позже я узнал, что как раз по почину этих крестьян был предпринят « крестовый поход » в Валуйки с иконами, чтобы добиться нашего освобождения. (См. Приложение № 1.)

Я поехал в Воронеж для покупки оружия, чтобы отразить нападения черносотенцев. Погруженный в размышления, где я могу достать револьверы и патроны, шел я по одной из улиц Воронежа, не замечая ни проходящих, ни проезжающих. И вдруг какой-то внутренний толчок. Я вижу повозку, движущуюся мне навстречу. Она бросилась резко мне в глаза своим убогим видом. Она напомнила мне старенькую телегу, чиненую-перечиненую не один раз. Ее тащила низкорослая исхудалая до крайних пределов лошаденка, неопределенной масти.

При каждом толчке колес о булыжник мостовой она шаталась. Рядом с лошаденкой шел старичек. Он по своему виду составлял единое целое с повозкой : маленького роста, в заплатанном-перезаплатанном полушубке и в старой изношенной шапчонке. От проводника веяло такой же убогостью и безнадежностью, как и от самой повозки.

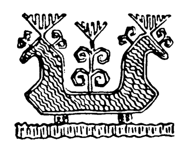
Эта повозка и ее проводник заставили меня забыть на минуту о том, почему я очутился сейчас на улицах Воронежа. Чувство протеста против существующего правопорядка всколыхнуло все мое существо и это чувство усилилось еще больше, когда я, вглядевшись пристальней в повозку, к своему огромному изумлению, узнал в проводнике своего отца. В телеге я узнал также ту самую телегу, которую однажды отец привез с базара, когда я был совсем маленьким ребенком. Какой она мне тогда казалась (такой в самом деле она и была) крепкой, красивой, с вырезанными рисунками на передке и на задке. Как приятно мне было взбираться на нее и сидеть подолгу, воображая, что она катится быстро-быстро по пыльной дороге, а я все погоняю кнутом воображаемую молодую, только что купленную кобылу. Но кобыла, конечно, существовала только в моем воображении, так как телега стояла незапряженной.

А какое было удовольствие по-настоящему ехать на телеге, в особенности поздней весной или в начале лета. Бежит молодая кобыла, весело помахивая головой. Телега катится по не совсем еще накатанной и еще не затвердевшей дороге от езды по ней. Небо ясное, солнце приятно согревает, но не жжет. И вокруг бесконечная степь. Разноцветная зелень усеяна местами разнообразными цветами. Все поля уже давно засеяны и как бы покрылись зеленым покровом. Рожь, пшеница, овес, просо и другие культуры еще не приняли своего окончательного цвета и различаются лишь по зеленым оттенкам. А над этим безграничным пространством слышно несмолкаемое пенье жаворонков.

Другой вид принимают поля в начале лета. Зеленый ковер сменился другими расцветками ; гречиха покрылась белоснежным покрывалом, рожь, пшеница и овес щеголяют своим серебристым или золотистым цветом, а горох все еще продолжает хвалиться своими причудливыми цветиками в форме бабочек. Гордо стоят, редко встречающиеся, точно солдаты на часах, подсолнухи, повертывая свои желтые диски навстречу солнцу. Все переменилось в полях, жаворонки умолкли, не слышно больше их трелей в небе. Только картофель не меняет своего одеяния. Он остается зеленым до конца, пока осенняя непогодь не собьет его гордости.

Но вот при другой обстановке катится телега, а мне также приятно трястись в ней. Дорога к этому времени высохла, разъездилась от частого движения. Земля окаменела, и колеса с трудом держались колеи при толчках.

Но крестьянское телосложение крепко сшито, оно не знает езды в рессорных экипажах (в народном произношении : « лессорных »). Крестьянин привык к своей тряской телеге и стойко выносит ее.

С быстротой молнии эти картины промелькнули перед моими глазами. Теперь передо мной предстала моя старая телега, только запряженная не той молодой кобылой, а другой, незнакомой мне лошадью, настоящей клячей. Постарела моя бедная, любимая телега, не узнать бы мне ее, если бы я не увидел своего отца, идущего рядом с ней. Какой отпечаток наложила на него жизнь ! Как он постарел ! Он превратился в неузнаваемого, почти чужого для меня нищего старика.

Одно лишь лицо сохранило остаток его былой красоты и некоторые знакомые, любимые черты. Передо мной был старик, представляющий символ всего страдающего крестьянства, всей нужды народа, доведенного до такого состояния существующим правопорядком. Он не потолстел, но уменьшился ростом, и в самой фигуре его появилась некоторая диспропорция. Его лицо, изборожденное морщинами хранило былое спокойствие, но в его жестах и движениях не осталось и следа прежней уверенности, которая была так присуща ему раньше. В нем чувствовалось какое-то смятение, беспокойство и даже страх. Страх перед чем ? Страх перед кем ? По какой причине ? Невозможно было догадаться. Но несомненно страх перед начальниками, прибегающими к суровым и карательным мерам, страх перед тяжелым завтрашним днем, страх за будущее своих близких, страх за любимого сына, покинувшего отцовский очаг, ушедшего неизвестно куда, мыкающегося по всему свету. Того сына, на которого возлагались все их надежды, который мог быть опорой в их старости.

Мой отец и сам не смог бы сказать, что́ его гнетет, что́ бессознательно отзывается в нем горькой полынью.

На борьбу против существующей власти я пожертвовал всем : лучшими жизненными условиями, достигнутыми ценою огромных усилий, открывавшейся передо мной блестящей карьерой. Теперь я рисковал своей жизнью.

Эта мысль возвратила меня к действительности и напомнила мне о цели моей поездки в Воронеж. Я не мог уделить своему отцу даже часика. Наша встреча на улице продолжалась не более 10-15 минут.

И поплелся он, бедный, со своей клячей со слезами на глазах от душевной боли и горечи. А быть может страдал он и от голода и от неутешной обиды, что его любимый сын не нашел возможности или не захотел провести хоть один часок вместе со своим отцом. И я глядел в безнадежной тоске на удалявшуюся его жалкую фигуру. И сердцу было так больно-больно, и не знал я тогда, что после этой мимолетной встречи я увижу отца и всех своих родных только через десять лет.

В городе мне нельзя было оставаться долго. Мне негде было приютиться, так как квартира моих друзей, у которых я мог бы перено-

чевать, оказалась оставленной. Они бежали, боясь нападения на них черносотенцев. Другие друзья также были в смятении, и я не мог прийти к ним с чемоданом, наполненным револьверами и патронами. Поэтому в тот же день я уехал со своей драгоценной ношей обратно в имение Паниной.

Вечером я приехал в Валуйки и нашел главного управляющего с семьей в отдаленном домике, предназначенном для служащих имения. Он рассказал мне, что предыдущей ночью Мащенко, помощник волостного писаря, занял со своей черносотенной бандой всю экономию. Их целью было : освободить экономию от крамольников. В первую очередь они искали поднадзорных*, т.е. меня и Ф. Романцева, конторского служащего. На листе числились также заведующий ремонтными мастерскими и главный управляющий (т.е. он сам), хотя они никогда никакой революционной работой не занимались и никем в этом не обвинялись. Управляющий не был уверен в том, что Романцеву и заведующему мастерскими удалось спастись, и считал их вероятнее всего погибшими. Что касается его самого, то ему с семьей удалось рано утром выехать на тройке из экономии, оставив все на произвол судьбы. Когда некоторые из его подчиненных заметили его отъезд, они погнались за ним, стараясь преградить ему путь на поперечной дороге. Он спасся, благодаря быстроте лошадей и преданности кучера. Последний, заметив погоню, погнал тройку во весь дух и таким образом сумел проскочить опасное место раньше гнавшихся за ними.

И сам управляющий и его жена находились еще под впечатлением пережитого и быть может поэтому уговаривали меня не ехать в старый хутор.

« Им, говорили они мне, вы помочь уже не можете, – они или уже убиты или им удалось спастись. Себя же вы обрекаете на верную смерть, возвратясь туда ».

Но мне было трудно поверить, что Романцев и заведующий мастерскими были убиты. У меня теплилась надежда, что им удалось где-нибудь укрыться, и они нуждаются в моей помощи. « Как, рассуждал я, у меня полный чемодан револьверов и патронов, а я останусь здесь с оружием, в то время, как в нем нуждаются другие ! » Для меня было невозможно прятаться, я должен оказать помощь находящимся в опасности.

Уговоры управляющего не повлияли на меня. Я решил ехать в экономию, попросил только его позволения воспользоваться его тройкой. Он согласился, и, не теряя ни минуты, я выехал из Валуек. По дороге кучер мне рассказал более подробно о том, что произошло прошлой ночью.

« Мащенко, – говорил он, – приехал из Вейделевки со своими хлопцами поздно ночью, и сейчас же они начали искать вас и заведующего мастерскими. Но, к счастью, его предупредили, и он с семьей успел уйти из своей квартиры и спрятаться в саду в ямах, предназначенных для посадки фруктовых деревьев. Молодцы обегали все места экономии и искали тех, кто мог спрятаться. Ходили они с фонарями и по

саду, но ночь была на редкость темная. И быть может потому им не удалось найти тех, кого они решили заранее убить. »

Надо сказать, что этот Мащенко, помощник волостного писаря, контора которого стала центром черносотенцев, был человек очень грубый, обладавший большой физической силой, и к тому же пьяница. Он заделался правой рукой волостного писаря, главой черносотенного движения. Он поставил себе целью уничтожить всех « крамольников », живущих в его волости. Он одержал неожиданную победу на сходе в Вейделевке, которая окрылила его надежды. И тогда он решил распространить свою деятельность и на другие волости.

Вот как прошел этот сход. Больница в Вейделевке содержалась на средства графини Паниной. Главным врачом был член партии социалистов-революционеров. После знаменитого Манифеста Николая II-го (17-го октября 1905 г.), обещавшего некоторые либеральные свободы, к врачу приехал его университетский товарищ, член Киевского Комитета социалистов-революционеров. Он решил организовать собрание крестьян в Вейделевке, на котором выступил с пропагандой программы этой партии. В своей речи он был крайне неосторожен в своих выражениях. Он не учел того, что крестьяне этого собрания еще не потеряли веры в царя, любят его, и всякое обидное слово, или кажущееся таковым, по отношению к царю оскорбляло их чувство и вызывало все растущее раздражение. Писарю не пришлось даже указывать на промахи оратора. Без труда он доказал, приводя выдержки из программы партии социалистов-революционеров, что эта партия идет против царя и хочет установить республику во главе с « жидами ». Собрание кончилось тем, что неудачливого пропагандиста прогнали вон.

После этого « исторического дня », в тот же вечер в квартире врача были выбиты все стекла, а самому врачу пришлось спасаться бегством со своим товарищем. Товарищ уехал в Валуйки, а врач нашел убежище в старом хуторе и рассказал нам всю историю.

Мне рассказывали, что после бегства пропагандиста волостной писарь пал на колени перед крестьянами, покаялся, что он был несправедлив к ним и причинил им немало зла. Но теперь он понял, что он должен быть их покровителем и защитником, в чем и поклялся головой своих детей. Крестьяне не были злопамятны : они простили ему все плохое, что он им сделал. Так писарь восстановил свое влияние на население волости и снова сделался полновластным хозяином.

После этого события пропаганда за Крестьянский Союз стала еще труднее.

Рано или поздно, это должно было случиться. Реакция победила. От октябрьского Манифеста осталось одно воспоминание. Обещания, возвещенные им, остались невыполненными.

Я был подготовлен ко всему. В конце декабря, возвратившись из Тарабановки, где я провел сход, я застал в своей квартире станового пристава, урядника и одного стражника*. Они уже давно поджидали моего возвращения, чтобы приступить в моем присутствии к обыску.

Конечно, они ничего не нашли. Пристав попросил меня подписать протокол обыска и потом заявил, что по приказу высших властей я арестован, и он должен препроводить меня в уездную тюрьму (в Валуйки).

Управляющий имением просил оставить меня на ночь под стражей в имении. Он боялся, что мне грозила опасность. Но его просьба не была уважена. Предварительно же меня должны были отвезти в Вейделевское волостное правление, где я должен был провести ночь. Это было поручено уряднику.

Крайняя ли усталость, неуверенность в том, останусь ли я жив в эту ночь, но я поддался потребности излить свою душу. Обращаясь к уряднику, я рассказал ему всю свою жизнь. Я говорил о положении крестьян, о том, что мною руководило и всегда будет руководить в работе по организации Крестьянского Союза. Я так увлекся излиянием своих чувств, что на время забыл о том, что со мной рядом сидит урядник и что меня везут в качестве арестанта в осиное гнездо моих смертельных врагов, что быть может часы моей жизни сочтены. Я взглянул на урядника и, к своему удивлению, увидел, что он плачет. Моя речь нашла отклик в его сердце. Мои слова напомнили ему, что ведь и он выходец из крестьян, что в детстве и он испытал те унижения, о которых я ему говорил, что часто он наблюдал несправедливость, которую приходилось терпеть и его родным и односельчанам.

Он рассказал мне все это, мне, арестованному, государственному преступнику ! Под влиянием моих слов у него проснулась крестьянская душа. Подъезжая к волостному правлению мы с ним стали уже друзьями. Это вселило во мне надежду, что быть может жизнь моя будет сохранена в эту ночь.

В волостном правлении нас встретил волостной писарь, который давно поклялся уничтожить меня. С особым металлическим блеском в глазах, еле сдерживая чувство торжества, он направился прямо ко мне и протянул мне руку. Сухим тоном я ему сказал, что не могу подать руки таким, как он.

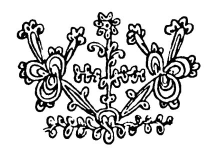
В эту минуту в комнату врывается его помощник, совершенно пьяный с криком : « Дайте мне раздавить эту гадину ! » Он говорил обо мне.

Я обращаюсь к уряднику и прошу его в свою очередь убрать эту « гадину ». Писарь приказывает своему помощнику удалиться. Он уходит, ворча, со словами : « Пойду сейчас возьму ружье и застрелю его. »

После этой сцены я говорю уряднику, что отныне он отвечает за мою жизнь и что если случится что-либо со мной, – он первый будет наказан, как сообщник в убийстве.

Не знаю, эта ли угроза подействовала или же то, что он проникся ко мне дружеским чувством, во всяком случае он отдал распоряжение запереть помощника писаря на всю ночь и решил провести ночь в помещении со мной вместе.

Рано утром, в сопровождении двух стражников, меня перевезли в Валуйки. При отъезде им был дан строгий приказ урядника передать меня тюремному начальству живым и невредимым. Если этот приказ не будет выполнен, их будет судить военный суд. « Но если он попытается бежать, прибавил он, тогда стреляйте ! »

Вечером шестого или седьмого дня (точно не помню) моего заключения слышу кто-то вкладывает ключ в дверь моей камеры. К моему большому удивлению в камеру входит отец Мерецкий. За его спиной показывается фигура самого начальника тюрьмы. Отец Иван, обрадованный, бросается меня целовать. Я, в первую минуту, ничего не понимаю. Почему отец Иван пришел ко мне с начальником ? Но тайна длится не больше нескольких минут. Начальник повертывается и выходит из камеры со словами : « Ну, обо всем остальном я позабочусь. » Дверь камеры снова запирается на ключ. Мы остаемся с отцом Иваном в камере одни.

« Что это все значит ? » – задаю я ему вопрос. Почему он так обрадовался, увидев меня ? Он мне отвечает : « Как же мне было не обрадоваться. Меня арестовали почти обманным путем, и я думал, что меня сейчас же расстреляют. Если не сейчас же, то после заключения в тюрьму. Но теперь я сомневаюсь, чтобы с нами так поступили. О вашем аресте мы узнали, но разнесся слух, что крестьяне освободили вас по дороге в тюрьму и вам удалось бежать. Только сейчас, в тюрьме я узнал, что вы здесь и начал умолять начальника тюрьмы, чтобы он поместил меня в камеру вместе с вами. Он уважил мою просьбу и сам привел меня к вам. Сказанные им при выходе слова означали, что он позаботится о том, чтобы поставили сюда вторую кровать и дали бы все, что полагается по тюремным правилам. »

« Но что же случилось, за что вас могли бы сейчас же расстрелять ? »

Вот его рассказ :

« Вы знаете, что мои прихожане давно уже боялись за меня. Они допускали возможность моего ареста и даже убийства черносотенцами. Они все время оберегали меня. Еще во время моего возвращения с губернского Крестьянского Съезда крестьяне выехали на станцию железной дороги навстречу мне в большом количестве, каждый на своих санях. При моем выходе из вагона они окружили меня толпой,

довели до саней и усадили в те сани, которые должны были ехать в середине довольно длинного обоза. Под такой охраной они меня и доставили домой. В последнее время они усилили охрану, установили поочередное наблюдение, чтобы помешать во что бы то ни стало моему аресту, в особенности, когда они узнали о вашем аресте. Они были готовы применить силу, если власти придут за мной. Было установлено постоянное дежурство не только вокруг моего дома, но и за околицей* села. Дежурным давался наказ бить в набат, созывать прихожан, как только они заметят приближение полиции. Такой случай не заставил себя долго ждать. Вчера утром загудел тревожно церковный колокол, и незамедлительно вокруг моего дома собралась большая толпа. Дозорные сообщили, что неподалеку от села остановился и спешился казачий отряд. И к моему дому направляются становой и урядник. При этом известии толпа загудела, как потревоженный пчелиный улей, и вскоре сильное возбуждение охватило всех. Дозорные не ошиблись. Действительно, скоро все увидели станового пристава и урядника, приближавшихся к моему дому. Крестьяне окружили кольцом мой дом и в боевом настроении решили защищать меня. Когда становой и урядник приблизились, толпа в один голос, угрожающим тоном, спросила их : зачем они пришли и что им надо ? Становой ответил, что он пришел, чтобы побеседовать с батюшкой, и просил пропустить его ко мне. Но крестьяне не поддались на обман и грозили ему все решительнее. Они приходили все в большее и большее возбуждение. И я боялся, как бы не произошло кровопролитие. Я обратился к прихожанам с просьбой пропустить ко мне станового пристава. Они согласились, но только с условием, что он должен снять с себя и оставить у них свою шашку и револьвер. Становой подчинился их требованию, снял с себя свое оружие, передал его моей охране и направился ко мне. Он выразил желание поговорить со мной наедине. Я впустил его к себе. Он сообщил мне, что приехал не с целью арестовать меня, а с тем чтобы я поехал с ним для допроса. После чего я могу возвратиться обратно домой. Я ему ответил, что должен сначала подумать, прежде чем дать свое согласие. К тому же я ему указал на то, что мои прихожане, видя его приехавшим с казаками, не отпустят меня. Становой ушел, не добившись от меня положительного ответа. Прихожане разошлись по домам, оставив около моего дома еще более усиленную охрану. А наутро, т.е. сегодня, опять раздались удары набата, и на призыв его к моему дому сбежалось почти все население села. Дозорные сообщили, что опять к селу подъехал становой пристав с казаками в еще большем количестве. Они спрятались в овраге, и их не видно. Возбуждение толпы возросло еще больше. На этот раз я был уверен, что произойдет гибельное столкновение, и умолял толпу не препятствовать становому и отпустить меня, если он попросит поехать с ним. Когда становой приблизился к дому, прихожане потребовали, чтобы он снял свое оружие, что он и исполнил. Мне же он заявил, что получил приказ привезти меня на допрос во что бы то ни стало и что если будет малейшее сопротивление, вся ответственность за жертвы падет на

меня. Я дал свое согласие уехать с ним и попросил толпу отпустить меня ехать на допрос. Сознательно я допустил эту ложь, потому что был уверен, что пристав приехал меня арестовать. Тогда прихожане стали на колени и в свою очередь начали умолять меня не уезжать, а пристава просили не увозить их батюшку. Конечно, эта мольба осталась без ответа. С плачем смотрели они на сани, увозившие меня. Когда же сани поравнялись с местом, где находился скрытый казачий отряд, мы были окружены казаками, которые привезли меня в тюрьму. »

« В эту ночь и в тот день всем пришлось многое пережить. Я думаю, что и на станового пристава произвела впечатление преданность прихожан, которые были готовы на крайние жертвы. Церковный сторож, у которого находились материалы по крестьянскому движению, схватил их и побежал бросить в прорубь. Таким способом он хотел, чтобы они не попали в руки полиции. Он хотел и сам броситься в прорубь. Больших усилий потребовалось, чтобы удержать его от самоубийства, объяснив ему неблагоразумие такого поступка. »

« В таком душевном состоянии остались мои прихожане, когда я уехал », – заключил о. Иван Мерецкий.

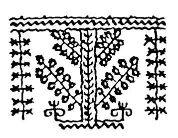
Я кипел от негодования. Все мое существо проникло ненавистью к царскому режиму и к классу, который поддерживал его. Однако два чувства боролись в моем сознании : боевое, унаследованное от матери, стремление любой ценой бороться против несправедливости и в то же время отцовское непротивление злу. Я терзался с одной стороны потребностью умерить мое бунтарство, с другой – желанием усилить мою деятельность. Поэтому я должен был быть чрезвычайно бдительным, чтобы мое поведение отражало равновесие между этими противоположными чувствами. Я должен был также с большим вниманием присматриваться к людям и к их окружению, чтобы понять как можно лучше поведение и мотивы, двигавшие каждым из них.

В особенности я старался познать самого себя, чтобы владеть собой. Рано я приучил себя сохранять хладнокровие при всех обстоятельствах.

На мое поведение оказали влияние два фактора. С одной стороны мне посчастливилось встретиться с людьми, принадлежавшими по рождению к правящему классу, но не имевшему ничего общего с ним ; с другой – мое образование позволило мне взглянуть иначе на окружавший меня мир. Встречи с аристократами примиряли меня с ними, охлаждали мой бунтарский пыл. Я познал, насколько слаб человек вообще, насколько он незначителен во вселенной, насколько его гордость велика и неуместна, когда он верит, что он способен перестроить мир и изменить человеческую природу посредством изменения экономических взаимоотношений.

Когда я в решительную минуту одерживал победу на сходе или на собрании, меня не покидала мысль о ничтожестве человека, и это охлаждало мой пыл. У меня оставалось впечатление, что я уходил с поля битвы не победителем, а скорее побежденным.

В эти минуты настоящим победителем был не тот, о котором все думали. Я был вдохновлен чувством непротивленчества, и у меня оставалось впечатление, что бороться и бить врага было бесполезно и малоценно. Борьба — только одна из мирских сует и быстро исчезает.

Всероссийский Крестьянский Союз, появившийся поздно на общественной арене, представлял собой новую форму профессиональной и социальной организации. Первый съезд Союза состоялся в июле 1905 г. Либеральные круги отнеслись к нему с симпатией, тогда как консерваторы и фракция социал-демократической партии во главе с Лениным с самого начала отнеслись к нему враждебно. Только Юлия Петровна Махновец, принадлежавшая к фракции « Рабочее дело » социал-демократической партии, выступила на Съезде, но лично от себя, приветствуя это движение*.

Ленинцы считали крестьянское движение реакционным : оно задерживало пролетаризацию и пауперизм, мешало крестьянским массам перевариться в « капиталистическом котле ». Оно служило препятствием для проникновения социалистических идей в крестьянство. В особенности, ленинисты опасались проекта возвратить крестьянам часть « отрезок » их земель, отнятую в пользу помещиков во время отмены крепостного права в 1861 году, боялись, что это может соблазнить крестьян, и они не захотят идти дальше в своих требованиях. Таким образом, они станут обезврежены и даже будут поддерживать реакционное правительство Николая II-го против рабочих-революционеров.

Что касается социалистов-революционеров, они хотели взять в свои руки крестьянское движение и привить ему свои идеи. Видя, что это им не удается, они присоединились к Ленину в его ожесточенной борьбе, чтобы взорвать Крестьянский Союз изнутри.

Промышленная либеральная среда, наоборот, не видела в крестьянском движении никакой политической конкуренции для себя и одобряла его.

Таким образом, впервые в истории России крестьяне появились на политической сцене и образовали организованную группу для защиты своих интересов.

Вскоре правительственные власти поняли, какую угрозу может представлять потенциально настолько сильное движение. Социалисты-революционеры организовали даже Съезд крестьянских депутатов, с одной стороны, чтобы уравновесить Союз, с другой — из-за подра-

жания социал-демократам с их Советом рабочих депутатов. Таким образом, они создали параллельную организацию.

Крестьянский Союз не оправдал надежд, возлагаемых на него и не сыграл решающей роли в Революции по следующим причинам.

При своем возникновении он создавался лицами разных слоев общества и принадлежавших к очень различным партиям. Сами крестьяне не стояли во главе движения.

Единственный председатель Союза С. П. Мазуренко был членом партии социал-демократов. Большинство руководителей принадлежали либо к партии социалистов-революционеров, либо к партии народных-социалистов. Эта партия зародилась в 1906 году, когда некоторые члены партии социалистов-революционеров решили основать другую партию с явно правым уклоном.

Основная же часть Крестьянского Союза, наоборот, состояла из беспартийных или же людей, не придерживавшихся никакой определенной доктрины. Центральное Правление состояло из членов, принадлежавших к разным партиям, что ослабляло его чувствительно, как только заходила речь о выработке программы или тактики. Споры возникали не только в центральной организации, но также и в местных комитетах.

Роковым для Крестьянского Союза оказалось то, что он дал возможность для некоторых возглавителей удовлетворить их собственные интересы. Они использовали Союз, чтобы крестьянская масса восприняла идеи их партии, а совсем не для того, чтобы развить и укрепить Союз. Они сознательно не приложили никакого усилия для того, чтобы найти общую тактику для разрешения проблем, присущих крестьянской массе.

Правительство тоже способствовало нанесению удара Союзу. После Московского восстания оно приложило все усилия, чтобы в корне разрушить крестьянское движение. Оно прибегало ко всем средствам для его уничтожения. Цель его была достигнута на свою собственную беду и на беду всего русского народа. Будь Крестьянский Союз сильной и крепкой организацией во время Революции, ход последней был бы возможно иной.

Крестьянин действительно – загадка. Нигде не приходилось мне встречать людей, жаждущих знать, с мятущейся душой, людей склонных к созерцательности, как среди крестьян. Может быть поэтому столько талантливых людей, обладающих большим разнообразием способностей, вышло из народа. Среди них выделились и ученые, и художники, и архитекторы, и поэты, и артисты. Но все же трудно найти среди них крупного организатора, человека способного объединить эту силу и быть их вожаком.

О мужике спорили много. Много написано и сказано о нем хороших слов, но еще более против него. Мужика ругали за все, обвиняли во всех грехах, даже и таких, в которых он был неповинен. Хвалили же мужика его защитники и друзья, главным образом, за его долготерпение, за его выносливость, за его живучесть, за то, что он не поддается

ни мору, ни голоду, ни холоду, выносит все с философской покорностью. И в этом находили оправдание и, следовательно, достойное прощение всех грехов им содеянных и не-содеянных.

Еще и теперь из-за мужика и за мужика идет великий спор между политиками и моралистами, между всеми теми, кто в мужике нуждается. А кто в нем не нуждается ? Ведь еще не изобрели такую бездушную машину, которая выполняла бы все работы мужицкие, кормила бы и праведных и грешных, воров и разбойников, и также и честных людей, мыслителей, поэтов, ученых, артистов и весь род людской.

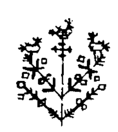
Почему о мужике судят чаще всего по персонажам Чехова и Горького, а не по самим мужикам ? Чехову простят его рассказ *Мужики* потому, что он описал не мужиков вообще, а тех, которые были испорчены отрицательной стороной городской жизни. Деревню Жуково стали называть Холуевкой (от « холуй », бранное или презрительное слово, вместо « лакей, половой, прислужник »), потому что многие из ее жителей уходили в город, служить в трактирах и ресторанах, что считалось унизительным и даже позорным. Само название « Холуевка » осуждает и презирает тех, кто оторвался от своей среды и не пристал ни к какой другой.

Что касается Горького, то он мужика не знал и его не понимал. Он проявил такую сильную нелюбовь, граничившую с ненавистью, к крестьянству, как к классу, что оказался подобным известному реакционеру Родионову. Да и любил ли Горький кого-либо другого ?

Что касается меня я не отошел от своего народа, не изменил ему. Но царский режим сделал все, чтобы воздвигнуть между моим народом и мною непроходимую, непроницаемую стену.

Где классовый враг ? Почему Плеханов*, Ленин, вышедшие из среды враждебно настроенной к рабочему люду, считаются лучшими, самыми настоящими представителями рабочего класса, способными удовлетворить чаяния угнетенных ? Почему князь Кропоткин* и члены « Народной Воли »*, вышедшие почти все из класса угнетателей народа, также по марксистскому учению считаются « душой народа », хотя и в меньшей степени ? Почему Лев Толстой зачислен также в друзья народа, тогда как представители либерального течения : Петрункевич, Родичев*, Милюков* и другие считались классовыми врагами ? Почему А.И. Шингарев*, вышедший из народной гущи, также причислен к классовым врагам народа ? Нет, марксизм не всегда определяет верно, где находится классовый враг и каков он.

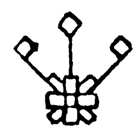

С момента моего бесповоротного решения уйти из села, счастье не покидало меня. Я был принят и зачислен стипендиатом в низшую сельско-хозяйственную школу без протекций, без знакомств. В таких же условиях представился я и на конкурс в среднее земледельческое училище, куда поехал, как говорится, « на авось », попытать счастья. И в этот раз я был принят и зачислен на стипендию Министерства Земледелия.

Эти успехи вскружили мне голову, породили во мне уверенность, которой до сих пор у меня не было, и веру в свою счастливую звезду. Я не сомневался в том, что будущее сулит мне те же успехи. Я буду продолжать идти успешно по избранному мною пути без помощи других, не прибегая к покровительству влиятельных лиц, не унижаясь ни перед кем. Сама мысль прибегнуть к чужой помощи причиняла мне душевную боль.

Как раз в этот момент возник передо мной вопрос : не обратиться ли мне за помощью к С. В. Паниной ? После всего пережитого, после перенесенной болезни, потеряв окончательно веру в людей, которые представлялись мне святыми, жертвующими не только своей карьерой, своим богатством, своими знаниями и даже жизнью для народного блага, я еще как то не сознавал того, что я сам пользовался помощью других, когда я был освобожден из тюрьмы крестьянами.

С. В. Панина пришла мне на помощь без моей просьбы. Как только я приехал в Воронеж, меня приютил в своей квартире Александр Ильич Бакунин. Не выходя из дома, я прожил у него около двух недель, до тех пор, пока не убедились, что людей, посланных специально для того, чтобы арестовать меня, в Воронеже больше нет, и полицейское наблюдение за вокзалом ослаблено. За это время А. И. Бакунин списался с С. В. Паниной, объяснил ей мое положение и получил от нее ответ, в котором она просила отправить меня в Петербург, где она сама и встретит меня на вокзале.

Меня переодели, приклеили усы и бороду. Потом привезли на вокзал ровно за три минуты до отхода поезда. Билет был куплен заранее и вручен мне, когда я был уже в вагоне. Я увидел на перроне многих друзей, пришедших проводить меня и оградить меня, когда я сойду с извозчичьей пролетки и направлюсь на перрон. Они сейчас же окружили меня и довели до вагона, чтобы скрыть меня от глаз полиции. Я мог поблагодарить их только взглядом...

Все прошло благополучно. Поезд тронулся, унося меня в неизвестность. Но я вздохнул облегченно только тогда, когда поезд приблизился к Козлову, то есть был не только далеко от Воронежа, но и за пределами Воронежской губернии.

Наконец, Москва, сердце России, старая настоящая русская столица, о которой я знал больше, чем о других городах. Она привлекала меня не только своей прошлой славой, но и своими святынями, своими, как говорили, « сорок сороков »* церквами, своими златоглавыми куполами, « Царь-Пушкой » и « Царь-Колоколом ».

Москва была первым большим городом, в котором я очутился по прихоти судьбы. Но мне не пришлось осмотреть ее в этот раз, так как мой путь шел дальше, на север, в Санкт-Петербург. Не было поездов прямого сообщения в третьем классе от Воронежа до Петербурга. Чтобы с Казанского вокзала попасть на поезд, идущий в Петербург с Николаевского вокзала, мне нужно было только пересечь площадь, что я и сделал с большим сожалением. Как жаль ! быть в Москве и не осмотреть ее !

Через несколько минут поезд уносил меня из старой столицы в новую, красу и гордость Петра Великого.

В Петербург я приехал утром, и С. В. Панина уже поджидала меня на перроне. Посадила она меня в экипаж и отвезла на приготовленную заранее « нелегальную »* квартиру. По дороге она рассказала, что уже все подробно знает о том, что произошло в Валуйском уезде от А.И. Бакунина и, в особенности, от М. П. Первеевой, которая, выбравшись из Валуйского уезда, направилась прямо в Петербург. От нее она знает все подробности. Привезя меня на квартиру, С. В. Панина предупредила меня, что в Петербурге сейчас долго оставаться опасно, поэтому она завтра утром приедет за мной и отправит меня в Финляндию. Уходя, она советовала мне не выходить из квартиры. На другой день она отвезла меня на Финляндский вокзал, усадила в поезд прямого сообщения до Гельсингфорса* и вручила мне рекомендательное письмо к своим шведским друзьям. Так и не удалось мне посмотреть, как следует, « порфироносную »* столицу.

Поезд очень быстро довез нас до финляндской границы (она и тогда уже существовала). На границе поезд немного задержался. В этот момент я опасался, что будет проверка документов ; это опасение не оправдалось, и никто из представителей власти не прошел по вагонам и не проверил пассажиров. То было в пору царского режима, который мы называли « полицейским режимом ». Через 50 лет после этого человечество далеко ушло вперед... Правители усовершенствовали до такой степени способы надзора за жителями и контроля над ними, что теперь нельзя для кого бы то ни было так легко выехать из своей страны. Даже в своей собственной стране гражданин подвергается контролю и не может передвигаться свободно.

Как в сказке, я, беглец из тюрьмы маленького города, затерянного в глухой степи, на далеком расстоянии от какого бы то ни было куль-

турного центра, пересек обширные пространства и очутился... в Европе, в настоящей Европе !

Больше всего меня поразило, что все было непохоже на Россию. Впечатление от Европы было очень сильное, несмотря на физическую и душевную усталость, на потерю моих революционных надежд.

В Гельсингфорсе я нашел и М. П. Первееву. Она мне сообщила, что С. В. Панина снабдила ее необходимыми средствами для нашего путешествия и на жизнь первое время за границей. Средствами этими распоряжалась она, так как она более близко была связана с Паниной. Она же и переписывалась с Софьей Владимировной и вела денежные расчеты. Так случилось, что я стал пользоваться помощью С. В. Паниной, не прося ее об этом.

Шведская семья, давшая мне временный приют, состояла, если не ошибаюсь, из брата и сестры. Ко мне они были очень предупредительны и милы во все время моего пребывания у них. Они же позаботились о возможности нашего отъезда из Финляндии. Многих отправляли тогда на пароходах, уходивших из никогда не замерзающего порта Финляндии. Этот транспорт считался наименее опасным. Приютившие меня связались с капитаном парохода, на котором мы с М. П. Первеевой должны были уехать. Они задержали для нас места. Нам нужно было ждать назначенного времени отхода парохода ночью, чтобы приехать в порт прямо к его отплытию.

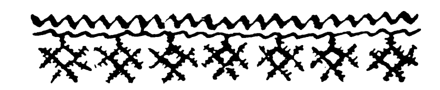
Капитан парохода был предупрежден заранее о нашем приезде. Он принял нас сейчас же и внес нас в список пассажиров без всяких формальностей, не требуя предъявить паспорта, на которых были указаны наши вымышленные имена. Со дня приезда в Гельсингфорс я был уже не Столяров, а Павлов. Под этой фамилией я проехал почти вдоль всего Балтийского моря до Копенгагена, откуда поездом я должен был доехать до Берлина, оттуда в Женеву, где и прожил около 10 месяцев. Только по приезде в Париж, т.е. по прошествии немного более года со дня выезда из России, я вновь стал носить свою настоящую фамилию.

На пароходе мы встретили пассажиров, которые показались нам похожими на наших соотечественников. Мы обрадовались этому несказанно и обратились к ним с просьбой помочь нам объясниться с прислугой парохода, которая не говорила по-русски, а мы не знали ни финского, ни шведского, ни немецкого. Но люди, которых мы приняли за русских, делали нам знаки, что они не понимают нас и быстро удалялись от нас. Так нам и не удалось узнать национальность людей, окружавших нас, и быть уверенными, что мы действительно попали на тот пароход, который должен увезти нас в далекие края.

Пароход вышел из гавани с большим запозданием, и много часов мы провели в неведении ; удалось ли нам бежать и покинуть гостеприимную Финляндию ?

Мы были убеждены, что наше пребывание за границей будет недолгим. Мы думали, что революционное пламя еще не погасло и скоро вспыхнет снова. И опять мы пойдем, не щадя ни своих сил, ни своей

жизни на приступ того строя, который сковал и душу и тело нашего народа.

По воле провидения*, я, сын бедного крестьянина одного из беднейших сел самого бедного уезда Воронежской губернии, стал студентом Сорбонны, знаменитейшего Парижского Университета. Редко кому удавалось попасть в него. Разве это не чудо? Прочитанное мною в детстве в сказках превратилось для меня в реальность. Но исполнение лелеянной мечты, однако, не радует мое сердце. Оно не вызывает во мне того восторга, которое я испытал при поступлении в среднее Земледельческое училище.

Отчего у меня такое безразличие? Не поколеблено ли мое моральное состояние от перенесенных испытаний, и я пал духом? Исчезла ли жажда знаний? А может быть причиной тому физическое состояние, так как я чувствовал себя чрезвычайно истощенным? Возникло также разочарование, вызванное близким знакомством с революционной элитой, боязнь перед предстоящими трудностями : как сочетать учение и материальные заботы жизни. Много сомнений охватывало меня постоянно. Я их испытывал с тех пор, когда, по воле судьбы, был вырван из тюрьмы благодаря крестьянам, а потом совершил громадное путешествие : Москва, Гельсингфорс, Копенгаген, Берлин, Женева и, наконец, Париж, фееричное путешествие для молодого человека, сына крестьянина, не освоившего еще как следует своего родного литературного языка. Да, это была сказка! Но смогу ли я удержаться на той высоте, на которую вознесла меня судьба при моем физическом и моральном состоянии?

Эти сомнения не только уменьшали, но даже, моментами, заглушали ту радость, которую она должна была бы вызвать в моем положении. Вот почему без всякого волнения получил я уведомление ректора Парижского Университета о предоставлении мне эквивалента на степень бакалавра и зачислении меня в студенты на Факультет Естественных наук Сорбонны.

Мои парижские друзья забеспокоились о моем физическом состоянии и решили повести меня к врачам. Первый из них сказал, что у меня туберкулез ; второй – объявил, что мне следует носить корсет ; третий сказал мне : « Уезжайте из Парижа, этот город вам не подходит. Поезжайте в какой-нибудь провинциальный город, например, в Тулузу. » Я последовал его совету и поехал записываться на Факультет Естественных наук Тулузы. Там состояние моего здоровья изменилось совершенно. Там я получил высшее образование, диплом инженера-агронома и в то же время выдержал экзамены по ихтиологии, зоологии и ботаники, но не выдержал одного экзамена на Факультете : « за двумя

зайцами погонишься – ни одного не поймаешь »; я был совершенно изнурен.

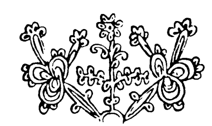
Я смог поехать в Россию только через десять лет, в 1916 году и повидаться со своей семьей. Мой отец умер вскоре после этого, по-видимому от воспаления легких.

Моя мать осталась совсем одна. « Мать ! Бедная, неутомимая труженица, страдалица за всех обездоленных, ты всегда думала о том, чтобы помочь другим, облегчить жизнь своим. Ты сочувствовала чужому горю, но никогда не думала о лучшей доли для себя самой.

Твой старший сын, со всей своей семьей уехал на дальний край своей родины, оставив тебя одну в последние дни твоей жизни, одну ' как полынь в степи.'

Младший, 'ученый', твой любимчик, улетел из родного гнезда далеко от тебя и не был при тебе, чтобы помочь тебе в трудные моменты твоей жизни.

Ничто не сломило тебя : ни твоя горькая доля, ни крайняя нужда, ни произвол правопорядка, ни бесправие. Одиночество, холод, тревога за твоих сыновей, – вот что истощило тебя. В старости, во время ужасных беспорядков, которые сотрясали родину, никто не принес человеческой теплоты твоему изнуренному сердцу. На холодной печи ты нашла последнее убежище, последний покой... »

Крестьянские дети привыкли с раннего детства видеть близко смерть. На их глазах умирали их братья и сестры, дедушки и бабушки, иногда и их родители. Часто они были свидетелями последних минут жизни своих соседей. Они считали своим долгом пойти посмотреть на покойника, лежащего на скамье под иконами до положения во гроб или сейчас же после этого посмотреть на него в гробу, если даже усопший был далеко от их избы.

От дома до церкви несут покойника в открытом гробу и все прохожие видят его. Дети выбегают из избы и бегут за процессией, чтобы взглянуть на покойника.

Я же, в качестве чтеца, был много раз совсем близко от покойника. Между 12 и 16 годами я участвовал в похоронах по крайней мере 100 раз и видел лицо покойника, на которое смерть наложила свой отпечаток. Даже когда мне еще не было 12-ти лет, я видел много покойников.

Только подростки и молодые, полные жизни и сил, желания жить, боятся смерти. Остальные же принимают смерть как Божие послание, чтобы положить конец земной жизни человека. Люди же, умирающие в преклонном возрасте, не боятся смерти. Предчувствуя ее приход, они спешат дать последние наставления членам семьи.

Так, один крестьянин, узнав от врача, что ему нужно сделать операцию, которая его спасет, очень спокойно отказался от операции, сказав : « Нет, уж лучше я вернусь домой, чтобы дать моим близким наказ о моей последней воле и приготовиться к смерти. » « Приготовиться » означает : принять соборование или, по крайней мере, исповедоваться и причаститься.

Крестьянин, страдающий тяжелой, неизлечимой болезнью, молил Бога не о выздоровлении, а ниспослать* ему « смертушку ». Старики, дожившие до глубокой старости, думали лишь об одном : пришла бы за ним поскорее смертушка. Часто приходилось видеть старика на завалинке у избы, греющегося на солнышке и твердящего смиренно : « Боженька, наверно, забыл про меня, не хочет прислать ко мне смерть. »

Я очень хорошо помню, как однажды я пошел со своей матерью навестить тяжело больного крестьянина. Моя мать считала своим долгом навещать больных и часто брала меня с собой. Итак мы пошли к этому умирающему, лет сорока, еще в расцвете сил. На крестьянском языке слово « умирать » не всегда означало, что человек уже при смерти, но часто выражало только мнение окружающих его.

Мы вошли в избу больного. Он лежал на скамье, покрытый какими-то лохмотьями. Лицо его выражало страдание. Моя мать спросила : « Что ж, дорогой Захар, тебе не лучше ? » Больной заскрежетал зубами и закричал : « Смерть думает, что она меня одолеет, а нет ! Я не покорюсь ей. Увидим, кто сильнее ». Видно было, что он не только не боялся смерти, но даже решил бороться с ней.

Крестьяне твердо верили : « Наступит день и час, когда Всевышний Судия прикажет архангелам затрубить, призывая на Страшный Суд во всех странах света. И тогда все мертвые встанут из гроба. Они соединятся со своими душами и предстанут, как и все живые, на Суд Праведный. Тогда Всевышний Судия вынесет окончательный приговор каждому по его делам и по той жизни, которую он прожил на земле. »

Поэтому-то крестьяне относятся с такой заботливостью к телу усопшего, от которого отлетела его душа, так как его бренные* останки должны предстать в какой-то день перед Всевышним Судией.

Пока тело было еще теплым его обмывали теплой водой с мылом, надевали на него чистую рубашку и чистые портки, а ноги обматывали новыми холщевыми портянками и шили туфли из сукна. До положения во гроб тело лежало на скамье под иконами, покрытое легкой тканью. Гроб стелили свежим сеном и душистыми травами. Под голову клали подушечку, чтобы покойнику было удобно почивать.

Лицо покойника оставалось все время открытым и в церкви и всю дорогу до кладбища. Только там, в последний момент, закрывали гроб крышкой, так как нельзя лишать света усопшего. Все эти обычаи выполнялись свято.

(Эта последняя глава была написана автором в 1952 году, за год до его смерти.)

ОТ РЕДАКТОРА

За несколько недель до смерти автор *Записок русского крестьянина* написал на клочке бумажки : «Я жалею об одном, – что не успел написать своих Воспоминаний», доказательство того, что все им написанное он рассматривал, как сырой, необработанный материал.

*
* *

Издатель считает своим приятным долгом поблагодарить В. Э. Столярову за большую работу, которую она проделала, чтобы создать последовательный текст этой книжки на основе записей ее мужа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Из записей Л. П. Махновец.
2. По воспоминаниям графини С. В. Паниной (1872-1956).
3. В. Столярова, Жизнь автора между 1907 и 1953 г.
4. П. Паскаль, Памяти И. Я. Столярова.

ИЗ ЗАПИСЕЙ Л. П. МАХНОВЕЦ

Людми́ла Петро́вна Махнове́ц была делегаткой на 2-ом съезде Российской социал-демократической рабочей партии (1903 г.) от Воронежской губернии.

Правительство не могло не заметить того, что совершалось в Валуйском уезде. « Посмотрите, что в Валуйках делается ! », говорил однажды Воронежский губернатор. Не найдут никаких нитей, а весь уезд как один человек действует ! ». Чтобы разыскать нити, правительство прибегло к привычному для него способу : арестовать несколько лиц, замеченных своей преданностью народу и непокорством насильникам народным, властям.

В начале января были арестованы прежде всего заведующая книжным складом Первеева, затем землемер в экономии графини Паниной Столяров, два сельских учителя, Гуков в селе Саловки и Ильин в селе Коновалове и, наконец, священник села Тарабановки о. Иван Мерецкий.

Крестьяне давно чувствовали, что « их людям » угрожает опасность. Во многих деревнях крестьяне устроили даже охрану. За последними избами в поле были расставлены часовые, которые следили за всеми приезжающими и в случае появления господской коляски смотрели, куда она едет ; если гости были подозрительны, в деревне подымалась тревога, а иногда даже били в набат, и все жители сбегались на защиту тех, кому грозила беда.

Однако уберечь не удалось. Чтобы арестовать Коноваловского учителя, прискакали 50 казаков. Крестьяне увидели беду и стали стекаться к школе, окруженной казаками. Явился исправник и направился к учителю, но крестьяне загородили ему собою дорогу. Исправник сказал, что ему надо пройти в школу, и просит дать ему дорогу. « Мы знаем, что тебе надо в школу », отвечали крестьяне, « не за добрым делом ты приехал, не пустим тебя ! ».

Учитель Ильин стоял на крыльце. Исправник обратился к нему и потребовал, чтобы он убедил толпу разойтись, иначе угрожал, что прикажет казакам стрелять. « Стреляйте, убийцы ! », отвечали ему из толпы. « Убивай нас всех с ребятами нашими », кричали бабы, « мы тебе не выдадим учителя ».

Исправник подал знак казакам. « Раз... » скомандовал он, « два... три ! ». Но толпа не дрогнула. Залпа не последовало. Верно казакам был дан наказ первой команды не слушать, она была дана только для острастки. Но острастка не подействовала.

Учитель тогда заговорил, и то, что не смогла сделать угроза исправника, сделали мирные слова Ильина. « Братцы, не надо этого ! Не нужно допускать

до кровопролития. Дело ваше все впереди ; меня отпустите, я поеду, а вы делайте наше общее дело. Одним вам не справиться со врагами – ни меня не защитите, ни себя не сохраните. Старайтесь поскорее, чтобы по другим волостям и уездам народ также понял, кто его враги, тогда-то наступит и ваше время действовать ».

Учителя увезли, а учение его осталось жить в душе у всех.

Точно также старались крестьяне уберечь и Саловского учителя ; он поехал в город по делам, дома его не пускали, опасаясь беды, а когда ему уж непременно надо было ехать, дали ему для охраны 12 человек односельцев. Те грудью своею защищали своего учителя, но казацкая сила одолела, и его также увезли в тюрьму.

Видя, что народ защищает своих доброхотов*, правительство решило действовать хитростью. К отцу Ивану в Тарабановку исправник приехал один с урядником на Крещение, в обеденное время, когда его никто не ждал, а казаков оставил вдали от села. Однако крестьяне заметили вó-время недоброго гостя и ударили в набат, тотчас собрался народ без шапок, без полушубков, кто в чем был, и прежде чем исправник вылез из своего возка, освободившись от своих меховых покрывал и тулупа – дело было зимнее –, крестьяне уже стояли плотною стеною между ним и крылечком у дома батюшки. Видя, что хитрость ему не удалась, исправник перешепнулся с урядником, и тот куда-то ускакал.

Исправник просил пропустить его к священнику, которого ему надо видеть по делам. « Мы хорошо знаем, какие у вас дела », был ему ответ, « не пустим ».

Набат все гудел, и толпа сбегалась со всех сторон. Через полчаса явилась сотня казаков. « Становись на колени, никого не пропускай », раздалось из толпы. Ложь исправника стала ясна : если казаки прискакали, знать, не за требою приехал к священнику исправник.

Отец Иван вышел на крыльцо. Исправник просил толпу пропустить только его одного. Толпа потребовала, чтобы он снял свою шашку и револьвер. Он согласился, и его впустили.

Исправник уверял священника, что он сам не рад тому, за чем его послали, но что он вынужден непременно арестовать отца Ивана, сколько бы жизней это ни стоило, и просил его убедить народ не оказывать сопротивления и предупредить кровопролитие.

Чудовищное дело ! Два человека : старый, добродушный на вид, с растерянным видом исправник и молодой, сильный и здоровый священник тихо совещались о том, каким способом легче всего старый и дряхлый может увезти из прихода молодого и сильного ! А за окном стояли лицом к лицу сотни безоружных, раздетых, несмотря на мороз, крестьян и разодетые в пестрые кафтаны казаки на конях с винтовками за спиною, с нагайками в руках ! Русский народ на коленях, чтобы телами своими заслонить священника от насильников, царевых слуг, с « вольного Дона » !

Батюшка вышел к народу и стал убеждать его не противиться. « Наше дело впереди », говорил он. « Отпустите меня !.. » И народ отпустил его. Прослезился отец Иван : « Прощайте, дети ! », говорит, и народ плакал, и исправник утер кулаком слезу. Значит, знал он, что делает подлое дело, идет против своего родного народа.

А отца Ивана увезли... народ же собирался на призыв набата, и толпы приходили из соседних деревень, из Ураевки, из Саловки, из Яропольцева,

из Вейделевки... они горячо упрекали тарабановцев за то, что они выдали батюшку. « Что было делать ! », отвечали тарабановцы ; батюшка сам сказал, чтобы отпустили его. « Прощайте, дети ! », сказал он. « А кому я нужен, — выручайте ! »...

Сказал ли так батюшка, или уж так показалось кое-кому — тут было не до того, чтобы разбирать. Одни говорили, что он сказал только : « Прощайте, дети ! », а другие слыхали, что он сказал : « Выручайте ! », но не все ли равно ? Слово было сказано, и у всех только и в мыслях было : выручать, выручать батюшку !

Когда ударили в набат в Тарабановке, как было заранее условлено, гонцы поскакали в соседние деревни известить о случившемся. В селе Ураеве в это время было собрание в одной большой избе, где жил почтенный крестьянин, у которого обычно хранились газеты и книги. Мальчишка-вестовой прискакал прямо туда и, вбежав в избу, крикнул : « Братцы, идите, помогайте выручить, батюшку берут, супостаты*! ». Народ вздрогнул. Один из присутствующих тотчас же кинулся на колокольню и стал бить в набат, но обессилил и упал... но набат гудел, чья-то сильная рука делала то, чего не в силах был сделать первый вестник беды.

Народ сбегался на площадь. Один из крестьян стал держать речь о том, что случилось в Тарабановке. Он призывал всею деревнею двинуться на выручку батюшки. День это был субботний. Решено было завтра с утра отправиться в Валуйки, куда увезли отца Ивана. После долгих обсуждений порешили идти с хоругвями : « Тех, кого забрали в тюрьму, стояли за святое дело, потому и мы пойдем за ними со святостью ». Кроме того постановили, чтобы никакого оружия не брать с собою : « мы не на грабеж идем, своих людей выручать идем, зачем же нам оружие ? ». Наконец тут же было сказано, что полиция может подослать своих людей-провокаторов, которые, чтобы вызвать смуту сами начнут стрелять, поэтому решено, чтобы каждый смотрел за своим соседом. Послали уведомить обо всем этом тарабановцев, а также и во все другие села, даже и очень далекие. Опасались, что из дальних сел не успеют прийти вó-время, но откладывать этого дела не хотели.

На другой день, в воскресенье, еще до зари из Тарабановки двинулось шествие. До Ураева было 6 верст ; туда пришли как раз к обедне. Народ еще толпился у церкви. « Что же вы готовы, братцы ? Мы идем на большое дело. », говорили тарабановцы. « Мы готовы, а только перед большим делом надо помолиться », отвечали ураевцы. Пошли в церковь, отец Петр был уже там ; его стали просить выйти на площадь и отслужить напутственный молебен* и выдать хоругви для шествия.

Отец Петр отказался от этого. Тогда крестьяне вышли из церкви и сотворили на площади свою молитву, а священник, не захотевший быть со своею паствою в тяжелую минуту жизни, остался в церкви один со своим псаломщиком*. Долго после этого ураевцы не могли забыть этого и простить своему плохому пастырю*.

Торжественно двинулось шествие по дороге среди снежной пелены полей. По пути приставали к ним деревни уже заранее оповещенные об этом. В город поскакали гонцы, чтобы предупредить тамошних учителей и докторов, которые стояли за народ, и спросить их совета, как лучше поступить в городе, чтобы не повредить общему делу Крестьянского Союза.

Старики, дети, бабы и парни все шли одною дружною толпою, все хотели прийти на выручку людей, которые искренно и бескорыстно служили всенародному делу.

Верст за 17 до города встретил шествие гонец, привезший уже ответ города на запрос деревни. Горожане сообщали, что в Валуйках 175 казаков и две роты* солдат Орловского полка, и то, что затеяли крестьяне может довести до большого кровопролития. Затеяли они большое и хорошее дело, и повредить оно Всеобщему Крестьянскому Союзу никак не может, но знают ли крестьяне, какой опасности они подвергают самих себя ?..

Шествие остановилось. Все выслушали со вниманием гонца и еще раз обдумали то, к чему шли. Тихо было. День выдался не холодный, серенький ; ровное небо и ровная снежная даль казались бескрайними, а среди них, безбрежных, стояла одиноко толпа народу тысячи 3 человек, охваченная одною суровою думой.

« Что ж, братцы ? », сказал тот крестьянин из Ураевки, который и накануне держал речь на церковной площади. « Идти ли дальше ? » – « Идти, идти ! », отвечала вся толпа, дружно как один человек.

« Ну, подумайте... а только, может, кто и передумал, так еще не поздно, пусть идет себе с миром домой. Дело наше трудное, дело опасное, может, и впрямь кому жутко, так пусть не идет с нами, чтобы никто потом не жалел, что бы ни случилось »...

И опять в тишине стояла толпа, но никто не хотел отстать от общего шествия, и оно двинулось снова вперед.

Перед городом залегло* полотно железной дороги, и путь проходил близ станции. День был праздничный, воскресный, и железнодорожные рабочие не были заняты ; они увидели шествие и стали расспрашивать, что оно значит. Узнав о событиях прошлого дня, они очень жалели, что крестьяне не оповестили их заранее : « Мы бы тоже пришли пособить* вам выручать ваших людей ».

Перешли полотно дороги, перешли высокий мост через речку, стали подниматься в гору по улицам города, соединившись с жителями пригородных слобод* . Прошли мимо Земского Дома, прошли через большую соборную площадь и направились к тюрьме.

Город уже знал о том, что деревня двигается на него. Ехавшие в город из поместий и экономий сообщили о шествии ; молва быстро разнесла слухи ; купцы стали закрывать свои лавки, боясь, что крестьяне разгромят город.

Тюрьма стоит на краю города, а перед нею тянется ровная, очень широкая улица. Тут снова сгрудились люди, послали троих ходоков* вытребовать к себе начальство, а в ожидании стали выслушивать речи. Обращаясь к горожанам, ораторы-крестьяне объяснили, зачем они сюда пришли и успокаивали тех, кто думал, что крестьяне явились сюда, как враги. Тем временем прискакали казаки и стали в стороне ; тогда один крестьянин произнес речь, обращенную к казакам. Он усовещевал их не выступать против народа, говорил, что пришли сюда выручать, кто просвещал народ и учил его, как избавиться от безвыходной нужды. Речь эта, видимо, произвела впечатление даже на казаков, и впоследствии их сменили новыми, приведенными из экономий, потому что эти были ненадежны.

Наконец явился помощник исправника. Сам старик исправник не пришел, он был занят : в другом конце уезда надо было усмирять крестьян. Строго и деловито заговорила толпа с помощником исправника. « Народ пришел сюда за теми, кого вы от нас отняли и заперли в тюрьму », сказал выступивший вперед человек. « Народ требует, чтобы объяснили ему, за что их заперли в тюрьму, какая их вина ? »

« Да ведь не я их арестовал », оправдывался помощник исправника, « я не знаю за ними вины ». – « Не знаете ! », ответили ему. « Вы не знаете ! Когда арестовать надо, так вы друг друга посылаете, а когда ответ держать*, так вы друг за друга прячетесь ! Вы не знаете за ними вины. Ну, а мы знаем, что нет за ними никакой вины. Ничего они не сделали дурного, кроме хорошего !.. Отпустите их вольной-волею*, не то мы всю тюрьму разнесем, а их освободим ».

Помощник исправника растерялся и, боясь народного гнева, пошел в тюрьму, посоветовался с начальником этого скорбного дома и решил отпустить арестованных.

Тут невозможно описать восторг толпы, когда на улицу стали выходить из калитки один за другим заключенные. « А наш где ? А наш ? », кричали жители из села Саловки, из села Коновалова. Вот, вышли и их учителя.

« Нет ли там еще кого, не забыли ль про кого ? Нет, все политические заключенные выпущены ».

Сделавши свое дело, полные радости от своего успеха крестьяне стали расходиться по деревням, а освобожденные ими люди ушли кто куда знал. Часа через два в городе было уже все спокойно ; только на соборной площади около Дома Земства стояло человек полтораста с хоругвями, собираясь нести их обратно.

Тем временем старик-исправник вернулся в город, окончив в деревне свое гнусное дело. С ним было с полсотни казаков. Узнавши о случившемся, он выражал свою злобу и недовольство, что его помощник уступил требованиям толпы. Когда два освобожденных учителя пришли за своими вещами, оставшимися в тюрьме, их тотчас же арестовали. Разыскали в городе и отца Ивана и снова заперли его в тюрьму.

Так как помощник исправника в свое оправдание говорил, что казаки, слушавшие речи ораторов перед тюрьмой были ненадежны, и их нельзя было послать против народа, то исправник удалил их, но послал на площадь тех казаков, которые прискакали с ним только что из деревни и приказал беспощадно разогнать всех, кто еще оставался на площади.

Казаки появились со стороны реки, из-под горы и вдруг напали на народ, оттеснив его к Земскому Дому. Эти опричники*, забывшие, что их прадеды и прапрадеды отстаивали свою собственную вольность, как дикие звери ринулись на мирную толпу и стали ее стегать нагайками. Казаки вышибли из рук хоругвеносцев их святыню и повергли ее на землю, топтали конскими копытами.

« Изверги, кровопийцы, святотатцы* ! », кричали крестьяне. « Кому вы служите, избивая свой родной народ »... но озверевшие казаки не унимались и продолжали насилие.

« Вот как расправляются с нашей святостью государевы слуги ! », воскликнул один старик. « Кто это сказал ? », закричал казацкий офицер. Старик громко повторил свои слова, глядя в глаза офицеру. Тот нагнулся и выстрелил в него в упор из револьвера. Старик невольно уклонился, и пуля пролетела мимо уха, ударилась в стену, отбила осколок кирпича, который содрал кожу на его щеке. « Жаль мне, что офицер промахнулся », говорил потом старик, когда ему перевязывали рану, « хорошо умереть за великое дело »...

Толпа медленно отступала, она не дрогнула, оборонялась, как могла, но должна была уступить силе. Негодованию крестьян не было предела. Сколько раз они слышали и видели, как пользуется правительство военной силой для издевательства над личностью граждан, но надругательства над святыней поразило их. Никто из них и в мыслях не мог допустить, чтобы власти могли посягнуть на святыни. Что же это такое ? Значит ли это, что хоругви святы только тогда, когда с ними служат молебны за царя и его слуг ? Если же они в руках народа, как символ установления на земле мира и братства, то они перестают быть святынями. И когда безоружный народ борется против угнетения и нужды под покровом этих святынь, – то казацкие лошади топчут их. Допуская это, власти не считают их святынями.

К вечеру уже во всем округе говорили о событиях в городе. Деревни, точно ульи, кишели народом, целые толпы двигались по улицам, собираясь, то у той, то у другой избы, обсуждая поразительные дела.

Через день в одной дальней деревне, в избе крестьянина, который во время освобождения из тюрьмы заключенных выступал в первых рядах, собрались ходоки из соседних сел и деревень на совет – как быть, что делать ? Привезли на совет одну учительницу из города, чтобы и от нее выслушать о том как поступить.

Что же теперь делать ? С местными властями, видно, бесполезно разговоривать, они ссылаются друг на друга и на высшее начальство... значит, надо идти к высшему начальству, там закрепить народные права... Надо на Москву идти...

« Да разве нас там послушают ? » – « Как же не послушать-то ? Ведь сказано в книжках, что нас, крестьян, в России девяносто миллионов, рабочие того же требуют, чего и мы, господа-интеллигенты того же добиваются... Молодые девушки как львицы мстят тиранам за народ, жизнь свою отдают и геройски умирают за народную свободу, прав для народа добиваются. Права нам нужны, а без прав не добудем мы и земли ».

« До Москвы-то далече ! Когда это дойдем туда, по зимнему времени ? »

« А что же разве разучились крестьяне по земле ходить ? Как при Степане Разине* ходили ? Как ходили при Пугачеве ? Ноги-то у нас, у русских мужиков те-же остались, только головы стали поумнее. А если головы поумнее стали, так и надо понимать, что товарищи говорят, которым повиднее это дело, да то, что в книжках сказано. »

« Да как же безо всего идти ? »

« С голыми руками не пойдешь, что говорить ! Ходили мы в Валуйки с хоругвями, да порастоптали их казаки ; на Москву пойдем с оружием ».

« А если войско против нас пошлют ? »

« Мы-то ведь сила, пойдем на Москву со всех сторон, через все волости, через все уезды, через все губернии, и всюду народ будет приставать к нам и пойдет с нами. Придем в Москву, там рабочие тоже восстанут... Они уже восстали в декабре, да за нами вышла задержка, мы их не поддержали... »

Учительница все молчала, все слушала, как рассуждали крестьяне ; наконец дошла очередь и до ее слова.

« ...Вот мы их тогда не поддержали... А что если теперь нас другие не поддержат ?... Нет, товарищи. Дело наше великое и трудное, так просто его не сделаешь. Мы пойдем на Москву тогда, когда сговоримся с другими волостями и губерниями, чтобы восстать всем дружно, как один человек. Поэтому отложим сейчас наш поход на Москву, а пойдем по всей земле

русской с кличем. Есть у нас Всеобщий Крестьянский Союз, соберем все свои силы вокруг него и в условленное время выступим все сразу. Долгая нужна работа, упорная воля, без этого не осилим мы врага »...

Долго еще шли споры в убогой избе, и поздно за́ полночь разошлись товарищи.

Дело было впереди трудное и великое... Учительница стояла молча у окна, смотрела на замерзшее оконце и сама не заметила, как сказала вслух : « Велика наша Россия, трудно всю поднять – сколько еще надо торопиться сделать ! »

Хозяин избы тихо подошел к ней и, положив тяжелую руку свою на ее руку, сказал : « Что вы ? не нужно грустить, товарищ ! Россия велика, всего дела нам одним не переделать. Мы живем в нашем уезде и за наш уезд мы будем в ответе. В других уездах есть другие люди, и вся наша работа вольется в одну по всей России и сметет все темное и злое, которое заполнило всю нашу землю ».

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГРАФИНИ С. В. ПАНИНОЙ (1872-1956)

опубликованным, по ее желанию, после ее смерти в *Новом Журнале,* Нью-Йорк, №№ 48 и 49, 1957 г.

Графиня София Владимировна Панина, в возрасте 19 лет познакомилась с учительницей Александрой Васильевной Пешехоновой, 35-ти лет, которая пришла к ней для того, чтобы предложить ей устроить бесплатную столовую для нуждающихся учеников начальных городских училищ бедного района на окраине Петербурга.

Эта мысль увлекла Панину. Намного позже, после смерти учительницы, Панина написала свои воспоминания под заглавием « На Петербургской окраине », посвятив их памяти А.В. Пешехоновой.

Две другие учительницы присоединились к ней : Елизавета Васильевна Попова и Надежда Фоминична Ялозо. Так группа преданных, бескорыстных женщин с энтузиазмом отдались всецело этой безвозмездной работе.

25ого октября 1891 г. открылись двери столовой для бедных школьников этого района. Помещение могло вместить одновременно только двадцать пять школьников, поэтому устроили две группы и, следовательно, могли обслужить 50 школьников в день.

После уроков (в 2 часа дня), до возвращения родителей с работы, школьники стали возвращаться в столовую ; в ней было светло, чисто, уютно.

В течение первых десяти лет, деятельность ее расширилась, пришлось переменить помещение на более просторное три раза. Наконец, стало ясно, что надо построить настоящий дом, который отвечал бы всем нуждам очага. Купили участок земли. План и постройка дома были поручены архитектору Юлию Юльевичу Бенуа. Предвиделось разбить* и сад.

Наконец на Пасху 7ого апреля 1903 г. состоялось открытие Народного Дома. Помещение состояло : из большой столовой, которая должна была вмещать несколько сот детей и взрослых, из театрального зала на 1000 человек для спектаклей, концертов, лекций. При нем была большая библиотека, классные комнаты, детский сад, мастерские для мальчиков, рукодельные классы для девочек и т.д. Всем этим ведала дружная группа сотрудников, отдававших безвозмездно свой труд, свои знания и любовь к обездоленным братьям. Создали также курсы и для безграмотных.

Чтобы привлечь рабочих и их семьи, была устроена чайная, открытая по вечерам в будние дни, а по праздникам — весь день. В их распоряжении

были газеты, журналы, шашки и шахматы. Посетитель, впервые пришедший в Народный Дом выпить чаю, видел, что он – светлый, чистый, хорошо отапливаемый зимой. Потом он приходил туда со всей семьей, интересовался деятельностью Дома, брал книги для чтения. Так образовывалась группа верных и признательных друзей Дома.

Несколько раз в год ученики организовывали балы, которые притягивали сотни людей.

Первая Мировая война, затем Революция изменили всё. После Февральской революции в мае 1917 года С.В. Панина приняла на себя обязанности товарища министра Государственного Призрения* ; потом в августе ей было поручено заведывание отделом Внешкольного Образования во Временном Правительстве.

Когда произошла Октябрьская революция, все министры были арестованы. С.В. Панина, с согласия всех старших служащих министерства, передала все суммы Министерства (93 000 рублей) в банк, который потом должен был вручить их Учредительному Собранию*. Бóльшая часть этих денег состояла из невыданного еще жалования служащим Министерства. Через несколько часов Министерство было захвачено большевиками, а через месяц С.В. Панина была арестована. Новое правительство потребовало возвращения этих денег большевистскому правительству. Она категорически отказалась. Ей было заявлено, что она будет заключена в тюрьму и предана суду по обвинению в расхищении народного достояния. В тот же день Учредительное Собрание было разогнано большевиками.

Около полуночи Панину привезли в тюрьму. На следующий день женщины, на обязанности которых лежала уборка камер, стали заглядывать в окошечко ее камеры с удивлением и сочувствием. Во все время ее заключения они часто приносили ей кусок хлеба и с особенным старанием мыли ее камеру, так как все они знали ее по Народному Дому или слышали о нем и об ее роли благодетельницы в нем.

Сидя в тюрьме Панина не знала, что за пределами ее стен шла борьба за ее освобождение. Жители квартала, где находился Народный Дом, подали петицию в Совет Народных Комиссаров, заполненную подписями, прося, чтобы им возвратили « их друга, творца их благополучия, женщину, которая столько сделала для них и их детей ».

Первое заседание военно-революционного Трибунала открылось 10ого декабря. Публика набила зал до отказа, и не все могли войти туда. Когда она вошла в зал, вся публика встала и устроила ей шумную овацию.

Так как она отказалась от адвоката, ей позволили заменить его ее давнишним знакомым и сотрудником Я.Я. Гуревичем, директором гимназии и близким сотрудником Народного Дома.

Председатель Трибунала предложил желающим из публики выступить с обвинительной речью. Глубокое молчание воцарилось в зале. Председатель вынужден был дать слово защите. Гуревич встал и спокойным голосом, с достоинством сказал свое дружественное слово.

Один рабочий, Иванов, попросил слова. Его короткое выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы и вызвало необыкновенное волнение среди судей.

Тотчас же был выпущен с обвинительной речью один из большевистских ораторов. Затем обвиняемой было предоставлено заключительное слово, в котором она подтвердила, что исполнила только то, что считала своим

долгом перед страной. Она прибавила, что ее сердце преисполнено благодарностью после речи Иванова.

Суд удалился на совещание и, вернувшись, объявил, что « ввиду прежних заслуг обвиняемой » ей объявлялся только « общественный выговор » и предлагалась свобода при условии, однако, внесения « изъятой » из министерства и положенной в банк суммы. С.В. Панина отказалась от освобождения на таких условиях. Тогда ее снова вернули в тюрьму.

Публика устроила ей бурную овацию, люди аплодировали, руки тянулись к ней, был настоящий триумф.

Приближалось Рождество. Панина предложила тюремному начальству устроить для заключенных чтение с волшебным фонарем, принадлежавшим Народному Дому. Разрешение было дано.

Через десять дней после суда над ней, ее друзья собрали по подписке 93000 рублей ; первый рубль был внесен одним рабочим. Арестованная смогла покинуть тюрьму.

В тот момент, когда Панина уходила, большевистский комиссар тюрьмы спросил ее :

– Ну, а как же с чтением на Рождество ? Как быть ?

Панина ответила :

– Если разрешите, я с удовольствием приду к вам в день Рождества и устрою обещанное чтение.

Маленький, в кожаной куртке (которые носили все комиссары) и с наганом* за поясом, подошел к ней и поцеловал ей руку.

Увольнительное Свидѣтельство

1903 года Декабря 3 дня Воронежской губерніи, Задонскаго уѣзда, Сенновскій Волостной Старшина А. Аксеновъ, вслѣдствіе просьбы крестьянина села Карачуна одноименной волости Якова Иванова Столярова, о выдачѣ увольнительнаго Свидѣтельства, на сына его Ивана на предметъ поступленія въ средне-учебное заведеніе, для продолженія образованія. Вслѣдствіе чего выдано настоящее свидѣтельство Ивану Яковлеву Столярову 22 лѣтъ въ томъ, что препятствій со стороны общества и волостнаго Правленія на исключеніе изъ крестьянскаго сословія села Карачуна не имѣется. Иванъ Столяровъ привлекался къ отбытію воинской повинности въ 1903 году, по 2-му призывному участку Задонскаго уѣзда, которому дана отсрочка Воинскимъ Присутствіемъ, надписью въ призывномъ спискѣ, на томъ основаніи, что Иванъ принадлежитъ къ числу лицъ, указанныхъ во 2 пунктѣ 61 ст. Уст. о воин. повин. въ чемъ подписомъ съ приложеніемъ печати свидѣтельствую.

Волостной Старшина А. Аксеновъ

Увольнительное свидетельство из крестьянского сословия позволивший И. Столярову выписаться временно из него до окончания образования и дававший ему отсрочку для отбывания войнской повинности.

Задонское Уездное по воинской повинности Присутствие симъ удостоверяетъ, что означенному въ семъ свидетельстве Крестьянину Ивану Яковлеву Столярову предоставлена Присутствиемъ отсрочка для исполнения воинской повинности до окончания образования въ Мариинскомъ Земледельческомъ Училище, но не далее (при) достижении симъ 24-хъ летъ. Иванъ Столяровъ изъявилъ желание отбыть воинскую повинность на правахъ вольноопределяющагося.

1903 г. Декабря 18 дня. № 3015

За Председателя Новинин

Делопроизводитель Мортинин

ЖИЗНЬ АВТОРА МЕЖДУ 1907 и 1953 г.

Так как воспоминания моего мужа остановились на 1907 г., профессор Петр Карлович Паскаль посоветовал мне прибавить несколько страничек за этот период.

Приехав во Францию после неудачи Революции 1905 г., мой муж был подавлен морально и истощен физически. По совету одного из врачей он уехал из Парижа в Тулузу, чтобы получить высшее образование. Там, благодаря щедрости графини Паниной, он смог поправить свое здоровье и получить диплом инженера-агронома, посещая в то же время лекции на Естественном факультете и выдержал экзамены по зоологии, ихтиологии, ботанике.

В 1914 г. вспыхнула первая мировая война. Будучи по своему характеру противником насилия, он решил поступить на курсы санитаров для фронта.

В конце 1916 г. он поехал в Россию, чтобы урегулировать свои обязанности по отбыванию воинской повинности. Комиссия нашла его негодным из-за его грыжи, и он был причислен к Центральному отделу по снабжению армии при Министерстве Земледелия.

Февральская Революция 1917 г. помешала ему возвратиться во Францию. При Временном Правительстве он служил в министерстве Земледелия. После Октябрьской Революции он был мобилизован и прикреплен к Народному Комиссариату Земледелия.

Страна была дезорганизована, продовольственного снабжения не хватало, населению были выданы карточки на определенный паек. Аресты и расстрелы без суда стали ежедневной действительностью.

В 1924 г. мой муж попросил разрешения поехать в Париж для урегулирования его личных семейных дел. Он получил разрешение пробыть несколько недель во Франции.

По возвращении в Москву, из-за своей поездки за-границу, он потерял работу. Так как единственным работодателем было Государство, он не смог найти себе работы.

Наступил день, когда Советское Правительство решило организовать колхозы и совхозы и нуждалось в компетентном человеке, знающем французский язык, чтобы отправить его в Париж для закупки сельско-хозяйственного оборудования, виноградных лоз и т.д.

Давнишний товарищ моего мужа, живший во Франции одновременно с ним до Октябрьской Революции, хорошо знал его. Этот товарищ, член Партии, рекомендовал его, как человека способного для выполнения такой миссии. Советское Правительство утвердило его кандидатуру, заключило

с ним контракт на три года и послало его в Торговое Представительство С.С.С.Р. в Париже.

Итак 21ого августа 1928 г. мы приехали во Францию. Мой муж отдался всецело своей работе с присущими ему самоотверженностью и честностью, забывая иногда пойти в ресторан позавтракать, воодушевленный только одним желанием быть полезным своему народу и, в особенности, крестьянству, из которого он вышел.

Вдруг, через два года, он был вызван в Москву, без всяких объяснений. Нам дали неделю на сборы.

Мой муж выставил три возражения на такой поспешный отъезд:

1) контракт на снятую нами квартиру не может быть нарушен ранее истечения предвиденного срока ;

2) его сын, ученик лицея Генриха IV, француз по рождению, не может быть оставлен на произвол судьбы среди учебного года ;

3) сам же он должен быть оперирован и хочет лечь для этого в одну из парижских больниц.

На первое возражение его начальство ответило, что квартира будет занята одним из служащих Торгового Представительства С.С.С.Р. На второе возражение было сказано : « Наша страна нуждается в мальчиках ». На третье возражение никакого протеста не было. Мой муж сейчас же лег в больницу. Торговое Представительство позвонило в больницу, чтобы удостовериться, что он действительно должен быть оперирован.

Через некоторое время я позвонила по телефону в Торговое Представительство, чтобы напомнить, что моему мужу не было уплачено жалованье за последний месяц. В ответ я получила : « Мы не считаем больше его принадлежащим к нашему персоналу ».

Как только мой муж более или менее выздоровел после операции, он пошел в Префектуру Полиции, чтобы легализировать свое новое положение. Там ему сказали обратиться в такой-то отдел, на двери которого он увидел надпись : « Высылка ». Он понял, что это означало. В это время начались знаменитые « тридцатые годы » в Советском Союзе.

Наше положение было трагично. Нас спасло чудо и вот каким образом. Будучи студентом в Тулузе, мой муж подружился с одним из своих профессоров, который полюбил его. Возвратившись во Францию, он начал переписываться со своим бывшим профессором и даже виделся с ним, когда тот приезжал в Париж. В это время профессор Дюшэн был сенатором от департамента От-Гароннь. Мой муж решил пойти к нему и рассказать, что с ним случилось. Сенатор немедленно обратился к министру Внутренних Дел и поручился за моего мужа. Он дал о нем следующий отзыв :

« Я, нижеподписавшийся, Дюшэн, сенатор, почетный директор районный Земледельческой Школы, заявляю, что знаю господина Ивана Столярова, русского по происхождению, с 1911 года. С этого времени и по сегодняшний день я не терял контакта с ним в его профессиональной деятельности и часто беседовал с ним о сельско-хозяйственных и социальных вопросах. Я удостоверяю, что его взгляды и поведение были всегда безупречны, что он – человек долга, здравомыслящего ума, его суждения разумны и основаны на знаниях. Он заслуживает полного доверия.

Ф. Дюшэн. »

Печать Мэрии
Лафитт-Вигордонь, Департамент От-Гароннь.

Сенатор Дюшэн спас нам жизнь, но у нас не было права на рабочую карту. Как жить ? С нашими скромными сбережениями и физической работой (два раза в неделю), которую мне удалось получить, мы жили с грехом пополам. В нашей двух-комнатной квартирке мы сдали комнату одной студентке.

Только через два года моему мужу удалось получить рабочую карту, а мне – через год после него. Наконец, в 1935 году Префектура Полиции выдала нам удостоверение личности, признав нас русскими беженцами.

Деятельность моего мужа была разнообразна, но плохо оплачивалась :

1) Переводы, документации разных трудов на русском языке для высокопоставленных французов.

2) Работа в Земгоре (Российский Земско-Городской Комитет по оказанию помощи русским гражданам за-границей) в качестве технического советника в сельско-хозяйственных вопросах ; сотрудник и потом редактор *Сельско-Хозяйственного Журнала* (с 1ого июля 1932 по 1ое января 1937 г.).

3) Заведующий Агрономическим отделом по заочному обучению Высшего Технического Института во Франции (1934-1940 гг.).

4) Работа в ОРТ'е : Организация-Реконструкция-Труд ; французское общество по распространению работы в промышленности и в сельском хозяйстве среди евреев (апрель 1941 г. до сентября 1944 г.).

Все это помогало жить, если только удовлетворяться самым необходимым.

Вторая всемирная война вызвала увлечение русским языком. Я смогла, наконец, благодаря профессору П.К. Паскалю, давать частные уроки и несколько часов преподавания в Институте Политических наук, а также в лицеях. Через некоторое время я была назначена лектрисой профессора Паскаля в Сорбонне.

Дочь преподавателя в астраханской гимназии, я мечтала лишь об одном : преподавать русский язык.

Увы ! долгая болезнь моего мужа оборвала его жизнь как раз в конце моего первого учебного гора в Сорбонне (в 1953 г.), когда я смогла бы обеспечить материально нашу жизнь...

В. Столярова

ПАМЯТИ И.Я. СТОЛЯРОВА

4ого мая скончался Иван Яковлевич Столяров. Незаметно ушел от нас человек, многими незамечанный в течение 71 года своей жизни. Но его не забудут те, кто имел счастье быть к нему более или менее близкими. И для них, по мере того, как отдаляется день его кончины, его образ не тускнеет, а проясняется все более и более. И.Я. Столяров — лучший пример того, что могло дать соединение русского крестьянина с русским интеллигентом.

Стóит посмотреть на добрые лица его отца и матери, настоящих воронежских крестьян, на скорбные, смиренные лица, дышащие каким-то божественным спокойствием и благообразием, чтобы понять, какое неиссякаемое наследие безукоризненной честности, самоотвержения, стремления к высшей правде, накопленное многими веками глубокоосознанного христианства, Иван Яковлевич получил от родителей. Он их помнил и уважал и любил до конца. Без слез нельзя было слушать, когда он рассказывал, как эти простейшие русские крестьяне, бывшие крепостные, жили, работали и страдали единственно для блага, для Бога.

Он ушел все-таки от них, он их огорчил, еще мальчиком, и, о том теперь вспоминая, нисколько не жалел, потому что стремился к свету, к действию, к выходу из этой бездны нищеты и терпения. Поступил он в сельско-хозяйственное училище, стал учиться. Долго было бы говорить о боязни, о восторге крестьянского мальчика перед наукой. Новый мир открылся ему. Начались смутные времена : он примкнул к тем, кто искал больше свободы, справедливости, счастья для всех, больше все той же правды, но в другом виде. Сохраняя в глубине души лучшее из старого христианского наследия, он сознательно сделался наследником и продолжателем лучших представителей русской интеллигенции.

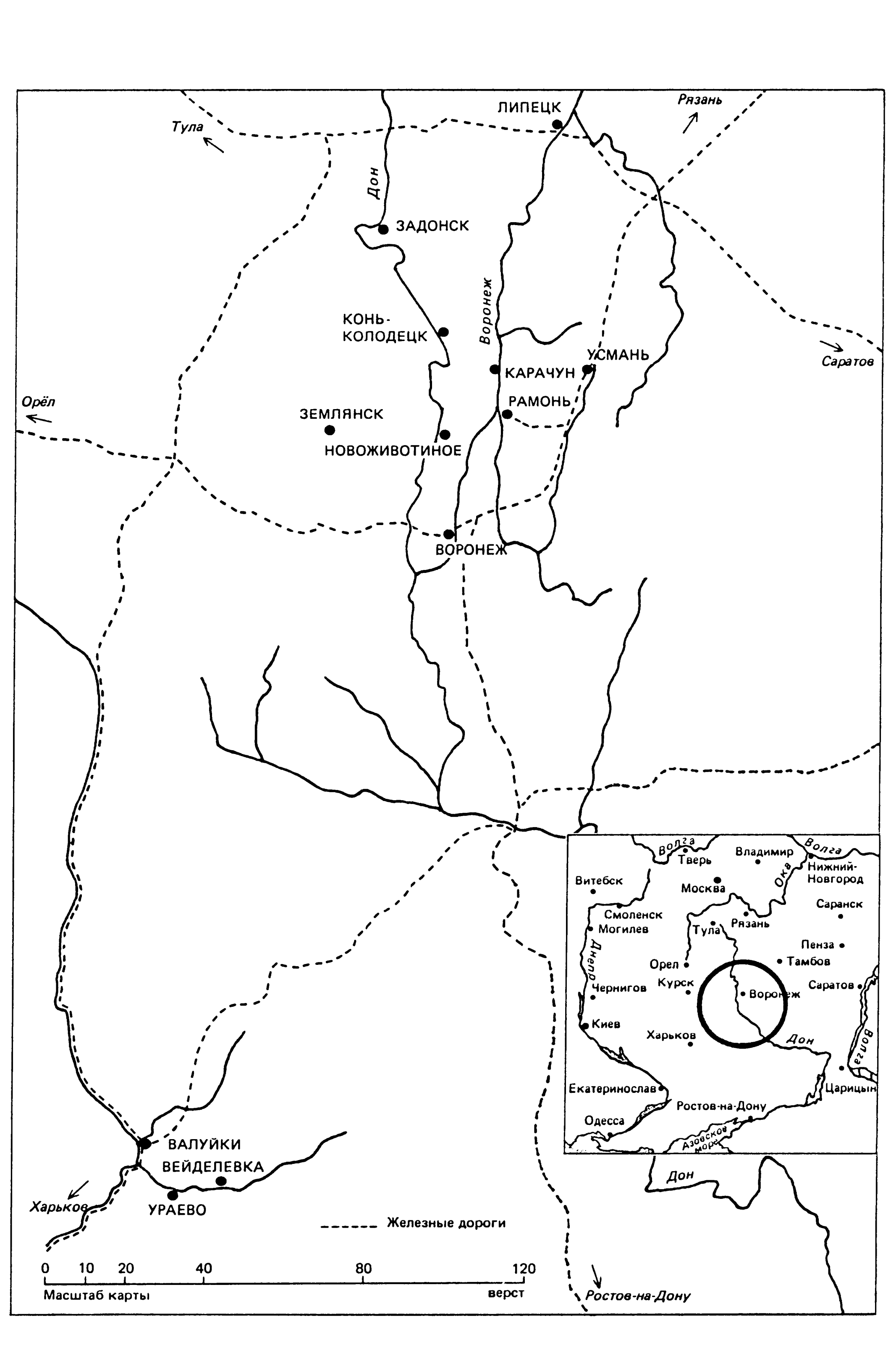
Пошли аресты, гонения, эмиграция, опять годы учения, в Тулузе, возвращение в Россию в 1916 г., крестьянское движение, Всероссийский Крестьянский Союз, одним из организаторов которого был Иван Яковлевич. С советской властью можно былс мириться вначале : Иван Яковлевич служил в Центросоюзе, имел столкновения, конечно, со всеми, кто хотел подчинить государству кооперативное движение или его использовать в свою личную пользу. Пришлось дать место гневу большевистскому и уехать за-границу, сначала по командировке, а потом перейти на положение эмигранта. Но и тут Иван Яковлевич остался верен раз принятым в молодости идеалам. Осуждал он не революцию, не народ, а насильников, которые революцию исказили и предали.

Горчайшее его горе было, что не удалось для своего народа больше сделать. Внутреннюю потребность постоянного служения пришлось перенести на Тургеневскую Библиотеку или на пользу знакомых и друзей...

О других сторонах Ивана Яковлевича я не буду говорить : о друге, об отце и дедушке, о муже, о человеке чутком, скромном, всегда готовом помочь своим знанием и добрым советом, о больном – увы ! – терпеливом и покорном. Интеллигент-общественник – из воронежских крестьян ! Горжусь его дружбой, оплакиваю его потерю. Не хочу, чтобы осталась неотмеченной добрым словом в русской печати об этом прекрасном русском человеке.

Проф. П. Паскаль

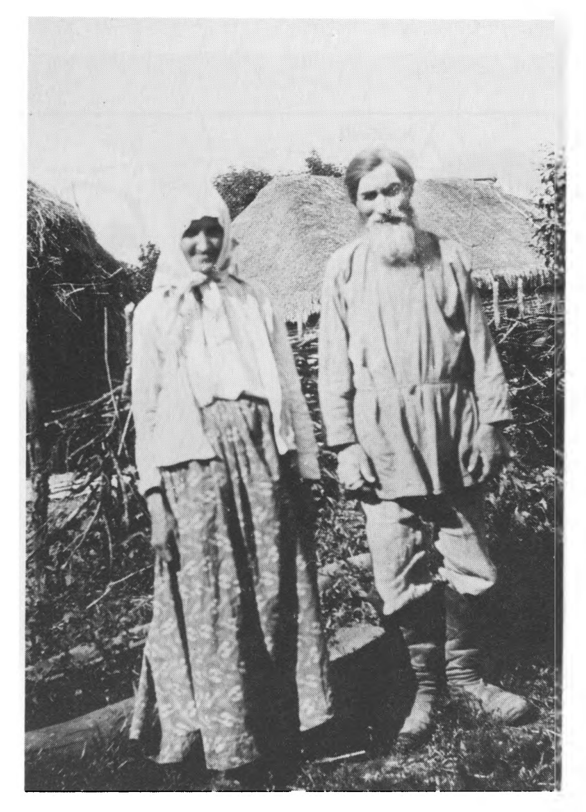
Русская Мысль, 5-го июня 1953 г.

Тула
ЛИПЕЦК
Рязань
Дон
ЗАДОНСК
Воронеж
КОНЬ-
КОЛОДЕЦК
УСМАНЬ
Саратов
КАРАЧУН
Орёл
РАМОНЬ
ЗЕМЛЯНСК
НОВОЖИВОТИНОЕ
ВОРОНЕЖ
Волга
Тверь
Владимир
Волга
Нижний-
Новгород
Витебск
Москва
Ока
Смоленск
Саранск
Могилев
Тула
Рязань
Днепр
Пенза
Орел
Тамбов
Курск
Чернигов
Воронеж
Саратов
Киев
Харьков
Дон
Волга
Екатеринослав
Царицын
Ростов-на-Дону
Одесса
Азовское море
Дон
ВАЛУЙКИ
ВЕЙДЕЛЕВКА
Харьков
УРАЕВО
Железные дороги
0 10 20 40 80 120
Масштаб карты
верст
Ростов-на-Дону

Родители автора. 1916 г.

Родители, сестра и племянники автора. 1917 г.

Родители автора. 1917 г.

Брат автора с женой и с двумя детьми. 1923 г.

Брат и племянник автора. 1923 г.

С. В. Панина (1872-1956).
Здесь в ранней молодости.

Автор с женой и сыном первого брака. 1931 г.

1947 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 13

Губе́рния «province» : самая крупная территориальная единица в России, состоящая из нескольких уездов. Российская империя делилась на 69 губерний. В Воронежской губернии было 12 уездов, 230 волостей, 2341 селение, 1893 крестьянских общества.

Уе́зд «district» : низшая административно-территориальная единица, входившая в состав губернии.

Во́лость : с 1861 года единица крестьянского самоуправления, объединявшая несколько смежных крестьянских обществ.

За́ймище : луг, который оказывался под водой при разливе рек.

Стр. 14

Верста́ : около 1 067 метров.

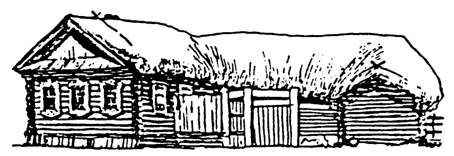
Дворы́ плетёные : двор – огороженный участок при доме, на котором расположены хозяйственные постройки. Изгородь, окружающая двор, может быть плетеная (из камыша, молодых веток...), из досок и т.д. (см. Basile Kerblay, *L'Isba hier et aujourd'hui*, Lausanne, 1973).

Двор на Украине.
На первом плане виден плетень.

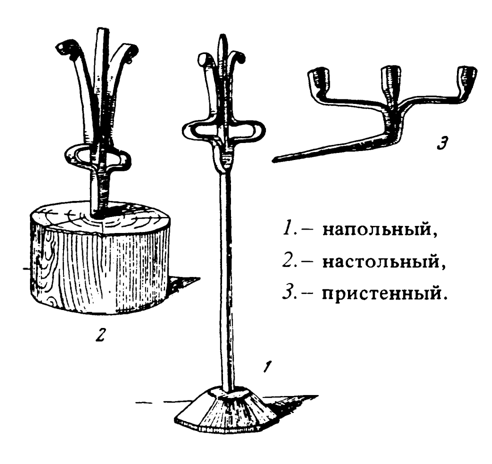
Пелена́ : внутренний нижний край ската крыши. (См. иллюстрацию на обложке.)

Тесо́вые воро́та : отделяющие двор от улицы, сделанные из тёса (досок).

В центре – тесовые ворота.

Лучи́на : часто, вставлялась в светец.

Светцы.

Стр. 15

Госуда́рственные крестья́не (до отмены крепостного права) : государственные крестьяне жили на казенных землях и находились в ведении казенных палат. Они считались лично свободными. Таким образом они отличались от помещичьих и от дворцовых (удельных) крестьян. (См. предисловие.)

Малоземе́лье : недостаточная обеспеченность земельными угодьями. Воронежская губерния была одна из самых перенаселённых.

Ува́жить : удовлетворить.

Стр. 16

20 вёрст : см. карту, стр. 170.

От села́ : это приводило к так называемым дальноземелью и черезполосице.

Автор описывает разделы и переделы общинных земель по дворам. Земля принадлежала общине, которая делила их на наделы. Каждый двор получал по наделу в зависимости от рабочих рук или ртов и т.п. (см. предисловие). Так как состав семьи менялся, то время от времени (каждые 6, 9, 12 лет) производили переделы на сходе (см., например, P. Pascal, *Civilisation paysanne en Russie*, Lausanne, 1969, стр. 37-41).

Севооборо́т : чередование сельскохозяйственных культур (здесь : « assolement triennal »).

Ози́мые культу́ры : сев осенью, урожай на другой год.

Яровы́е культу́ры : сев весной, урожай в тот же год.

На пару́ « en jachère » : незасеянное поле.

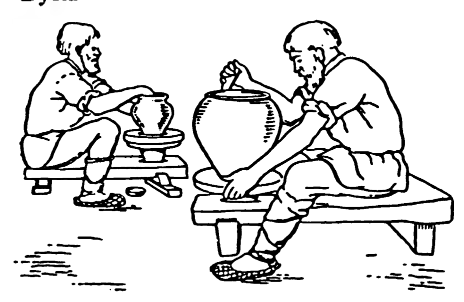
Стр. 17

О́бщество (т.е. сельское общество) : хозяйственно-административная единица. Она составляет часть волости и состоит из одного крупного селения или из нескольких мелких. Решение принимал сельский сход (собрание), на котором присутствовали все домохозяева (обычно отец семейства или, если он отсутствовал, его жена). Сельское начальство состояло из сельского старосты, сборщика податей (налогов), писаря. Кроме писаря все они избирались сельским обществом. Как хозяйственно-административная единица сельское общество совпадало с поземельной общиной (миром). Сельский сход принимал решения по переделам земли.

В Воронежской губернии было в начале века 232 волости, 2352 селения, 2099 сельских обществ, 342 108 крестьянских дворов.

Стр. 18

Бу́ка :

Ручной гончарный круг (по фотографии конца XIX века).

Пола́ти : настил из досок под потолком между печью и противоположной стеной (или вдоль печи), для спанья (см. илл. стр. 183, «Пятистенок» и «Ларь».

Горн :

Стр. 20

Куре́нь (муж.) : жилище, легкая летняя постройка.

Стр. 21

Мирово́й судья́ : после судебной реформы 1864 г. каждый уезд составлял «мировой округ», который делился на участки. Мировой (участковый) судья избирался на три года уездным земским собранием. Он разбирал мелкие гражданские и уголовные дела. После реформы 1889 года был заменен земским начальником.

Стр. 22

Переселе́ние в Сибирь : всего за период 1885-1914 переселилось в Сибирь 4 385,6 тысяч и из них 879,3 тысяч (т.е. 20,5 %) из района центрального чернозёма. (См. Fr.-X. Coquin, *La Sibérie. Peuplement et immigration paysanne au 19e siècle*, Paris, Institut d'études slaves, 1969.)

Горн (Фотография конца XIX века).

Стр. 23

Уéздный город : т.е. центр уезда (см. карту, стр. 170).

Рéкрутские набóры : при рекрутской повинности (до 1874 года) каждая община должна была выставлять определенное (в зависимости от числа дворов) число рекрутов. После реформы 1874 г. рекрутская повинность была заменена воинской повинностью, которая распространялась на всех лиц мужского пола всех сословий, достигших 20 лет. От действительной службы освобождались лица имеющие льготы по семейному положению, среди остальных бросали жребий. Служба длилась 5 лет.

Мóщи : нетленное тело умершего угодника Божия, почитаемое церковью святым.

Недоúмка : когда домохозяин не уплачивал в срок подати, земские и государственные сборы, то это считалось недобором. После определённого срока, недоборы обращались в недоимку и тогда вмешивалась в дело местная полиция (становой пристав) и принимался ряд мер, например, продавалось имущество домохозяина (за исключением ежедневной одежды, необходимой домашней утвари, продовольствия, семян, необходимых орудий производства, одной коровы и т.д.), часть его надела сдавалась в аренду и т.д. (см. стр. 186, « Аренда »).

Зéмская больнúца : земства организовали оплачиваемые им больницы в уездных городах для лечения сельских обывателей. Медицинское обслуживание было бесплатно. Один из врачей руководил больницей, другие (1-2 врача) должны были разъезжать по своему участку.

Зéмский начáльник (после закона 1889 года) ; земские (участковые) начальники соединяли в одном лице административные и судебные (на уровне мирового судьи) обязанности. Земский начальник действовал в пределах части уезда : земского участка. Губернатор избирал земских начальников (обязательно из дворян) среди кандидатов представленных уездным предводителем дворянства. Власть земских начальников распространялась на крестьян и обывателей, проживавших в селениях.

Волостной сход (волостной старшина, волостной писарь и сельские старосты), 1910 г.

Волостнóй старшинá : волостной старшина избирался волостным обществом. Избранный таким образом старшина (из крестьян, так как волость являлась административной единицей крестьянского самоуправления) утверждался земским начальником и делался «начальником» волости.

Сéльский стáроста : председатель сельского схода и он же исполнитель решений схода. Он избирался сельским сходом на три года. Сельский староста был также органом полицейской власти : он следил за порядком, за отбыванием крестьянами повинностей и т.д.

Зéмство : *земства* – органы *самоуправления,* созданные в 1864 г. и распространённые на 34 губернии империи. Система предусматривала свободные выборы *земского собрания* (на три года) и делила избирателей на 3 разряда, по сословному признаку и по принципу имущественного ценза. К 1ому разряду принадлежали помещики, владевшие имениями от 200-800 дес. ; ко 2-му разряду – горожане, с недвижимым имуществом ценностью в 1000-3000 руб. или имевшие дело с оборотом не менее 6000 руб. К 3ьему разряду – крестьяне, избиравшие *выборщиков* на волостном сходе, которые в свою очередь избирали *гласных*, т.е. членов земского собрания, как крестьян, так и помещиков или членов духовенства. Делами земства руководила *земская управа.* Уездные земские собрания избирали гласных в губернские собрания.

В функции земств входило ведение всеми местными делами – преимущественно экономическими (как и было задумано законодателем), но также (и всё больше) административными и, наконец, общественными. Для своих нужд земства производили *сборы*, преимущественно с крестьян. До реформы 1890 г. дворяне составляли в земских собраниях меньшинство, но после этой реформы они стали большинством. Земства сыграли огромную роль в развитии народного образования (особенно начальной школы), здравоохранения, общественного призрения. Будучи межсословными, они способствовали появлению общественного и политического сознания на основе этого первого опыта народного представительства. Наконец они сблизили образованные слои общества с крестьянством, помогли лучше узнать их жизнь и их нужды и создали своеобразную «земскую интеллигенцию» (врачи, учителя, статистики, землемеры...).

Стр. 24

Знáхарь (муж. р.) «guérisseur» : лекарь-колдун, лечащий травами и заговорами.

Принцéсса Ольденбургская : см. предисловие.

Сестрúчка : т.е. сестра милосердия.

Фéльдшер ≃ «officier de santé» : лицо с низшим медицинским образованием (или даже без всякого особого образования). Он был призван исполнять вспомогательную работу при враче, но он часто исполнял в деревне функции врача.

Правослáвные обря́ды : по православному обряду крышка гроба прибивается перед самым погребением, уже у могилы.

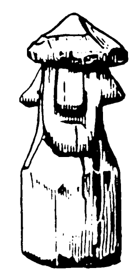
Стр. 25

Бáбка-повивáлка «sage-femme» : акушерка.

Бáбка-повиту́ха : женщина, оказывающая помощь при родах.

Наговорённый : над чем нашептали заклинания, призывая магическую силу.

Домово́й : добрый или злой дух дома, живущий обычно за печью. Представляется в виде человека.

Домовой. Дерево. Новгород, XIII в.

Стр. 26

О́тчий дом : девушка, выйдя замуж, уходила в семью мужа.

Дереве́нская мона́шка : женщина, принявшая пострижение и давшая обет вести аскетическую жизнь, но живущая не в монастыре, а в миру.

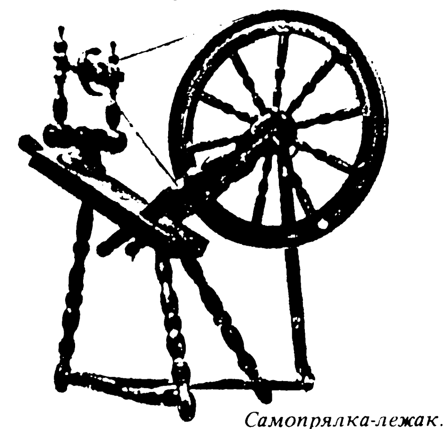
Стр. 27

Сочетаться зако́нным бра́ком : выйти замуж, жениться, т.е. обвенчаться в церкви ; другого *законного* брака до революции не существовало.

Вы́делить : то-есть отдать часть имущества сыну, чтобы он мог жить отдельно, стать хозяином.

Арши́н : 0,71 метра.

Пря́лка :
(здесь самопрялка « rouet »).

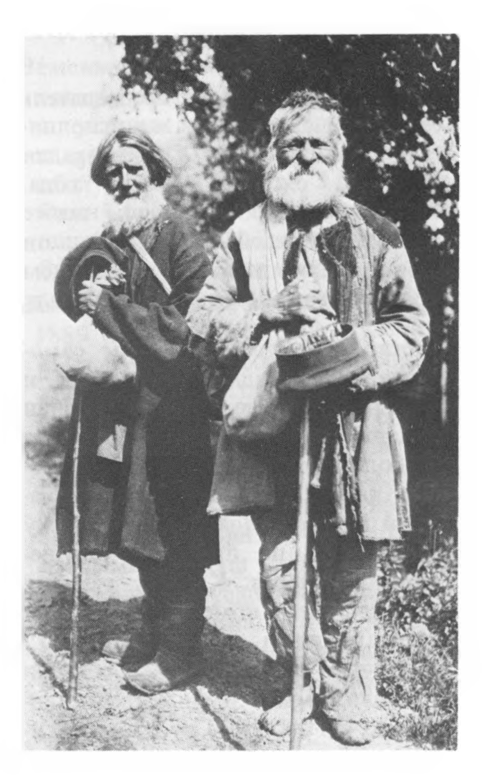

Самопрялка-лежак.

По́рченый : человек больной, испорченный колдовством.

Стр. 28

Пало́мник « pèlerin » : человек, ходящий по святым местам.

Паломники (1910 г.).

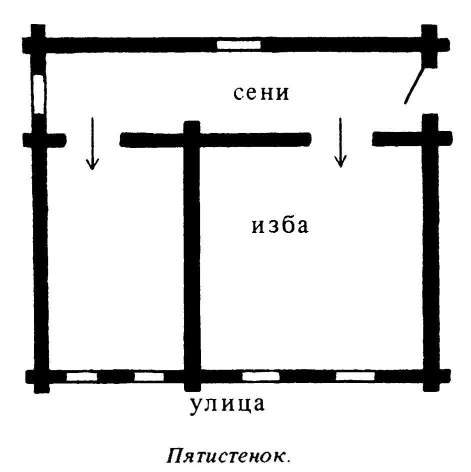
« **Во́лчий** » **па́спорт** (или волчий билет) : полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам (Даль), а также документ с отметкой о неблагонадёжности, закрывающий доступ в учебные заведения, государственную службу, и т.д.

Стр. 29

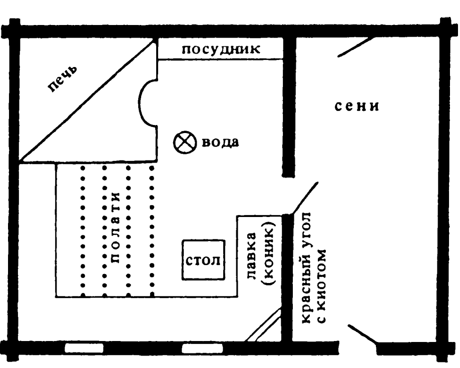
Семе́йный котёл « pot commun » : заработанные деньги одним из членов семьи поступают в общее пользование всей семьи.

Стр. 30

Пятисте́нок : удлиненный сруб с внутренней поперечной, пятой стеной. Пятистенок состоял из двух помещений (избы и горницы) с сенями. Пятистенки были редки в южной части России. (См. B. Kerblay, *op. cit.*, и *Русские: историко-этнографический атлас*, т. I, стр. 131 и след.).

Пятистенок.

Примерная планировка избы в южной части России.

Ларь :

(На примере избы северного типа.)

Вид избы в южной части России (начало XX века).

Стр. 31

Зава́линка : см. иллюстрацию на обложке.

Портки́ : штаны.

Служи́вый : человек находившийся на военной службе, солдат.

Я́шка : уменьшит. от Якова.

Стр. 32

Схо́дка : сход сельского общества; он состоял из всех домохозяев принадлежавших к сельскому обществу. Сельский сход принимал решения по делам связанным с общинным пользованием земли (переделами...). Он также осуществлял раскладку податей, сборов и натуральных повинностей между дворами. Решения принимались большинством голосов крестьян участвовавших в сходе.

Стр. 33

Задо́нье : противоположный, левый берег Дона.

Шиба́й : мелкий торговец-перекупщик.

Солда́тка : жена или вдова солдата.

Свёкор : отец мужа.

Свекро́вь : мать мужа.

Вы́селки : селение, возникшее в результате выхода жителей из другого бо́льшего населенного пункта. Они могли образовываться, когда крестьяне выделялись, выходили из общины, чтобы стать личными собственниками своих участков земли (подворное владение).

Ху́тор : часто обозначает (в особенности после столыпинских реформ 1910-11 годов) крестьянское хозяйство выделенца, вышедшего из сельского общества, который живет на своей земле, а не в селе (≃ «ferme»). В данном случае — несколько крестьянских дворов (≃ «hameau»).

Стр. 34

Просва́тать : обещать кому-либо выдать замуж за него свою дочь.

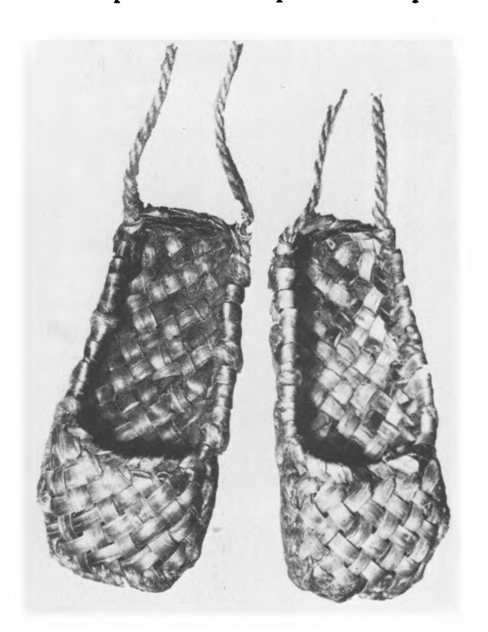
Убира́ть к венцу́ : одевать невесту, чтобы везти ее в церковь.

Стр. 35

Домостро́й : *Домострой* был написан в XVI веке священником Сильвестром. Он содержал свод житейских наставлений и правил. Он остался символом патриархальной семьи, где «власть отца была безгранична».

Киево-Пече́рская Ла́вра : один из главных монастырей в России ; был основан в XI веке. В пещерах находились мощи угодников, и монастырь являлся одним из центров паломничеств.

Ла́поть (муж. р., лапти – множ. ч.) : обувь, сплетённая из луба или лыка, т.е. первого слоя дерева под корой.

Лапти.

Кото́мка : сумка из лыка, холста или кожи.

Сподо́бить : удостоить.

Стр. 36

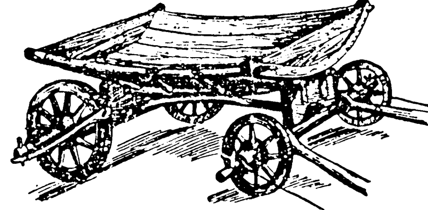
Бра́га : домашнее крестьянское пиво.

Сту́день (муж. р.) : блюдо из сгустившегося от охлаждения мясного или рыбного отвара с мелкими кусочками мяса или рыбы.

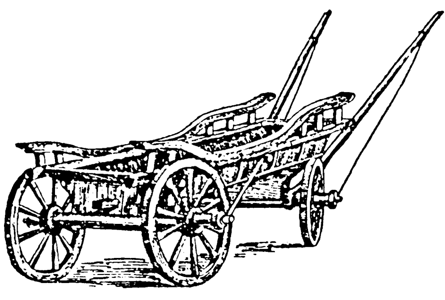
Стр. 37

Понука́ть : заставлять рабочий скот двигаться быстрее ; от междометия «ну ! ».

Теле́га :

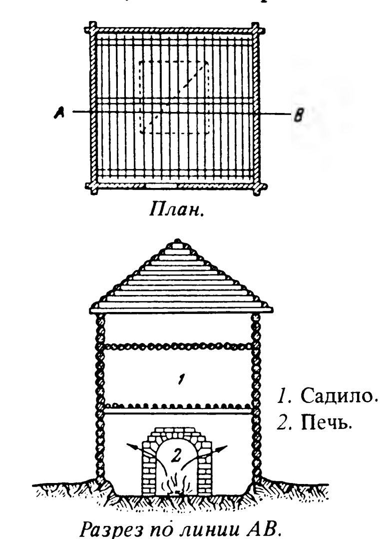

Телега-рыдван. Воронежская губерния.

Повозка легковая выездная. Воронежская гурерния, начало XX века.

Ри́га : сельско-хозяйственная постройка для сушки хлеба в снопах до обмолота, а также крытый ток.

План.

Разрез по линии AB.

Стр. 39

Пост : церковный период, когда верующие должны воздерживаться от потребления определенной пищи. Главные многодневные посты : Великий пост (четыредесятница = 40 дней) не считая страстной недели ; Петров (апостольский) пост от восьми дней до шести недель в зависимости от праздника Пасхи ; Успенский пост : две нелели до Успения (с 1-го по 14-е августа) ; Рождественский (Филиппов) пост с 15-го ноября по 24-е декабря.

Ярмарка :

Сельская ярмарка (на Украине).

Ма́сленица : неделя перед Великим постом, во время которой едят молочные продукты, но не едят мяса. Масленица (проводы зимы) была самым веселым праздником (см. В.К. Соколова, *Весенне-летние календарные обряды*, М., 1971).

Престо́льный (праздник) : день святого, в честь которого построен храм.

Старно́вка : обмолотые слегка снопы, которые идут на кровлю.

Полынья́ : незамерзший или уже растаявший участок ледяной поверхности реки, озера, моря.

Стр. 40

Тпру ! : междометие, употребляемое чтобы остановить лошадь.

Вы́гон : пастбище для скота.

Распу́тица : время, когда дороги становятся от грязи непроезжими ни на санях, ни на колёсах (весной и осенью).

Оборо́тный капита́л «fonds de roulement» : денежные средства, находящиеся в обращении при торговле.

Стр. 41

Привеча́ть (устар.) : приветливо принимать кого-либо, угощать.

Уря́дник : нижний чин уездной полиции. Он находился под началом станового пристава.

Мзда : плата, вознаграждение за какой-нибудь труд.

Стр. 42

Голо́дный 1891 год : во время голода 1891-1892 гг., одного из самых жестоких во второй половине XIX века, особенно пострадали Воронежская, Нижегородская, Казанская, Самарская и Тамбовская губернии. Короленко, Толстой, Чехов (в Воронежской губернии) и многие другие принимали участие в организации помощи голодающим.

Стр. 43

По́дати : всеобщие прямые налоги или только некоторые личные налоги. При общинном владении землей уплата налогов возлагалась на общину (круговая порука).

Аре́нда : наём недвижимого имущества во временное пользование. (См. стр. 180, « Недоимка ».)

Суде́бные изде́ржки «frais de justice» : расходы, связанные с судебным процессом.

Понято́й : лицо, привлекаемое органами власти в качестве свидетеля при обыске, описи имущества и т.д.

Стр. 44

Неве́стка : замужняя женщина по отношению ко всей семье ее мужа : отцу, матери, братьям, сестрам.

Свято́й Гео́ргий : т.е. 23 апреля.

Моле́бен : краткое богослужение в знак благодарности или просьбы (≃ «action de grâce»).

Карау́лка : помещение для сторожа.

Никола́евские времена́ : в царствование Николая I (1825-1855) воинская повинность продолжалась 20 лет.

Около́док : часть, конец города, предместье. Здесь часть деревни.

Креще́ние : Крещение Иисуса Христа (6 января).

На свя́тках : на святках проводились уличные гулянья, игрища, ряженья, посиделки молодёжи, гадания (см. В.И. Чичеров, *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков*, М., 1957, стр. 166 и след.)

Стр. 46

Псалти́рь (жен. р.) : книга псалмов царя Давида.

Своя́ченица : сестра жены.

Стр. 47

Дьячо́к ≃ «sacristain» : церковный служитель.

Попадья́ : от слова «поп», жена священника.

Стр. 48

Вы́бей об у́гол избы́ свой нос, выбить нос : высморкаться.

Доморо́щенный : невысокого качества.

Обру́шенное : очищенное от шелухи.

Коро́вье или топлёное масло : масло для кухни, тогда как сливочное масло – для стола.

Стр. 49

Просви́рня : женщина пекущая просфоры, особый круглый хлебец, употребляющийся у православных при литургии. (См. M. Roty, *Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'Église russe*, I.E.S., 1983).

Просфора.

Духо́вное уе́здное учи́лище : давало начальное образование и готовило к поступлению в духовную семинарию.

Уе́здное учи́лище : учебные заведения, основанные в начале XIX века, по своему значению были между приходскими школами и гимназиями. С 1875 года они были постепенно преобразованы в городские училища. Некоторые уездные училища существовали еще в конце XIX века ; они состояли из трех классов и действовали на основании устава 1828 года.

Кутья́ : обрядовое блюдо из риса или пшена, с изюмом, медом, миндалем и т.п. Кутью едят в день похорон и при поминовении усопших. Куте́йник : шуточное прозвище духовных лиц (Была бы кутья, а кутейники будут. Даль).

Стр. 50

Коромы́сло :

Стр. 51

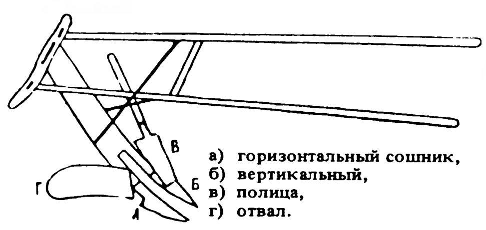
Кольцо́в Алексе́й Васи́льевич (1808 Воронеж – 1842 Воронеж) : поэт, сын воронежского мещанина. Писал стихи в народном стиле о крестьянском труде, быте, о природе.

Ники́тин Ива́н Са́ввич (1824 Воронеж – 1861 Воронеж) : поэт-самородок, сын мещанина. Писал стихи о деревне, о жизни крестьян, лирические стихи о русской природе.

Жадо́вская Ю́лия Валериа́новна (1824-1883) : русская писательница, родилась в дворянской семье. Стихи Жадовской посвящены любви, изображению природы, несовершенству окружающей жизни. Лирика ее тесно связана с народнопесенной традицией.

Си́вка : обычное прозвище лошади сивой масти.

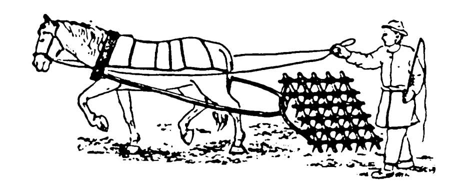
Соха́ ≃ « araire » :

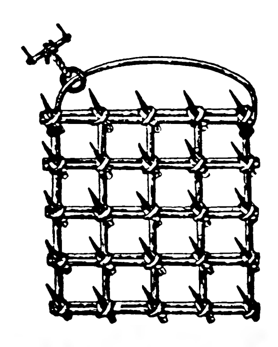

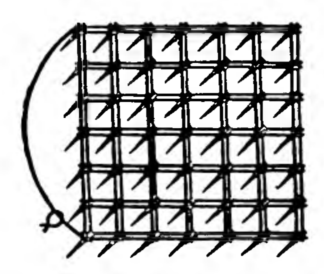
Кривуша – соха на один сошник. Костромская губерния, начало XIX века.

Борона́ « herse » :

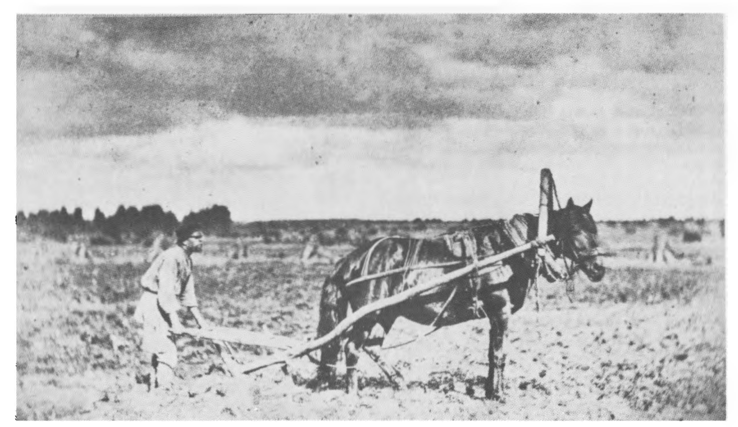
(О земледельческих орудиях, см. *Хозяйство и быт...*, *op. cit.*, и *Русские*, т. I.)

Бороны плетеные и рамочные.

Пахота сохой (70-е годы).

Громове́ржец : в древне-русской мифологии – Перун, бог грома. Впоследствии православные стали отождествлять его с Ильей-пророком (см. статью В.В. Иванова, *Мифы народов мира*, т. II, стр. 306, М., 1980).

Стр. 52

Башкови́тый (простореч.) : умный, сообразительный, от слова «башка» голова.

Стр. 53

«**Ять**» : название буквы «ѣ», произносившееся как буква «е». В 1905 г. подкомиссия Российской Академии Наук обсуждала вопросы о правописании. Было предложено, между прочим, упразднить букву «ѣ» (*ять*), которая была обязательна в ряде слов. Правило это было строгим, и ошибка могла стоить дорого кандидату в момент экзаменов. Решение подкомиссии в этом не было единогласным. Министр Просвещения Мануйлов ввёл новую орфографию факультативно, т.е. каждый мог писать или по новой орфографии или по старой. После Октябрьской Революции была введена единая новая орфография.

Архимандри́т : старший сан монаха, настоятель монастыря.

Стр. 55

Сино́д (Святейший Правительствующий Синод) : являлся высшей властью в русской православной Церкви. Он состоял из архиереев, назначаемых царем. Обер-прокурор возглавлял Синод на правах министра ; он не был духовным лицом, а осуществлял государственный надзор над Синодом.

Прихо́д «paroisse» : церковь с причтом (священнослужителями) и прихожанами.

Шко́ла : в конце XIX века система начального народного образования была очень сложна, т. к. в ней одновременно существовали училища, которые были организованы в разное время (уставы 28-го, 72-го, 75-го гг.).

В основном можно разделить начальные училища на :

– *училища, находившиеся под контролем министерства народного просвещения.* Среди них :

~ так называемые «образцовые» сельские училища (одноклассные или двухклассcные ; курс длился соответственно 3 года или 5 лет). В 1898ом году их было 2268. Они содержались за счёт казны.

~ незначительное число уездных училищ и городских училищ по уставу 1828 и 1872 годов.

~ главным образом, начальные народные училища по уставу 1874 г.; одноклассные (самые многочисленные) и двухклассные. В них преподавались следующие предметы : закон Божий, чтение, письмо, 4 действия арифметики. Они содержались за счёт земств (в большинстве случаев), городских управлений (в городах), сельских обществ, частных обществ или лиц.

В этих школах преподавали духовные лица (закон Божий) и учителя (для подготовки учителей были открыты учительские семинарии). В 1891 году было 1 050 двухклассных и 25051 одноклассных училищ, где училось 1 815 859 учащихся (1 376 322 мальчиков и 439 537 девочек).

– *общеобразовательные школы бывшие в ведомстве Святейшего Синода* :

~ одноклассные школы грамоты с очень низким уровнем (≃ «école du dimanche») ;

~ церковно-приходские школы (одноклассные или двухклассные с двухлетним или четырехлетним

курсом). В них учили закон Божий, церковное пение, чтение, письмо и начальную арифметику. Преподавали в них либо священник или другой член причта, либо учителя, под наблюдением священника. По данным Святейшего Синода в 1891ом году было 10 600 церковно-приходских школ и в них училось 421 600 учащихся. Церковно-приходские школы постепенно отступают перед земскими школами (в 1914ом году насчитывалось 30 000 церковно-приходских школ, тогда как было 80000 училищ в ведомстве министерства народного просвещения).

Напомним, что по переписи 1897ого года в России было 27% грамотных среди населения 9ти лет и больше. Но начальная школа быстро развивалась : если в 1898ом году было 70 000 начальных школ и 3 600 000 учащихся, то в 1915ом году было 115 000 школ и 8 500 000 учащихся. (См. более подробно P.L. Alston, *Education and the state in tsarist Russia.* Stanford, California, 1969, и W. Berelowitch, «L'École russe en 1914», *Cahiers du monde russe et soviétique.* vol. XIX, 3, 1978).

Стр. 56

Обе́дня ≃ «messe» : главная церковная служба.

Кли́рос «chœur» : место для певчих в церкви.

Ко́ли или **коли́** : если.

Сороко́уст (сороко́устная обе́дня) : у православных литургия об умершем, которая служится в течение 40 дней после смерти.

Тре́ба : краткое богослужение, совершаемое по просьбе прихожан как в церкви, так и на дому.

Стр. 57

Собо́рование : таинство с елеосвящением для исцеления души и тела и отпущения грехов (здесь «extrême-onction»).

Митка́левый «calicot» : дешевый сорт хлопчато-бумажной ткани.

Стр. 58

Струг ≃ «rabot» : общее название инструментов для стругания.

Земно́й покло́н : низкий, при котором лбом касаются земли или пола.

Народная (земская) школа.

Стр. 59

Жале́йка, свире́ль, ду́дка : русские народные музыкальные инструменты.

Жалейка.

Свирель.

Лад «tonalité» : тон.

Архангельский А.А. (1846-1924) : хоровой дирижер и композитор.

Бортнянский Д.С. (1751-1825) : классик русской церковной музыки.

Шестопса́лмие (церков.) : шесть псалмов, читаемые во время утрени.

У́треня, зау́треня «matines» : утренняя служба.

Апо́стол (церков.) : книга, содержащая Деяния апостолов «Actes des apôtres» и их послания «épîtres»; они читаются во время обедни (см. M. Roty, *op. cit.*).

Стр. 60

Дья́кон «diacre» : помощник священника, участвующий в службе.

Семёновский полк : старейший полк гвардии. Основан Петром Iым в 1687 году.

Целова́льник (дореволюц.) : торговец вина и спиртных напитков, получавший это право от казны ; при этом он давал присягу и целовал крест.

Ка́менные мешки́ : тесная тюремная камера. Имеется в виду Петропавловская крепость.

Стр. 61

Сла́вить Христа́ : ходить по домам на Рождество и на Пасху с песнопением, прославляющих Христа.

Конда́к : краткое песнопение, прославляющее Христа, Богородицу, чествуемого святого, в день их праздников.

И́рмос : церковное песнопение за всенощной.

Богоно́сец : носящий во время крестного хода иконы и хоругви в большие праздники.

Христо́соваться : поздравлять с праздником Пасхи, говоря : «Христос воскресе!» целуясь три раза.

Голоси́ть (народ.) : громко плакать, причитая нараспев, напр., на свадьбах или на похоронах.

Стр. 62

Четвертна́я буты́лка : четвертая часть ведра = 3, 3 литра.

Стр. 64

Зе́лье : здесь водка.

«**Весе́лие пити́**» : Говорилось при подношении стольником чаши со спиртныи напитком князю.

Стр. 65

Примо́ст : легкая деревянная пристройка в избе к печке, обычно для спанья или отдыха.

Пряде́ние : это было работой сезонной. Начиналось после сельскохозяйственных работ и заканчивалось на масленицу.

Стр. 67

Просёлочная : второстепенная дорога, соединяющая населенные пункты.

Объе́здчик : человек, который охраняет земельные владения помещиков, объезжая их.

Стр. 68

Городово́й : нижний чин городской полиции, наблюдавший за порядком.

Околóточный (надзиратель) : полицейский, ведавший городским районом.

Стр. 69

Бахче́вник : владелец или сторож бахчи, на которой выращивают арбузы, дыни, тыквы.

Стр. 70

Поддёвка : мужская верхняя одежда со сборками вокруг талии.

Крестьянин Тамбовской губерни в поддевке (конец XIX века).

Стр. 71

Па́ства : верующие, приписанные к одному приходу или епархии.

Причт : все обслуживающие данную церковь.

Святы́е Дары́ : хлеб и вино, т.е. во время литургии тело и кровь Господни.

Слу́жка (архиере́я) : молодой слуга при архиерее.

Келе́йник : прислужник при игумене или при архиерее.

Пасо́мые : прихожане.

Ца́рские Врата́ (или Святы́е Врата́) : врата в центре иконостаса, через которые входят в алтарь только архиерей, священник в облачении и царь в момент коронации.

Стр. 72

Митрофа́н Воро́нежский (1623-1703) : святой, первый воронежский епископ.

Ти́хон Задо́нский (1724-1783) : святой, знаменитый духовный писатель ; с 1763 до 1767 г. воронежский епископ ; позже поселился в Задонском монастыре.

Тулу́п : очень длинная верхняя одежда из овчины (мехом внутрь), необходимая в зимние морозы при езде на санях.

Хала́т : мужская крестьянская длиннополая одежда без перехвата в талии.

За́говенье : последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу.

Стр. 73

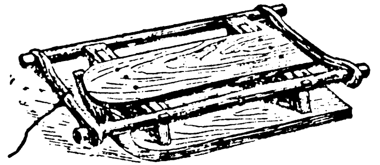
Мясое́д : время, в которое православная Церковь разрешает употреблять мясную пищу.

Кра́сная Го́рка : первое воскресенье после пасхальной недели.

Иван Купа́ла : праздник летнего солнцестояния у древних славян (ночь с 23 на 24 июня). В православной Церкви праздник святого Иоанна Крестителя.

Стр. 74

Сала́зки, са́ночки :

Ручные саночки для катания и перевозки мелкой клади.

Стр. 75

Скоро́мненькое (уменьш.) : скоромное, т.е. то, что запрещено потреблять в пищу во время поста.

Соче́льник : канун праздников Рождества и Крещения.

Стр. 76

Все́нощная : суточный круг богослужения начинался с вечерни (вечерня «vêpres») ; потом повечерня «complies», полунощница «office de minuit», всенощная «vigile», утреня «matines», часы «heures», обедня, литургия ≃ «messe».

Стр. 77

Паникади́ло : люстра в церквах.

Стр. 78

Хохлу́шка, от слова «хохол»: клок волос, у птиц – торчащий клок перьев на голове.

Стр. 79

Прощёный день : накануне Великого поста православные просят друг у друга прощения за вольные или невольные проступки.

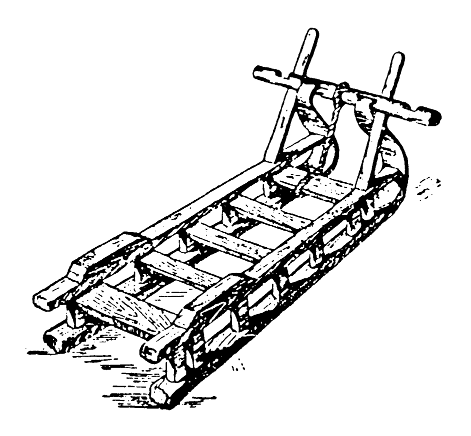
Стр. 80

Дуга́ : часть конской упряжи из тонкого согнутого ствола дерева над головой лошади.

Стр. 81

Дро́вни : наиболее распространенный вид саней для перевозки бревен, дров, сена, соломы и т.д.

Сани-дровни.

Стр. 82

Благове́щение «Annonciation» : 25 марта. Один из двунадесятых праздников. Возвещение Богородице архангелом Гавриилом о будущем рождении Иисуса Христа.

Ве́рбное Воскресе́нье «Dimanche des Rameaux» : один из двунадесятых праздников. Вход Господень в Иерусалим.

Стр. 83

Епитимия́ : духовное наказание за грехи.

Стр. 84

Епитрахи́ль «étole» : длинная двойная полоса ткани, надеваемая священником через голову.

Отпуска́ть грехи́ (церков.) : прощать грехи.

Анало́й (греч., церков.) «lutrin» : высокий столик с покатым верхом для икон и священных книг.

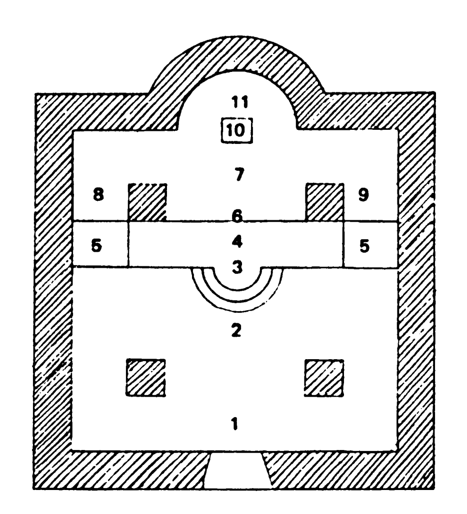
Стр. 86

Вели́кий Четве́рг : в Великий Четверг священник читает двенадцать отрывков из всех четырех Евангелий. Их содержание посвящено страданиям (страстям) и смерти Иисуса Христа.

Плащани́ца : изображение Спасителя во гробе, вышитое на полотне, окруженном с четырех сторон спускающимся красным бархатом с золотистой бахромой. В Великую Пятницу плащаница выносится из алтаря на середину церкви.

Стр. 87

Алта́рь (муж. р.) : восточная возвышенная часть храма у православных, отделенная от центральной его части иконостасом. (См. план церкви.)

Церковь.

1. притвор
2. церковь, храм
3. амвон
4. солея
5. клиросы
6. иконостас
7. алтарь
8. предложение
9. сосудохранительница
10. трапеза
11. горнее место

Хору́гвь (жен. р.) : священные знамена с изображением Христа, Божьей Матери или святых на длинном древке.

Коса́ :
В 1910 году в Воронежской губернии было всего 2 655 жнеек.

Крестный ход с хоругвями (около 1900 г.).

Ри́за «chasuble» : облачение священника.

Стр. 88

Разговля́ться : принимать скоромную пищу в первый раз после поста.

Стр. 89

Сошнички́ : т.е. сошник, железная часть сохи для горизонтального взрыхления земли. (См. стр. 188, « Соха ».)

Серпы́ :

Посевно́е луко́шко :

Сеятель с лукошком.

Жатва ручная.

Деревя́нные цепы :

Молотьба цепами (начало XX в.).

Стр. 90

Пали́ца : железная лопатка для очищения от прилипшей земли.

Стр. 91

Тро́ицын день (или Пятидесятница, 50-й день от Пасхи) сошествие Святого Духа на апостолов «Pentecôte». Следующий день, понедельник, посвящен Святому Духу (Духов день « Lundi de Pentecôte »). По христианской (и в особенности православной) традиции явление Аврааму трех ангелов у дубравы Мамре (Бытие XVIII) истолковывается как явление Троицы (Троица ветхозаветная). К Троицыну дню были приурочены обряды родственные купальским. (См. В.Я. Пропп, *Русские аграрные праздники*, Л., 1963.)

Ку́ща : шатёр.

Стр. 95

Па́мять о нем быльём поросла́ : о давно забытом.

Стр. 96

По наря́ду : распоряжение выполнить ту или иную работу.

Деся́тский (обычно избирался на десять дворов) : помощник старосты, который ведал нарядом крестьян на работы и исполнял полицейские функции.

Го́род Азо́в (на Дону) : он принадлежал раньше Турции. Завоеван Петром Великим в 1711 г., но потом возвращем туркам. В 1736 г. Азов был окончательно присоединён к России.

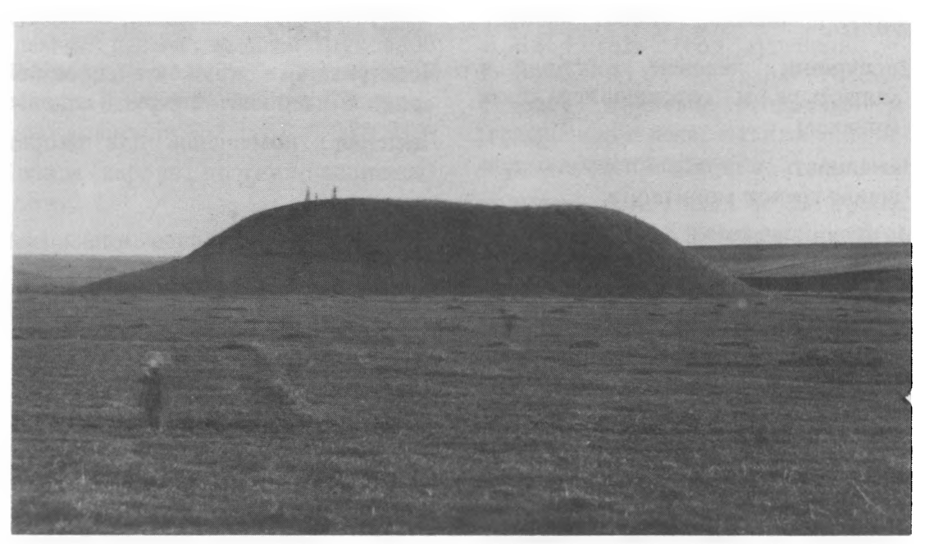
Курга́н : древняя могильняя насыпь.

Иконоста́с : он отделяет алтарь от остальной церкви. (См. M. Roty, *op. cit.*, стр. 43.)

Стр. 100

Басурма́нин (враждебн.) : нехристь, вообще иноверец.

Митрофа́ньевский монасты́рь : Воронежский Благовещенский Митрофанов монастырь, мужской монастырь 1-го класса, находился в самом Воронеже. Монастырем управлял епископ Воронежский. Наместником был архимандрит. В монастыре было 69 монахов и 65 послушников (в 1908 году). При монастыре существовали 2-х классная церковно-приходская школа, больница для паломников и монашествующих. В монастыре бывало ежегодно до 40 000 паломников. (См. Л.И. Денисов, *Православные монастыри*, М., 1908.)

В годовщи́ну ко́нчины : т.е. 23 ноября.

Стр. 97

Житиья́ святы́х : описание жизни святого ; одна из самых распространенных форм христианской литературы. (Жития были собраны в Четиях-Минеях.)

Стр. 98

Просору́шка : машина для удаления кожицы с проса, переработка его в пшено.

Стр. 99

Ке́лья : отдельная комната в монастырях.

Ва́ленки : сапоги из грубого фетра.

Стр. 101

Воро́нежский Алексе́евский Ака́тов монастырь, монастырь 2-го класса, был основан в 1620 г. В нем было

18 монахов и 12 послушников (в 1908 г.). При монастыре была второклассная регентская школа. (См. Л.И. Денисов, *op. cit.*).

Викáрный епи́скоп : духовное лицо, помощник или заместитель епископа, или же епископ без епархии.

Преосвящéнный : титул архиерея.

Трáпезная : столовая в монастырях.

Рéгент : управляющий хором в церквах.

Стр. 102

Пóслушник : человек, живущий в монастыре и готовящийся стать монахом.

Замáливать : стараться получить прощение грехов молитвой.

Миря́нин : человек, живущий в миру, не принадлежащий к духовному званию.

Стр. 103

По этáпу : принудительная пересылка кого-либо под стражей.

Стр. 104

Апокáлипсис « Apocalypse » : откровение, видения св. Апостола Иоанна Богослова.

Стр. 105

Сéльско-хозя́йственная шкóла : сельско-хозяйственные школы начали развиваться в России только в конце XIX века. В 1903 году было 5 высших, 17 средних и 189 низших сельско-хозяйственных школ, в которых училось всего около 8000 учеников. Сельско-хозяйственные школы были в ведомстве министерства земледения. Школы существовали на средства казны и отчасти земств и платы за обучение воспитанников. Учение в низшей сельско-хозяйственной школе продолжалось обычно 3 года, но почти при всех школах были приготовительные классы (1 или 2 года).

Стр. 106

Метри́ческое свидéтельство (метрика) : свидетельство о рождении и крещении, как и акты о браке и смерти до Революцию выдавалась Церковью.

Стр. 108

Набивнóй : рисунок, который печатали на ткани.

Подстригáть в кружóк : сплошной ровной линией вокруг головы.

Людскáя : помещение для дворни или прислуги.

Стр. 110

Отрéзанный ломóть : тот, кто вышел из семьи навсегда.

Стр. 111

Нагóльный : не покрытый сверху тканью.

Окóлыш : часть мужского головного убора, ободком облекающая голову.

Портя́нка : полоса ткани для обматывания ног.

Стр. 113

Законоучи́тель : учитель Закона Божьего.

Стр. 114

Вы́гонка : ускоренное выращивание растений.

Стр. 116

Выпускны́е экзáмены : необходимые для получения свидетельства об окончании школы.

Сéльско-хозя́йственное учи́лище : среднее сельско-хозяйственное училище давало общее образование

(в объеме реального училища) и специальное образование. Курс продолжался 6 лет. Училище готовило в основном управляющих имениями.

Стипе́ндия « bourse » : денежное пособие, освобождающее учащихся в учебных заведениях от платы.

Стр. 118

Таранта́с : четырёхколёсная дорожная повозка на длинных дрогах.

Духо́вная акаде́мия : Духовная академия давала высшее духовное образование. Курс продолжался 4 года. Всего в России было 4 духовных академии.

Кри́вда (народн., поэтич.) : неправда, ложь.

Печа́льники наро́дные : страдающие за народ.

Во́йнич (1864-1960) : английская писательница. В 1887 году по 1889 год жила в России, вышла замуж в 1892 г. за польского революционера. Самый известный её роман *Овод*, описывает освободительную борьбу итальянцев в 1830-40 годы. Сделался настольной книгой русской молодёжи.

Шпильгаген Фридрих (Spielhagen, 1828-1911) : немецкий писатель, автор современных политических романов, которые были очень популярны среди молодёжи в России.

Эркман (Erckmann, 1822-1899) и **Шатриан** (Chatrian, 1826-1890) : французские писатели из Эльзаса, авторы исторических романов.

Стр. 120

Побо́рник : сторонник чего-нибудь.

Дежу́рный : в России в каждом классе ежедневно назначался в алфавитном порядке «дежурный» ученик (ученица в женских гимназиях), на обязанности которого лежало : проветрить класс, приготовить мел, принести географическую карту, если она была нужна.

Пови́нная, принести́ пови́нную : признать себя виновным.

Стр. 122

Пугачёвский бунт (1773-1774) : бунт под предводительством Пугачева в царствование Екатерины II.

Стр. 123

Суде́бная Пала́та : судебный орган с 1864 года (год судебной реформы) до 1917 года. Рассматривала крупные уголовные и гражданские дела, а также аппеляции окружных судов.

Столы́пин П.А. : был в то время губернатором Саратовской губернии, потом стал министром Внутренних дел (1906), затем премьер-министром. В 1911 г. в Киеве Столыпин был смертельно ранен эсером Д.Г. Богровым.

Стр. 124

Баку́нин Михаил Александрович (1814-1876) : основатель революционного анархизма в Европе, принимал деятельное участие во многих революционных движениях Западной Европы ; был выдан России, заключён в Петропавловскую крепость, потом выслан в Сибирь. В 1861 г. бежал через Японию и Америку в Лондон.

Ге́рцен Александр Иванович (1812-1870) : русский революционер, философ, писатель, публицист. В 1847 г. уехал заграницу, жил во Франции, Италии, в 1853 г. обосновался в Лондоне, где издавал *Колокол*.

«Орло́вский рыса́к» : название произошло от имени графа Орлова, который развёл эту породу в своем поместье в Воронежской губернии

в конце XVIII и начале XIX века.

Плéве В.К. (1846-1904) : министр Внутренних дел и шеф жандармов, был убит от взрыва бомбы, брошенной Е.С. Сазоновым.

Стр. 125

Петрункéвич Ивáн Ильи́ч (1844-1928) : юрист, организатор земских съездов 1870 годов. Один из лидеров кадетов. Эмигрировал после Революции.

Конституциóнно-демократи́ческая партия (Кадеты) : либеральная партия, основанная в 1905 г. (1-й учредительный съезд состоялся в октябре 1905 г.). Она выступала за конституционную и парламентскую монархию; требовала свободу слова, печати, собраний, всеобщее голосование, расширение прав земств и т.д. Её программа предусматривала наделение землей малоземельных крестьян. Играла большую роль в Думе. После Февральской революции принимает участие во временном правительстве. Декрет 28/11/17 (старого стиля) объявил кадетов «партией врагов народа».

Дрóжки : лёгкий, открытый экипаж на два места.

Стр. 126

Черносóтенное движéние : крайне правое антисемитские организации (Союз русского народа и Союз Михаила Архангела), возникшие в период революции 1905 г. Они организовали отряды, учинявшие погромы, Презрительное название « черная сотня » им было дано противниками.

Всероссúйский крестья́нский союз : беспартийная крестьянская организация. Возникла в Московской губернии в 1905 г. В ней играли большую роль С.Р. и земская интеллигенция. 1-й съезд состоялся в мае 1905 г. На 2-м съезде (в ноябре 1905 г.) присутствовало 187 делегатов из 75 уездов 26 губерний. Крестьянский союз распался в 1907 году. Он мало изучен в советской историографии; самая подробная статья: Е.И. Кирюхина, «Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.», *Исторические записки*, 50, М., 1955.

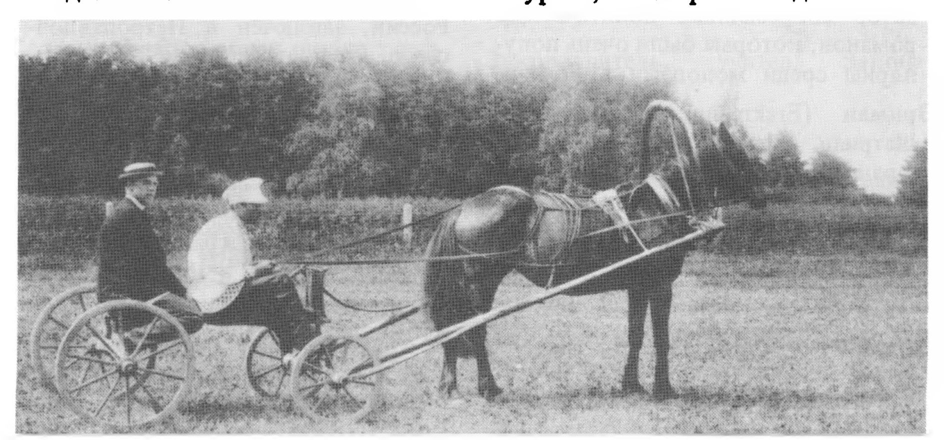
Стр. 127

Сбóрная : помещение, служащее для сбора деревенских жителей.

Стр. 130

Рýсское слóво : см. предисловие.

Церкóвный вéстник : еженедельный журнал, который издавался с

Дрожки (хорошо видна дуга).

1875 г. в Санкт-Петербурге при духовной академии. До 1888 г. являлся официальным органом Святейшего синода.

Стр. 131

Крестья́нский Поземе́льный Банк : был основан в 1882 году (воронежское отделение в 1885 году), чтобы дать возможность крестьянам покупать земли. Он состоял в ведении министерства Финансов. Банк выдавал долгосрочные ссуды сельским обществам, товариществам (числом не менее трех крестьян), отдельным крестьянам. В начале пользовались этой возможностью в основном товарищества (так в 1844 г. с помощью Крестьянского банка товарищества приобрели 169328 десятин земли, сельские общества 30998, а отдельные домохозяева 8852). С 1895 г. Крестьянский банк имел право покупать имения для перепродажи крестьянам. Впоследствии Крестьянский банк способствовал аграрной столыпинской политике и выдавал ссуды в первую очередь отдельным домохозяевам.

Стр. 135

Поднадзо́рный : подозрительный политический, оставленный на свободе, но под надзором полиции.

Стр. 141

Ю.П. Махнове́ц : см. приложение.

Стр. 143

Плеха́нов Г.В. (1856-1918) : теоретик социализма, философ, основатель социал-демократической партии. Лидер меньшевиков.

Кропо́ткин П.А. (1842-1921) : князь. Один из главных теоретиков анархизма, географ-исследователь Восточной Сибири. Автор глав о России во Всеобщей географии Э. Реклю. Арестован в 1876 г., бежал заграницу, жил сначала во Франции, потом в Англии. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию.

Организа́ция «Наро́дная Во́ля» : она выделилась из организации «Земля и Воля» в 1878 г., ее задачей было свержение власти посредством террора ; была разгромлена в начале 1880 годов.

Ро́дичев Ф.И. (1854-1933) : политический деятель. Принимал активное участие в работе Земства. Был лучшим оратором Кадетской партии. Депутат 1ой, 2ой и 3ьей Думы. Эмигрировал, скончался в Швейцарии.

Милюко́в П.Н. (1859-1943, во Франции) : профессор, историк, политический деятель, возглавлял Кадетскую партию, депутат Думы, министр Иностранных дел во Временном Правительстве 1917 г.

Шингарёв А.И. (1869-1918) : земский деятель. Один из лидеров Кадетской партии. В 1917 г. министр Временного правительства. Убит в 1918 г.

Стр. 145

«Со́рок сороко́в» церкве́й (1600) : их только около тысячи, а разделены они по *сорокам* на староства или благочиния, хотя в *сороке* и менее сорока церквей (*Толковый словарь* Вл. Даля).

«Нелега́льная кварти́ра» : в которой жили без регистрации паспорта в полиции.

Гельсингфо́рс : теперешнее название – Хельсинки.

« Порфироно́сная столи́ца » : т.е. Санкт-Петербург ; порфира «pourpre» = багряница, верхняя торжественная одежда государей.

Пушкин употребляет этот эпитет в *Медном всаднике.*

Стр. 147

Провидéние : действие высшей силы.

Стр. 149

Ниспослáть (церков., устар.) : послать свыше.

Стр. 154

Доброхóт (устар.) : активный доброжелатель.

Стр. 155

Супостáт : неприятель, враг.

Напýтственный молéбен : краткое богослужение уезжающим, отправляющимся в путь.

Псалóмщик : церковный служитель в русской православной церкви, чтец, дьячок.

Пáстырь (муж. р.) : священник как руководитель паствы.

Стр. 156

Рóта «compagnie» : войсковое подразделение, входящее в состав батальона.

Залéчь : находиться где-нибудь внизу.

Пособи́ть (народ.) : помочь.

Слободá : предместье города.

Ходóк : деревенский уполномоченный, которому поручено говорить от имени крестьян.

Стр. 157

Ответ держáть : отвечать за какой-нибудь поступок.

Вóльной-вóлей (народн.) : добровольно.

Опри́чники : они состовляли особое войско телохранителей и карателей при Иване Грозном. Слово осталось как олицетворение насилия и жестокости.

Святотáтец : человек, оскорбляющий церковную святыню.

Стр. 158

Рáзин Степáн Тимофéевич (около 1630-1671) возглавил в 1667-1670 гг. казацкий и крестьянский бунт.

Стр. 160

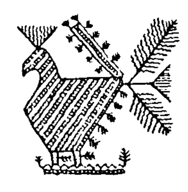
Разби́ть сад : устраивать на отведённом участке земли сад, цветник и т. п.

Призрéние (устар.) : попечительство и забота о сиротах, о нуждающихся взрослых, нищих и проч.

Учреди́тельное собрáние : после Февральской революции было принято решение организовать выборы Учредительного собрания «assemblée constituante». Напомним, что первое заседание Учредительного собрания состоялось уже после Октябрьской революции, 5 (18) января 1918 года. Оно было сразу же разогнано большевистской властью.

Стр. 162

Нагáн (по имени бельгийского оружейника Nagant) : револьвер.

CRÉDIT PHOTOGRAPHIQUE

Les éditeurs tiennent à exprimer leur reconnaissance aux organismes cités ci-dessous, qui les ont autorisés à reproduire les documents qu'ils détiennent. Les numéros renvoient aux pages.

Éditions Albin Michel, Paris : 177, 187, 188.

Institut d'études slaves (fonds Baron de Baye), Paris : 195.

Roger-Viollet, Paris : 183, 196.

Société de géographie, Paris *(clichés Bibliothèque nationale)* : 175, 176, 179, 197.

Les documents concernant l'auteur et sa famille sont extraits des archives de Mme Valérie Stoliaroff *(clichés J.-L. Charmet)*.

Dessins : Martine Roty (194) ; Denis Brandin (196).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Impression et brochage : Imprimerie BIALEC, Nancy Dépôt légal n° 22795 - 1er trimestre 1986

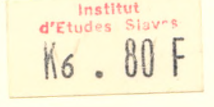
UN DOCUMENT SUR LA FIN DU TSARISME

Pour qui veut comprendre la vie paysanne russe au début du siècle (82% de la population) et la révolte morale des meilleurs fils de cette paysannerie contre les humiliations, ce petit livre est important et émouvant. Dommage qu'Alexandre Soljenitsyne ne l'ait point lu... Pour corriger certaines lacunes de l'historiographie d'aujourd'hui, ce simple récit est irremplaçable.

Georges NIVAT
(*Le Monde,* 13-14 janvier 1985)

Ce témoignage si convaincant peut inspirer des réflexions diverses. Celle qui s'impose au lecteur que préoccupe l'avenir de la civilisation en danger pourrait être la suivante : c'est avec cette humanité rurale que Lénine a cru possible d'instaurer une société idéale dans son pays d'abord, dans le monde ensuite. Car il a pris le pouvoir avec des soldats qui étaient des paysans en uniforme, et avec des ouvriers issus de la classe paysanne sans perdre leurs liens étroits avec la campagne. Il a suffi de slogans simplistes et de promesses vaines pour les rallier à un projet irréalisable, pour les inciter ensuite aux pires violences afin de perpétuer un pouvoir contredit en tous points par l'expérience. On en a vu et on en verra encore les conséquences.

Boris SOUVARINE
(*Est & Ouest,* 666, 1er-30 septembre 1982)

ISSN 0765-0213	K 6
ISBN 2-7204-0218-4	3.86